

О. Н. СМОЛИН

ТРИ ТРАГЕДИИ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Демократия перед теми, кто к ней относится серьезно, ставит почти неразрешимые проблемы, а для тех, кто ее ненавидит, открывает почти неограниченные возможности.

Вацлав Гавел

Главное отличие демократического режима от авторитарного состоит в том, что при последнем народ расплачивается за чужие ошибки, тогда как при первом — за свои собственные.

Автор

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель! Книга, которую Вы держите в руках,— второе издание подобного рода в научной и политической биографии автора. Первым был научно-публицистический сборник «Куда несет нас рок событий», изданный в 1995 г. и включивший в себя главным образом возможные сценарии обозримого будущего России и прогнозы вероятности их реализации, которые были выполнены автором в конце 80-х — начале 90-х гг. К несчастью, эти прогнозы в большинстве своем сбылись, а в чем-то действительность превзошла даже самые тревожные предположения. При сравнении двух изданий бросаются в глаза следующие обстоятельства.

Во-первых, подобно первой, вторая книга не написана специально, но составлена из материалов, частью опубликованных, а частью сохранившихся в личном авторском архиве.

Во-вторых, как и первая, она для нашего времени, скорее, исключение, чем правило: в отличие от своих предшественников, склонных к многотомным изданиям речей и статей, большинство известных политических лидеров новой волны обществу и самим себе в конце 80-х гг. предпочитали не напоминать, о чем говорили в их начале, а в конце 90-х гг. не любят вспоминать, о чем писали в конце 80-х и тем более, что делали в начале последнего десятилетия XX в. Автор решился во второй раз нарушить неписанный императив «смутного времени» не только потому, что его позиция по вопросам демократии, как, впрочем и по остальным, за последние десять лет кардинально не изменилась, но главным образом для того, чтобы еще раз напомнить обществу о его собственных демократических устремлениях конца 80-х гг., пусть даже в чем-то они кажутся сейчас наивными.

В-третьих, подобно сборнику «Куда несет нас рок событий», «Три трагедии российской демократии» — отражение настроений не отдельного человека, но целой общественной группы, которую можно было бы охарактеризовать как часть российской интеллигенции левой, демократической ориентации (на Западе иногда употребляют термин «несталинистские левые»). Эта группа активно поддержала реформы М. Горбачева, однако оказалась в оппозиции Б. Ельцину и его «команде»

вскоре после их прихода к власти.

В-четвертых, эта книга, как и предыдущая, может служить своего рода пособием по проблемам становления современной российской политической системы и в целом по проблемам российского политического процесса конца 80—90-х гг.

Наконец, в-пятых, подобно предшественнику, настоящий сборник материалов может рассматриваться и как политический отчет перед избирателями депутата трех парламентов, трижды избранного по одномандатным округам. В условиях частичного «прозрения» политической элиты, пересматривающей свое отношение к курсу радикальных «реформ без населения» и к суперпрезидентской Конституции, такой отчет не кажется напрасной тратой времени.

Что касается отличий второй книги от первой, то главные из них сводятся к двум позициям.

Первая — структурированность работы, материалы которой выстроены уже не по хронологическому принципу, но по проблемно-тематическому и разбиты на четыре основных раздела:

демократические интенции в СССР конца 80-х годов: модели и пределы;

манипулирование народом посредством самого народа: плебисцитарная демократия как главный механизм эскалации авторитаризма;

Президент и парламент в условиях новейшей российской революции: свертывание представительной демократии и формирование авторитарно-демократического режима;

демократические левые в современной России: генезис и крушение проекта.

Второе отличие заключается в том, что научно-публицистическим статьям, собранным в работе, предшествует развернутое теоретическое введение, в котором излагаются взгляды автора на вопросы демократии в «переходном обществе». Тем самым читателю представляется судить, насколько практическая деятельность политика (а публикации в печати, равно как и парламентские выступления для политика — это практическая деятельность) соответствовала научной парадигме исследователя.

Хочу надеяться, что идеалы народного самоуправления, подлинной демократии, дискредитированные теми, кто в России 90-х гг. незаконно приватизировал не только львиную долю собственности, но и право именоваться демократами, рано или поздно обретут новую жизнь и миллионы достойных сторонников.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ *

*** ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ ОПУБЛИКОВАН: АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ.— ОМСК: ОМСКОЕ ВЫСШЕЕ ТАНКОВОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ, 1991.**

1. Демократия: интерпретация и тенденции

Проблема демократии является одной из наиболее актуальных для современного общества вообще, для России — в частности по целому ряду причин.

Во-первых, исторический опыт второй половины XX в. показал, что страны с демократическими режимами, как правило, добиваются больших экономических успехов, чем страны с режимами авторитарными. Это связано с тем, что именно демократия создает наилучшие условия для проявления инициативы, без которой невозможно эффективное производство.

Во-вторых, правительства стран с демократическими режимами обычно совершают меньше ошибок в управлении, не говоря уже о злоупотреблениях властью и преступлениях против личности. Другими словами, демократия — это своеобразный защитный механизм общества от узурпации власти. Не зря говорят: власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Демократия не всегда способна выполнить эту защитную функцию. В условиях кризисов дают сбои и демократические механизмы, однако в развитых странах это все же исключения из правила.

В-третьих, для современного человека демократия все более становится самостоятельной ценностью. Люди не хотят быть колесиками и винтиками какой бы то ни было, пусть даже хорошо отлаженной системы, предпочитают сами решать свои проблемы хотя бы и ценой ошибок.

В-четвертых, в России проблема демократии стоит особенно остро, поскольку страна, по-видимому, переживает начало длительного и сложного периода формирования демократических форм правления, — периода, который обычно сопровождается попытками установления авторитарных режимов как леворадикального (неосталинского) толка, так и правого (неопиночетовского) характера. Ситуация осложняется очень широким распространением в массовом сознании стереотипов авторитарно-патриархальной культуры, выработанных историей России в досоветское и советское время.

Термин «демократия» (в переводе с греческого — народовластие) весьма многозначен. В современной социологии и политологии им обозначается: а) форма государства (прежде всего такие ее элементы, как форма правления и политический режим); б) принцип организации политической жизни и политических институтов, обеспечивающий активность и равноправие участников; в) те виды социальных движений, которые в политическом спектре занимают позиции левее либерализма, но не имеют четкой социалистической ориентации. Термины «право» и «лево» употребляются здесь в общепринятом в политической науке всего цивилизованного мира значении: «право» означает ориентацию на большее социальное неравенство, «лево» — на большее социальное равенство. При таком подходе либералы оказываются в центре политического спектра, социал-демократы, а тем более коммунисты — левее, неоконсерваторы — правее, неофашисты занимают крайне правые позиции.

В справочной и популярной литературе, не говоря уже о публицистике, часто встречаются упрощенные определения демократии, к которым следует относиться критически. В качестве примера можно привести следующее определение: демократия — «форма государственного устройства, при котором осуществляется правление народа» (Современная западная социология. Словарь. — М.: Политиздат,

1990. С. 82).

Определение это неудачно, как минимум, по трем позициям: во-первых, понятие «форма государственного устройства» в политической науке прочно закрепилось за территориальным или национально-территориальным устройством государства; во-вторых, демократия, за редким исключением,— это власть политической элиты, т. е. власть почти всегда от имени народа, иногда — для народа, но почти никогда — самого народа; в-третьих, «правление народа», т. е. непосредственное управление всем народом, вообще проблематично и возможно разве что в гипотетическом будущем.

Избегая упрощений, в качестве рабочей гипотезы можно принять следующее определение: демократия — одна из форм государственной власти (типов политического режима), которая характеризуется официальным признанием: 1) народа в качестве источника власти; 2) принципа подчинения меньшинства большинству; 3) политической свободы и равноправия граждан.

Изучение политической истории позволяет сделать два вывода по проблеме соотношения демократии, с одной стороны, социальной и экономической эффективности системы — с другой.

1. На различных этапах исторического развития более жизнеспособными и эффективными оказываются то более, то менее демократические политические системы. Прямой связи между двумя этими переменными не существует. Так, античные демократии одерживают победу над восточной деспотией персов, однако вслед за этим проигрывают монархии Александра Македонского. Спустя две с половиной тысячи лет в конце 30-х — начале 40-х гг. XX в. европейские демократии одна за одной проигрывают войну гитлеровскому тоталитаризму, но спустя несколько десятилетий выигрывают экономическое соревнование у гораздо более жизнеспособных авторитарных режимов в Советском Союзе и Восточной Европе.

2. Тем не менее, по крайней мере в новое и новейшее время среднестатистически, в крупном историческом масштабе, демократические политические системы оказываются более жизнеспособными, нежели антидемократические. Эту ситуацию отражает известная формула У. Черчилля, согласно которой демократия — это плохая форма управления, но ничего лучшего человечество еще не придумало. О причинах, вызывающих к жизни эту закономерность, говорилось выше в связи с актуальностью проблемы демократии.

В целом решение проблемы «эффективность — демократия» аналогично решению проблемы «эффективность — социальная справедливость». Демократические политические системы в среднем, в тенденции, по большому счету эффективнее. Однако в каждом отдельном случае обществу приходится искать оптимальную меру демократии, тот ее уровень, который оно может себе позволить. Поэтому в новое и новейшее время в целом преобладает демократическая тенденция. Но развитие общества и в этом отношении происходит циклично, волнообразно. Так, согласно одному из американских исследований, мир пережил — если перефразировать терминологию Н. Д. Кондратьева — три длинные волны демократических колебаний.

Первая началась в середине XIX в. и продолжалась до первой мировой войны. В результате введения выборности и расширения избирательных прав к этому

времени на Земле насчитывалось около 30 государств с демократическим режимом. В период между двумя мировыми войнами волна «отхлынула», что выразилось, главным образом, в формировании тоталитарных режимов (Муссолини, Гитлера, Сталина и др.). К 1942 г. на планете осталось около 15 государств с демократическими режимами.

Вторая волна началась после разгрома гитлеровской Германии и самурайской Японии и продолжалась до середины 70-х гг. Ее откат приходится, условно говоря, на десятилетие — 1975—1985 гг.

С середины 80-х гг. начинается новый «прилив» демократии, и в настоящее время, по оценкам американской организации «Фридом Хаус», при демократических режимах живут не менее 70 % землян — абсолютный мировой рекорд всех времен и народов. Разумеется, можно спорить о критериях деления государств на демократические и недемократические, выбранных «Фридом Хаус», еще больше — о ее праве вынесения «приговора» по этому вопросу. Однако сама тенденция последнего десятилетия отражена, по видимому, верно.

Вместе с тем западные политологи в большинстве своем отмечают, что демократия — явление хрупкое и не существует абсолютных гарантий ее сохранения даже в развитых странах Запада, не говоря уже о странах с переходной экономикой или третьем мире. Согласно логике циклического развития, на смену демократическому «приливу» должен прийти «отлив». При этом вполне возможно, что в настоящее время он уже начался.

2. Некоторые концепции демократии и опыт России

Основания типологизации

Известные в истории формы реализации демократической модели управления отличаются большим разнообразием. Однако еще более разнообразны концепции демократии, которые могут классифицироваться по самым различным основаниям: от научных парадигм до политической ориентации авторов.

В зависимости от преобладающей ориентации на прямую или представительную демократию можно выделить две большие группы теорий: 1) идентиторные, плебисциторные (чаще говорят — плебисцитарные); 2) репрезентативные (представительные).

Первые ориентируются непосредственно на волю народа и общественное благо, отвергают легитимность конфликта интересов. При этом предполагается, что воля народа выражается непосредственно на народных собраниях или в результате всеобщего голосования, а реализовать ее может не обязательно сам народ, но уполномоченный им вождь или партия.

Вторая группа теорий понимает демократию как компетентное и ответственное перед народом представительное управление. При этом в парламентской демократии видят защиту от сиюминутных массовых настроений и увлечений, иррациональных и эгалитарных (уравнительных) тенденций массового сознания. Эффективность управления связывается с разделением труда и компетентностью специалистов (Подробнее см: Политология. Учебное пособие / Под общ. ред. Ю. А. Северова. Часть I.— Тула, 1994. С. 79).

Другая классификация теорий демократии основывается на различиях в

понимании ее центральной проблемы: субъект или механизм (Мигранян А. Демократия в теории и исторической практике.— Коммунист.— 1990. № 1. С. 33—37).

1. Концепции, для которых главным является вопрос о том, кто правит. Родоначальником таких концепций принято считать Платона, который дал следующую классификацию политических форм: царская власть — правление одного; аристократия — правление небольшой части лучших и благородных; демократия — правление всех свободных граждан. Исторический парадокс состоит в том, что к этой группе концепций склонялись как аристократические мыслители, так и наиболее радикальные демократы. Первые (от Платона до Ортега-и-Гассета) требовали ограничения прав «черни», которая губит общество; вторые же во имя демократии для народа считали необходимым ограничение прав высших классов (французские революционеры — якобинцы, революционное крыло социалистов-утопистов, Чернышевский и Добролюбов — в России). Для радикальных демократов основной ценностью было равенство, во имя которого они готовы были в чем-то поступиться индивидуальной свободой.

2. Теории, главным для которых является вопрос о том, как осуществляется управление, как функционирует власть, правит ли закон и одинаков ли он для всех. По политической принадлежности это, главным образом, — либеральные концепции демократии. Здесь основной ценностью признается индивидуальная свобода, «свобода от»: от вмешательства государства в экономику, в частную жизнь человека и т. п. Другие характерные ценности либерализм — индивидуализм и неотчуждаемые права. Именно в рамках либерального направления были разработаны концепции «естественных прав человека» и правового государства, ставшие элементами классической теории демократии. (Таким образом, в СССР, а затем в России, в условиях кризиса оказались перевернутыми представления не только о правых и левых в политике, но так же о либерализме и демократии: отечественные «радикальные демократы» — на самом деле по современным западным понятиям — неоконсерваторы; напротив, действительными радикальными демократами являются те, кто стремится создать гарантии участия в управлении для наименее обеспеченных слоев граждан).

Принципы классической теории демократии остаются основополагающими для функционирования политических систем в наиболее развитых странах Запада. Однако созданная на основе этих принципов модель управления обществом — это отнюдь не некий идеал, а, скорее, наименьшее зло. Уже в XIX веке классическая теория демократии подвергалась критике как со стороны правых либералов, так и со стороны левых радикалов. Первые (например, Алексис де Токвиль), опираясь на опыт революций, справедливо утверждали, что торжество воли большинства отнюдь не всегда совместимо с индивидуальной свободой, и может рождать не меньший деспотизм, чем власть тирана. Вторые не менее справедливо обращали внимание на то, что в обществе, разделенном на полярные социальные группы, политическое равноправие не может быть реальным, что политические преимущества неизбежно получают группы, обладающие экономической властью, и что демократия в таких условиях по существу представляет собой лишь форму легитимации (узаконивания) власти той или иной элиты.

Наконец, третья классификация теорий демократии напрямую связана с их

политической ориентацией. В этом плане наиболее популярными в настоящее время являются либерально-плюралистические, консервативно-элитарные концепции и концепции демократии участия (партисипаторной или партиципаторной демократии).

Плюралисты исходят из того, что современное общество разделено на множество социальных групп, в которых формируются политические интересы, отражаемые соответствующими политическими организациями. Широкие массы граждан индифферентны (безразличны) в политическом смысле и не стремятся к непосредственному выполнению властных полномочий. Для них несравненно легче избрать правителей, чем заниматься поисками ответа на политические вопросы. Общие черты плюралистических концепций можно представить следующим образом:

признание заинтересованной группы центральным элементом демократической политической системы, гарантирующим реализацию интересов, прав и свобод личности. Сама личность при этом оттесняется на второй план, хотя и не отрицается ее статус как первичного субъекта власти;

рассмотрение соперничества и баланса групповых интересов как социальной основы демократической власти, ее динамики;

узаконивание «разумного эгоизма», личного и группового интереса как генератора политики;

значительное расширение сферы деятельности государства, рассмотрение его как арбитра, сохраняющего равновесия соперничающих интересов;

трактовка множественных, плюралистических элит как главного проводника влияния масс на политику;

забота о формировании демократической культуры как условие цивилизованного характера борьбы интересов и безболезненного разрешения функциональных конфликтов (Пугачев В. П. Основы политологии.— М., 1992).

Элитаристы исходят из представления о том, что политическое неравенство является одной из необходимых основ любой общественной структуры. Демократию как народовластие они считают мифом, поскольку народ к самоуправлению не способен, а его непосредственное вмешательство в политику разрушает структуры управления. Вместо правления народа элитаристы предлагают концепцию правления, одобряемого народом, роль которого сводится к выбору одной из конкурирующих элит, представленных политическими партиями. Демократия, по мнению элитаристов, обеспечивается не широтой участия масс, а активной конкуренцией элит при минимальной активности граждан. От концепции плюралистов этот подход отличается тем, что ориентируются на сужение круга лиц, допускаемых к «таинству» управления. Ориентация концепции откровенно правая.

Сторонники партисипаторной (партиципаторной) демократии, или «демократии участия», по политическим ориентациям принадлежат к левым реформистам разных мастей — от левых либералов до реформистов-коммунистов. Для них современная западная демократия отнюдь не идеал, но объект реформирования. Смысл реформ состоит в том, чтобы обеспечить более широкое участие народа в управлении обществом. Для этого предлагается:

1) сочетание прямой и непосредственной демократии. Демократия

представляется в виде пирамиды, основанием которой служит прямая демократия (выборы и самоуправление), а на каждом уровне выше основания представлена демократия делегатов;

2) контроль за всеми органами власти со стороны общественности;

3) опора парламентских фракций и комитетов на массовые общественные движения, привлечение представителей этих движений к разработке законопроектов и решений исполнительной власти;

4) доступность общественным движениям средств массовой информации, которые, по мнению сторонников концепции, как раз и позволяет заменить традиционную представительную демократию «демократией участия»;

5) развитие самоуправления на уровне районов, трудовых коллективов, общественных движений.

Среди всех приведенных именно концепция партисипаторной демократии представляется наиболее соответствующей тенденциям развития современного общества.

Марксистская концепция демократии и современность

В настоящее время в России одной из наиболее дискуссионных проблем является проблема «марксизм и демократия». Большинство специалистов соглашаются с тем, что марксизм принадлежал к радикальному крылу радикальной демократии, а Ленин — к радикальному крылу марксизма. В свете исторического опыта основные марксистские идеи по этому вопросу выглядят следующим образом.

Во-первых, для марксизма вообще и В. И. Ленина в особенности было характерно акцентирование классового характера демократии. Марксисты справедливо подчеркивали ее узкие, ограниченные пределы в греческих государствах-полисах, в средневековых феодальных республиках и т. п. Перед современным ему обществом молодой Энгельс очень резко ставил следующую дилемму: либо настоящее рабство, т. е. деспотизм, либо настоящая свобода и равенство, т. е. Коммунизм (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 526—527). Опыт XX в. не опроверг необходимости классового подхода к демократии, однако показал, что по мере роста уровня производительных сил и культуры доля общечеловеческих функций в деятельности политической системы повышается. В наиболее развитых странах Запада современное социальное государство достаточно активно занимается регулированием экономики, в значительной мере берет на себя осуществление социальных гарантий для малообеспеченных и т. п. К. Маркс и В. И. Ленин не то, чтобы не видели подобных явлений, но не придавали им существенного значения потому, что в XIX — начале XX в. такие тенденции проявились слабо, отчасти именно из-за радикализма своей политической позиции. Суть ее четко выражена в ленинском положении о том, что демократии, которая возникла при частной собственности, цены придавать не следует (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. С. 200.) Во-вторых, классовым подходом определялась противоречивая оценка марксистами роли демократии в условиях капитализма. С одной стороны, эта демократия признавалась безусловным прогрессом, поскольку она дает личности политические свободы и, в частности, позволяет лучше организовать рабочему классу. В этой связи теоретики

марксизма всегда предпочитали более демократический режим менее демократическому, а демократическую республику считали лучшей политической формой для перехода к социализму, демократии трудящихся (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 237).

С другой стороны, буржуазная демократия признавалась неподлинной, обманом народа, современным аналогом греческих рабовладельческих республик. К. Маркс не раз говорил о хлеве буржуазного парламента, о парламентском кретинизме, о том, что угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, кто именно из представителей господствующего класса будет в парламенте представлять и подавлять их (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 344). Такая жесткая критика обосновывалась обычно двумя аргументами.

Первый: в условиях капитализма правящая элита применяет обычно мелкие изъятия, ограничения избирательных и других прав, которые в совокупности выталкивают бедноту из политики. В настоящее время в ряде стран Запада такие ограничения сохраняются: например, ценз оседлости «работает» против бездомных и безработных, ценз грамотности — против не имеющих возможности получить образование и т. п. Однако опыт наиболее передовых стран убедительно доказывает, что без подобных ограничений современная западная демократия вполне может обойтись.

Второй аргумент: высокий уровень социального неравенства, характерный для капитализма, превращает политическое равенство в фикцию. В этом отношении ситуация на современном Западе тоже существенно изменилась: сформировался мощный средний класс, который может позволить себе участие в политике, уже не столь отчужден от нее; неравенство активного права, права избирать стало гораздо меньшим. Однако для того, чтобы быть избранным на сколько-нибудь высокий пост, по-прежнему требуются значительные суммы денег. Зарубежная политическая социология убедительно показывает, что, как правило, среднестатистически, победа на выборах определяется именно финансовыми затратами. Скажем, минута телевизионного времени в Соединенных Штатах обходилась кандидатам в Президенты на последних выборах не менее ста тысяч долларов. Чтобы позволить себе подобные затраты, очевидно, надо быть либо финансовым магнатом, либо опираться на поддержку «большого бизнеса». Не случайно отцу братьев Кеннеди приписывается высказывание такого рода: «с деньгами, которые затрачены на Джона, можно избрать в Сенат собственного шофера».

В этой связи неубедительной представляется популярная точка зрения, согласно которой современная западная демократия уже совершенно утратила классовый характер и представляет собой демократию вообще. Несмотря на расширение социальной базы государства на Западе и его успехи в создании социальных гарантий для неимущих, основную роль в политической жизни продолжает играть экономическая элита. Именно поэтому западные политологи, начиная с В. Парето и Г. Моска, вообще доказывали, что современная (в терминологии марксистов — буржуазная) демократия сводится к праву выбора элиты, представляет собой форму легитимации ее власти. Не случайно политическая наука Запада, включая левых либералов, социал-демократов и других теоретиков левого направления, продолжают искать пути ослабления влияния социального неравенства на

политическую сферу, искать механизмы, позволяющие представить в политической жизни интересы разных слоев, в том числе и малообеспеченных.

В итоге классическая марксистская политология приходила к выводу о том, что демократия представляет собой наилучшую политическую оболочку капитализма как с точки зрения рабочих, так и с точки зрения буржуа. Она позволяет реализовать лучший из двух возможных способов политического господства, а именно: манипулирование сознанием масс без применения в обычных условиях прямого насилия. Поэтому демократия представляет собой правило для высокоразвитых капиталистических стран, авторитарные режимы — исключение из правила. Последующие исторические события показали, что именно демократический и, как иногда выражаются, «социализированный» капитализм оказался способным выиграть экономическое соревнование у административно-бюрократического социализма, тогда как фашистский вариант капитализма потерпел полное поражение.

Итак, в отношении демократии при капитализме основные элементы марксистской концепции во многом сохраняют свое значение, хотя она безусловно нуждается в корректировке соответственно изменившимся условиям. Иначе обстоит дело с марксистским прогнозом развития демократии при переходе к новому обществу. Суть этого прогноза такова:

1. В переходный период — установление диктатуры пролетариата, которая предполагает расширение демократии для трудящихся и ее ограничение для представителей бывших эксплуататорских классов.

2. В социалистическом обществе — сохранение государства как органа, охраняющего остатки социального неравенства, как говорил Ленин, буржуазное государство без буржуазии.

3. С исчезновением классов при переходе к коммунизму — отмирание государства, а значит и демократии как политической формы (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. С. 90—91, 99).

Наиболее острым остается вопрос о диктатуре пролетариата, по которому в современной политической теории представлены три основные позиции.

Первая из них — ортодоксально-коммунистическая. Ее разделяет, например, марксистская рабочая партия — партия диктатуры пролетариата. Правда, установление диктатуры пролетариата мыслится не в форме прямого захвата власти, а через пропорциональное представительство различных социальных групп в Советах (такое представительство дало бы примерно 60 % мест рабочим). Опыт СССР и других стран административного социализма показывает, что диктатура пролетариата легко может переродиться в диктатуру бюрократии.

Вторая позиция — либеральная. Суть ее в том, что любая диктатура тяготеет к универсальности и длительности насилия, и потому идея диктатуры пролетариата изначально ошибочна и порочна. Привлекательной стороной позиции является ее гуманистический пафос, однако мировая история практически не имеет опыта смены общественных формаций (или, на языке западной социологии, типов социетальных систем) без установления авторитарных режимов той или другой формы, в той или иной степени. Не случайно в России к авторитаризму все больше склоняются политики, осуществляющие новейшую революцию, т. е. изменение самих основ общественного строя.

Третью позицию занимают левые партии демократической ориентации как на Западе, так и в России. Суть позиции в том, что идея диктатуры пролетариата в свое время имела историческое оправдание, но ныне уже устарела. В доказательство приводится изменение социальной структуры стран Запада и повышение ценности личности и ее свободы в общественном сознании наиболее цивилизованных стран.

Плебисцитарная теория демократии

Термин «плебисцит» может быть переведен с латинского как принятие решения посредством всенародного голосования. Широкое использование этой процедуры и составляет главную особенность плебисцитарной теории демократии.

Практика плебисцитарной демократии берет в античных полисах, где важнейшие решения по вопросам государственной и общественной жизни принимались на народных собраниях голосованием всех граждан. В Европе XX в. плебисциты неоднократно использовались для решения вопросов территориального размежевания (например, отделение Норвегии от Швеции).

В настоящее время классической страной плебисцитарной демократии считается Швейцария, где референдумы проводятся регулярно и подразделяются на три основных вида:

- 1) обязательные — если вновь принятый Закон затрагивает Конституцию страны;
- 2) условные, которые могут проводиться по любому Закону в течение 3 месяцев со дня его принятия, если в поддержку референдума удастся собрать определенное количество подписей;
- 3) совещательные, которые проводит Правительство или парламент, когда нет уверенности в поддержке большинством населения того или иного законопроекта, либо когда хотят заручиться поддержкой этого большинства.

Своеобразный вариант теории плебисцитарной демократии разработал знаменитый немецкий социолог и политолог Макс Вебер. Согласно Веберу, сложные общественные системы XX в. значительно больше, чем прежде, нуждаются в управлении и потому переживают новый виток бюрократизации. Бюрократизация общества, с одной стороны, позволяет поднять профессионализм и компетентность управленческих кадров («рациональная бюрократия»), а с другой стороны, может приводить их (управленцев) к всевластию, тормозящему необходимые преобразования, и тем самым — к окостенению общественных структур.

Спасение от бюрократии Макс Вебер видит в плебисцитарном харизматическом лидере, который один только и способен защитить граждан от ее всевластия, а в необходимых случаях — обеспечить прорыв на пути реформ. Поскольку понятия типа «народный суверенитет», «народовластие» и т. п., согласно Веберу, утопичны, немецкий политолог предлагает следующий механизм реализации демократической процедуры: народ выбирает лидера, которому доверяет; после этого лидер говорит: «А теперь замолчите и подчиняйтесь мне!» Ни народ, ни партии не должны вмешиваться в то, что он делает. (Подробнее см.: Мигранян А. М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера: временный политический процесс // Вопросы философии.— 1989.— № 6. С. 148—158). Очевидно, что такого

рода «демократия» отличается от авторитарного режима лишь способом установления.

Оценивая теорию и практику плебисцитарной демократии, современная политическая наука отмечает, что эта система может более или менее успешно функционировать лишь при определенных условиях.

Первое из них — общественная стабильность. В обстановке высокой социальной напряженности, а тем более глубоких политических и экономических кризисов, немногие граждане способны сохранить здравый смысл и делать свой выбор осознанно. Не случайно именно в момент кризиса уравновешенные, добропорядочные и педантичные немцы отдали предпочтение Гитлеру и его партии, а страна древней культуры — Грузия — вполне законно избрала своим Президентом Звиада Гамсахурдиа, от которого потом избавилась лишь в результате малой гражданской войны.

Второе условие — развитие демократической традиции. Только лидер, который, что называется, «с молоком матери» впитал уважение к Закону и правам граждан, получив на выборах большую власть, будет воздерживаться от того, чтобы узурпировать ее целиком. Только граждане, воспитанные в тех же традициях, не позволят избранному ими лидеру это сделать. Поэтому такая система успешно функционирует в США, но весьма рискованна в Латинской Америке и государствах бывшего СССР.

Третье условие — сильная политическая оппозиция, имеющая доступ к средствам массовой информации. В противном случае общественное мнение зачастую удастся обработать в направлении, выгодном для власти.

Статистика показывает, что даже при наличии перечисленных условий референдум, как правило, выигрывает тот, кто его проводит. Если же эти условия отсутствуют, плебисцитарная демократия, которая, на первый взгляд, представляется высшим воплощением народовластия, на самом деле дает политической элите широкие возможности манипулирования общественным сознанием. Причем этот вид манипулирования, пожалуй, самый худший, ибо это манипулирование народом посредством самого народа. Нетрудно убедиться, что в бывших республиках бывшего Советского Союза, где увлечение плебисцитарной демократией приобрело чуть ли не повальный характер, ни одного из перечисленных условий нет. Поэтому и результаты референдумов, а равно и прямых президентских выборов, оказываются здесь проблематичными. В одних случаях эти результаты просто игнорируются (например, результаты референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР); в других — референдумы по одному и тому же вопросу в короткие сроки дают противоположные результаты (например, на Украине 17 марта и 1 декабря 1991 г.); в-третьих — законно избранные таким путем президенты нередко вскоре лишаются власти (Грузия, Азербайджан). Следовательно, требуется осторожность в применении к отечественным условиям плебисцитарной теории демократии вообще, веберовского ее варианта — в особенности.

3. Проблема перехода от авторитаризма

В последние десятилетия XX в. проблема перехода от авторитаризма к

демократии оказалась в центре внимания политиков и политологов. Это следствие, с одной стороны, большого числа попыток такого перехода, осуществляемых или провозглашаемых многими странами, а с другой — чрезвычайной сложности этого процесса, который нередко заканчивается относительными неудачами, а то и полным провалом.

Образцовой страной в плане смены авторитарного политического режима демократическим признается Испания, хотя и в ней не обошлось без попытки государственного переворота, предпринятой частью офицерства. Испанский опыт пакта Монклоа (пакта о гражданском согласии) в последнее время активно пытаются внедрить в России. Специалисты выделяют три основные особенности испанского политического процесса, обеспечившие его положительный результат и весьма сильно отличающиеся от процессов в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе.

Во-первых, постепенность: когда испанский диктатор Франко передал власть королю Хуану Карлосу, а тот, в свою очередь, назначил премьер-министром Адольфо Суареса, это вызвало глубокое разочарование в обществе, поскольку Суарес имел прочную репутацию консерватора; однако Суарес вел реформы хотя и медленно, но неуклонно, что и обеспечило им успех.

Во-вторых, законность: основные политические силы Испании договорились о том, что будут действовать на основе существующих законов, как бы плохи те ни оказались; законы, принятые при диктаторе Франко, соблюдались до тех пор, пока не отменялись за-конным же порядком; стремление не соблюдать Конституцию или законы на том основании, что они тормозят реформы, пресекалось; легитимность в ее веберовском понимании не противопоставлялась легальности (законности), а прочно основывалась на ней.

В-третьих, опережение экономических реформ политическими: поскольку экономика в переходный период не подвергалась сколько-нибудь серьезным преобразованиям, а тем более — экспериментам, социальная стабильность в обществе сохранялась, что позволяло реформировать политическую систему в относительно спокойных условиях без больших потрясений.

Характер политического процесса в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе был совершенно иным: не постепенным, эволюционным, а революционным; основанным главным образом не на легальности (законности), а на революционной целесообразности; не последовательным, а параллельным во всех сферах общественной жизни, что вызвало одновременно экономический кризис, крайнее социальное расслоение, политические потрясения, в ряде случаев — распад государственности, разрушение старых стереотипов общественного сознания и замену их новыми.

Очевидно: испанский опыт в третьем его компоненте в Восточной Европе и России применен быть не мог. В Испании авторитарный режим сменялся демократическим при сохранении типа экономической системы общества (рыночно-капиталистической), в Восточной же Европе и бывшем Советском Союзе главной составляющей процесса стала именно смена общественно-экономической системы. Что касается двух других компонентов испанского опыта (постепенности и законности), то отказ от их использования определялся волей политических элит. При этом революционный характер политического процесса с неизбежностью

породил, как минимум, две его особенности.

Первая — острые конфликты между политическими субэлитами и ветвями власти, особенно вновь избранными президентами и парламентами, конфликты, разрешаемые с помощью политического и военного насилия, включая малые гражданские войны. Исключение из правила составляют либо малые страны с европейским типом политической культуры (Чехия), либо страны с декоративной парламентской властью (Туркменистан, Узбекистан).

Вторая особенность — резкие колебания политического «маятника» сначала в сторону неограниченной демократии и даже охлократии, а затем, как предсказывал еще Аристотель, в сторону нарастания авторитарных тенденций. Проявления этих тенденций — создание в большинстве стран с переходной экономикой суперпрезидентских республик, незаконный роспуск парламентов как «тормоза реформ», продление президентских полномочий путем референдумов, в ряде случаев — ущемление в правах национальных меньшинств, замена выборности всеобщим назначением руководителей исполнительной власти, ограничение роли власти судебной и т. д. и т. п.

Все это доказывает, что, во-первых, существует определенная закономерная связь между уровнем производства культуры и социальной стабильности в обществе, с одной стороны, и уровнем демократии — с другой. Обществу приходится жить «по средствам», имея столько демократии, сколько оно может себе позволить, чтобы не разрушить основ своей жизни. Во-вторых, переход от авторитаризма к демократии осуществляется в разных странах неодинаково, в том числе в большинстве посткоммунистических государств он, по-видимому, будет происходить волнообразно, сопровождаясь периодами реставрации авторитаризма.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ В СССР КОНЦА 80-х ГОДОВ: МОДЕЛИ И ПРЕДЕЛЫ

ПЕРЕСТРОЙКА: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР И «ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Опубликовано частично: Коммунист.— 1988.— № 6.— апрель. С. 28—32 (в рубрике «Демократизация партии — демократизация общества». Заочный «круглый стол» «Коммуниста»)

«...Тревога за судьбу перестройки у трудящихся не проходит»,— констатировал в докладе на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев. Выступая же ранее перед работниками средств массовой информации, он прямо заявил: «...Перестройку надо защищать...» Но от кого защищать и чем вызвана непроходящая тревога общественности?

Думается, ответ на эти вопросы надо искать не только (и, может быть, не столько) в недостаточно последовательной реализации некоторых принимаемых ныне решений, особенно на местах, сколько в противоречивом историческом опыте прошлого, когда на протяжении жизни одного поколения страна трижды столкнулась с грубыми нарушениями социалистических принципов или не менее грубыми просчетами в управлении. Вот общеизвестные факты.

Неоспоримые достижения в формировании и упрочении социалистического общественного строя, самого гуманного по своему историческому предназначению, сопровождались в СССР в 30-х — начале 50-х гг. массовыми репрессиями, которые были продуктами политического режима, связанного с культом личности И. В. Сталина, и привели к тяжелым человеческим потерям. XX съезд КПСС развенчал теорию и практику культа личности, положив начало осуществлению курса на демократизацию общественной жизни. Однако на рубеже 50—60-х гг. параллельно усиливавшемуся восхвалению и самовосхвалению нового руководства начались непродуманные эксперименты в управлении народным хозяйством и других областях, обернувшиеся серьезными потерями в экономике. Октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС, решительно осудив субъективизм, принял меры к его преодолению. Но и здесь не обошлось без потерь. Как уже отмечалось в печати, «преодоленными» оказались впоследствии и многие разумные начинания, осуществлявшиеся в рамках линии XX съезда. Наконец, в 70-х — начале 80-х гг. во всех областях жизни общества проявились застойные явления и деформации такого масштаба, что страна оказалась в предкризисном состоянии, а ее экономика на рубеже десятилетий — фактически в состоянии стагнации, причем то и другое, согласно анализу январского (1998 г.) Пленума ЦК КПСС, было следствием преобладания в руководстве консервативных настроений, инерции, нежелания решать назревшие вопросы.

Да, общественный прогресс, и это прекрасно понимали подлинные сторонники социализма — не тротуар «Невского проспекта»; да, партия каждый раз находила в

себе силы, чтобы исправить положение; да, неверно было бы за ошибками и злоупотреблениями не видеть того, что дал трудящимся социализм.

Но все же почему так много зигзагов в действительно великой и драматической советской истории? И не только советской: о деформациях социализма и необходимости их преодоления речь шла, например, на последнем съезде Болгарской коммунистической партии, не говоря уже о политических кризисах в Венгрии, Чехословакии и Польше.

Одна из причин, чаще всего отмечаемых в политических документах и научной литературе,— причина несомненно важная,— состоит в новизне и сложности задач, решаемых в процессе становления нового общества. Однако видеть в этом корень проблемы — значит закрывать глаза на очевидные факты. Достаточно, например, сопоставить «большой скачок» в КНР в конце 50-х гг., программную установку на построение основ коммунистического общества в СССР к началу 80-х и стратегию создания «второй Польши» в 70-х, чтобы увидеть единство в этом многообразии. Причем в истории отдельных социалистических стран (включая Советский Союз) можно встретить неоднократное повторение не только чужих, но и собственных просчетов, а некоторые из этих просчетов вообще невозможно «списать» на сложность и новизну.

Столь же часто негативные явления в сфере управления социалистическим обществом объясняют причинами субъективного характера, случайными. Диалектика учит, однако, что за случайностью, тем более повторяющейся сколько-нибудь регулярно, скрывается необходимость, в обнаружении и изучении которой и состоит прежде всего долг науки.

В поисках этой необходимости обратимся еще раз к многократно исследовавшимся обществоведами-марксистами сущностным характеристикам коммунистической формации, обуславливающим особую роль в ее становлении, функционировании и развитии субъективно-человеческого фактора. Ведь как сама возможность влияния личности на судьбу общества, так и размеры такого влияния «определяются организацией общества, соотношением его сил. Характер личности является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда, лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (Г. В. Плеханов). Именно таков был всегда марксистский подход к проблеме, и именно этот подход позволяет исследователю избежать своего рода оптического обмана, когда за личную силу политического деятеля принимается та общественная сила, которая его выдвигала и поддерживала. Судя по отношению средств массовой информации и многих политологов Запада к советским руководителям прошлого и настоящего, такой «оптический обман» остается явлением, достаточно распространенным.

* * *

Известно, что социализм — единственное в истории общество, которое не может возникнуть стихийно и которое поэтому приходится «строить» (а в случае необходимости — и «перестраивать») в полном смысле этого слова. Люди здесь не только могут, но и должны сознательно формировать объективные основы собственного развития, сознательно налаживать чрезвычайно сложную и тонкую

сеть новых организационных отношений, тогда как при капитализме основной организующей силой «является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный» (В. И. Ленин).

Объективность законов социализма отнюдь не равнозначна, следовательно, автоматизму их действия. Она означает лишь то, что система руководства и управления, и прежде всего правящая партия, не в состоянии обеспечить движение вперед, не руководствуясь этими законами, а пренебрежение ими или недооценка их ведет к деформациям, а то и политическим кризисам, вызывает к жизни «механизм торможения». Иначе говоря, при социализме человеческий фактор, так сказать, «вмонтирован» в механизм действия самих объективных законов развития общества.

Таким образом, переход от преимущественно стихийного характера общественных процессов к сознательному управлению ими, будучи, несомненно, крупным историческим достижением и знаменуя скачок человечества из царства необходимости в царство свободы, как всякий прогресс, содержит в себе противоречия и негативные возможности. Не говоря уже о том, что строительство социализма и обеспечение его динамичного, ускоренного развития требует несравненно больших созидательных усилий несравненно больших масс людей, чем при стихийно действующих законах становления и функционирования других общественных формаций; не говоря уже о том, что социалистическому общественному организму приходится постоянно заботиться, чтобы в «порах» его не возникали стихийно несоциалистические отношения; нужно иметь в виду и следующее: чрезвычайная сложность познания, а тем более практического использования законов социальной жизни в сочетании со множеством других, подчас более важных, причин (несовпадение общественных и групповых интересов, ведомственность, бюрократизм и т. п.) делают ошибки в управлении социалистическим обществом достаточно вероятными. А поскольку сфера сознательного управления и его возможности здесь шире, чем когда бы то ни было прежде, пропорционально растет и цена таких ошибок. Как свидетельствует исторический опыт, цена эта может быть очень велика.

Разумеется, есть ситуации (современная как раз из их числа), когда боязнь ошибок, сковывающая активность руководителей, сама является худшей ошибкой. Но до сих пор социализм больше страдал не от такой боязни, не от излишних сомнений в правильности принятых решений, а от абсолютизации последних, представления их в качестве единственно правильных, а порой — в доведении до абсурда в ходе практической реализации. Не менее чем смелость и новизна подходов, требуются ныне их взвешенность и обоснованность. Вполне актуальной, с некоторыми поправками на время, остается следующая ленинская мысль: «Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвостовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятность... Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем...».

Реализация преимуществ социализма зависит, следовательно, в очень большой мере, если не главным образом, от субъективного фактора: они становятся

преимуществами лишь при правильном использовании, в противном же случае просто утрачиваются. Плохое планирование, например, может порождать — и в ряде случаев уже порождало — не меньшую по масштабам, хотя и иную по содержанию и формам проявления (например, бюрократически-ведомственную) стихийность общественного развития, чем капиталистический рыночный механизм. С той лишь разницей, что последний в той или иной мере обладает способностью к «автоматическому» саморегулированию, тогда как при социализме преодоление дисбалансов нуждается опять-таки в их научном осознании, в разработке и практическом осуществлении соответствующих мер.

Помимо ослабления стихийной регуляции, социальной жизни, другой сущностной характеристикой социализма, обуславливающей возрастание роли субъективно-личностного момента в управлении, является социально-политическое единство общества. Едва ли нужно специально доказывать, что такое единство общественной системы, не знающей при нормальном ее развитии социальных антагонизмов и классовой борьбы, теоретически представляет собой важное историческое преимущество, однако и у этой «медали» есть своя обратная сторона.

Поскольку не существует обособленных собственников, в известной мере не зависимых от политической власти и, более того, способных оказать на нее давление; поскольку все классы и социальные группы находятся, так сказать, «по одну сторону баррикад» (по крайней мере, по месту в системе общественного производства), да и самих «баррикад»-то вроде бы нет; с одной стороны, отсутствуют и объективные основы для возникновения политической оппозиции, заинтересованной в выявлении недостатков (действительных или мнимых — другой вопрос) в деятельности правящей партии и государственной власти, а с другой — степень доверия масс к политическому руководству, как правило, весьма высока. По крайней мере, на первых этапах создания нового общества широкие слои населения обычно признают это руководство «своим», отношение к нему рассматривают в качестве критерия преданности отечеству, а иногда — социализму. Вследствие всего этого складываются такие благоприятные условия мобилизации населения на решение социальных задач, какие прежде возникали лишь в редкие исторические моменты «общенациональных» революций, национально-освободительных войн и т. п. Однако высокая степень доверия масс нередко оказывается обстоятельством, благоприятствующим субъективизму, выдвиганию ложных ориентиров, не говоря уже о сознательном манипулировании.

* * *

Если, исходя из названных выше и некоторых других сущностных характеристик коммунистической формации, удастся объяснить, почему роль субъективно-человеческого фактора в управлении обществом здесь значительно возрастает, то это отнюдь не означает еще ответа на вопрос, почему этот фактор не так уж редко «работает» не на благо общества, а — осознанно или неосознанно — ему во зло?

Абстрактно говоря, возможность бюрократизма, рождающего злоупотребления, заложена в самой природе политической власти, которая при социализме еще необходима, в делении общества на управляющих и управляемых и т. п. Она не

исчезнет, следовательно, пока существует государство. Превращение же этой возможности в действительность определяется целым комплексом причин, главным образом конкретно-исторического характера, каждая из которых заслуживает того, чтобы стать предметом самостоятельного исследования. Назовем лишь некоторые из них.

Прежде всего это сложившиеся в большинстве социалистических стран командно-административные нормы управления обществом, связанное с ними непомерное разрастание управленческого аппарата (в СССР, по некоторым данным, до 18 миллионов человек в начале 80-х гг.) и, как следствие этого и других обстоятельств,— значительные наросты бюрократического централизма. Яркий и убедительный анализ достоинств и пороков административной системы содержит статья Г. Попова «С точки зрения экономиста» (о романе Александра Бека «Новое назначение») (Наука и жизнь.— 1987.— № 4). Не воспроизводя подробно выводов ее автора, отметим лишь, что в известной степени такая система была исторически обусловлена. Но именно она, подорвав контроль «снизу», а в последние годы, как ни парадоксально — и «сверху», придав интересам правленцев относительную независимость от интересов общества, создала благоприятный исторический фон для культа личности, субъективизма, консерватизма и т. п., а ныне является едва ли ни главным тормозом прогресса страны.

Другая причина — это уровень культуры вообще и политической культуры — в особенности. Как правило, изначально он был невысок: большинство социалистических стран, включая СССР, не пережили в дореволюционную эпоху сколько-нибудь длительного периода буржуазно-демократического развития, и, следовательно, буржуазно-демократические традиции не закрепились в политической культуре. Эта культура переживает взлет после победы революций в связи с невиданным прежде вовлечением трудящихся в созидание нового общества, однако командно-административные формы управления тормозят этот взлет. Более того, уровень культуры, будучи производным от состояния производительных сил, экономического базиса и политической надстройки, как всякое следствие оказывает обратное воздействие на породившие его причины, сам становится одной из основ недемократических методов правления. Культ личности Сталина, например, поддерживали широкие слои населения, и даже на рубеже 70—80-х гг. в СССР ощущались (отчасти ощущаются и до сих пор) вождистские настроения, надежды на сильную личность, которая могла бы стать «представителем порядка в беспорядке» (Ф. Энгельс). Мелкобуржуазный характер подобной психологии едва ли нуждается в специальном обосновании.

Пожалуй, лишь в последние десятилетия общая и политическая культура масс далеко опередила существовавшую управленческую практику, несмотря на тормозящее влияние последней. Этим отчасти и объясняется поддержка большинством народа курса на демократизацию, набирающего силу после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС.

Особо следует выделить состояние общественной науки и меру ее практического использования в управлении как важный критерий политической культуры социализма. Это состояние может быть как известной гарантией от ошибок, так и их условием. Признавая справедливость современной критики в адрес советского обществоведения, нельзя не отметить, что оно было продуктом

эпохи. Перефразируя Ф. Энгельса, можно сказать, что прежнее руководство страны имело такую общественную науку, какую оно заслуживало и — добавим — какую хотело иметь. Именно социальный заказ обусловил иллюстраторство и стремление большинства обществоведов «по-марксистски офундаментальность» (А. Гельман) любые принимаемые решения. К голосу же меньшинства просто не прислушивались. В изменившейся политической ситуации общественная наука уже активно разрабатывает необходимые практике рекомендации. В ближайшем будущем их число и обоснованность несомненно вырастут. Однако восприимчивость различных звеньев системы управления к таким рекомендациям остается пока делом самих управленцев, зачастую игнорирующих выводы науки.

Вывод из сказанного очевиден: если любому обществу не безразличны человеческие качества тех, кто стоит «у кормила» власти, то для социализма этот вопрос имеет (по крайней мере, имел до сих пор) совершенно исключительное, прямо-таки громадное значение, как правило, пропорциональное месту данной личности на управленческой «лестнице». Это хорошо понимал В. И. Ленин. Достаточно вспомнить, какую тревогу вызывали у него уже тогда проявившиеся на посту Генерального Секретаря ЦК РКП(б) личные качества И. В. Сталина и возможность его личного столкновения с Л. Д. Троцким,— возможность, которая, по мнению руководителя Октябрьской революции, могла создать угрозу ее будущему.

Здесь, пожалуй, допустима аналогия с хозрасчетным коллективом, доходы которого во многом определяются лицами, стоящими во главе, с той лишь разницей, что в масштабах, скажем, страны руководителям вверяются уже не только «кошельки», но судьбы, а иногда жизни миллионов людей.

Общество, следовательно, должно быть застраховано от случайностей. Оно не может полагаться на «доброе» партийного или советского работника любого ранга. Кроме того, как показывает опыт, процент «недобрых» в составе этой категории бывает иногда значительным, а влияние их огромным, благодаря все той же командно-административной системе управления. На возможность и основы этого явления не раз указывал В. И. Ленин, отмечавший, что положением в правящей партии при переходе к социализму неизбежно будут пытаться воспользоваться люди, желающие извлечь из этого положения личные выгоды. К сожалению, история слишком часто подтверждала неоспоримость этой суровой, но столь необходимой нам истины, справедливой не только для переходного периода, но, по-видимому, для всего обозримого будущего, пока сохраняются социальные различия и социальное неравенство. Такова еще одна причина злоупотреблений властью при социализме.

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС поименно назвал те республики, области, края и министерства, где «негативные процессы, связанные с перерождением кадров», проявлялись «в крайних формах». Так, например, по свидетельству Первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС И. К. Полозкова, за три года в крае на 80% обновлен состав секретарей райкомов и горкомов КПСС, председателей гор- и райисполкомов. За те же годы из партии исключено 5506 коммунистов: 34% — за морально-бытовое разложение, пьянство и хулиганство, 32% — за уголовные преступления (взятки, спекуляция, хищение, растрата). Около 1500 исключенных отданы под суд, и среди них немало бывших

руководителей. В примерах такого рода — увы! — недостатка нет.

И ныне перестройку тормозят те, «кто до сих пор распоряжался на предприятии, в районе, в городе, в лаборатории, как в своей вотчине...», — отмечал на XVIII съезде профсоюзов Генсек ЦК КПСС М. С. Горбачев. — Не говоря уже о тех, кто использовал обстановку вседозволенности для казнокрадства, наживы, циничного пренебрежения нашими законами и нормами морали». Прав известный политический обозреватель А. Бовин: ОНИ уже дважды за тридцать лет отбросили НАС назад и рассчитывают «пережить» еще раз.

* * *

Таким образом, в силу названных и некоторых других особенностей социализма, как сущностного, так и конкретно исторического характера, проблемой чрезвычайной важности становится формирование «защитных механизмов», которые позволили бы предотвращать или сводить к минимуму негативное влияние субъективно-личностного фактора на развитие общества. Разумеется, «защитные механизмы» — независимо от того, обозначались ли они этим термином или нет, — в более или менее развитой форме всегда существовали при социализме. Уже В. И. Ленин указал на их двоякую направленность, призывая использовать профсоюзы «для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства», причем соотношение этих направлений необходимо рассматривать исторически. Первоначально, после победы социалистической революции, задача состояла прежде всего в том, чтобы укрепить политическую власть, оградить ее от возможного разрушения или подрыва со стороны контрреволюционных элементов. Этой цели и служили созданные тогда «защитные механизмы» (лишение бывших эксплуататоров избирательных прав, система политических преимуществ для рабочих, суровые законы, ВЧК и т. п.). По мере создания основ социализма исчезали классовые силы, враждебные новой власти. Однако основное направление «защитной» деятельности не изменилось, хотя теперь следовало уже позаботиться о гарантиях безопасности общества от возможных злоупотреблений, говоря словами В. И. Ленина, «использовать мероприятия государственной власти для защиты интересов... пролетариата от этой государственной власти».

Очевидно, что обеспечение такой защиты не есть совершенно обособленная проблема, но часть, сторона, аспект проблемы социалистического самоуправления народа, причем аспект очень важный, заслуживающий постоянного, пристального внимания науки и практики — недооценка его уже слишком дорого обошлась обществу. Очевидно также, что теоретическая разработка даже в основных чертах системы «защитных механизмов» — механизмов реализации защитной функции социалистической демократии — не является задачей этой статьи. Самое большее, на что можно рассчитывать, — это постановка вопроса и привлечение к нему внимания общественности.

Думается, эта более чем актуальная проблема заслуживает изучения в качестве самостоятельной комплексной темы или, как минимум, в качестве особого направления в рамках комплексной темы «Развитие социалистической демократии как социалистического самоуправления народа», сформированной в настоящее

время. Здесь же хотелось бы обосновать лишь несколько соображений дискуссионного характера, которые могли бы стать предметом обсуждения в печати в связи с вынесением на предстоящую XIX конференцию КПСС вопроса о мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества. Остановимся при этом, главным образом, на тех предложениях, которые, правда в иной связи, уже высказывались в научных и популярных изданиях.

Не переставая быть самим собой, социалистическое общество не в состоянии устранить отмеченные выше объективные условия, детерминирующие гораздо большее, чем при капитализме, воздействие человеческого фактора на развитие общественной системы (преимущественно сознательный характер управления при наличии политической власти и руководящей партии, социально-политическое единство народа и т. п.). Однако оно вполне способно ликвидировать или свести к минимуму те причины, которые порождают или могут породить негативную направленность такого воздействия. Для этого необходимо прежде всего обеспечить переход от административно-командных форм управления страной к такой системе, где на демократических основах сочетались бы политическое руководство со стороны партии и преимущественно экономические методы управления со стороны государства с активной, самостоятельной ролью общественных организаций и коллективов трудящихся.

Не касаясь большого и сложного вопроса о структуре этой системы, в том числе о количестве необходимых звеньев аппарата, его размерах и т. п., необходимо подчеркнуть, что переход к ней, несомненно, будет процессом очень трудным и противоречивым. И для того, чтобы стать необратимым, чтобы административная система не одержала еще одной победы над ростками обновления, он сам нуждается в политических гарантиях, суть которых состоит в том, чтобы поставить все под контроль народа. Хорошо известны первые важные шаги, сделанные в направлении такого контроля. Это выборность руководителей всех рангов при тайном голосовании и выдвижении нескольких кандидатов на каждую должность, которое, вероятно, позволит не только полнее использовать в интересах общества лучшие качества лучших людей, но и более надежно предохранить его от негативных личностных влияний; это гласность и конструктивная критика, зона которой значительно расширилась, однако не стала еще всеохватывающей; это предложенное членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС А. Н. Яковлевым введение научной экспертизы технических, экономических, социальных проектов и т. д. Предстоит, видимо, сделать еще больше, ибо практика, в том числе и современная, не раз демонстрировала, как легко поддаются бюрократическому умерщвлению и формалистическому выхолащиванию самые лучшие демократические установления, если они не содержат в себе гарантий собственного осуществления.

Насколько можно судить по ленинским работам, проблема создания таких гарантий была в числе тех, что более всего волновали организатора советского государства в последние годы его жизни. Ленинские предложения на этот счет хорошо известны. Пожалуй, главное из них состоит в том, чтобы пополнить ЦК и ЦКК рабочими и крестьянами в количестве, достаточном для обеспечения их решающего влияния на принимаемые решения. При этом «рабочие, входящие в ЦК должны быть... преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную

советскую службу..., потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми им желательно бороться. В число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже этого слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян...» (В. И. Ленин) — иначе говоря, рабочие и крестьяне не по происхождению, а по социальному положению на момент выборов.

Достоинства такого преобразования центральных органов В. И. Ленин видел и в укреплении их связи с массами, и в повышении авторитета, и, наконец, в том, что входящие в них рабочие лучше, чем кто-либо другой, могут заняться улучшением и пересозданием аппарата управления.

Не последняя роль в этом плане создания рабоче-крестьянского ядра в центральных органах партии отводилась и «защитным» функциям: благодаря такому ядру, во-первых, уменьшалось бы влияние чисто личных и случайных обстоятельств в ЦК и понизилась опасность раскола; во-вторых, это резко ограничило бы, следовательно, возможности субъективизма и злоупотреблений. «Члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни Генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел» (В. И. Ленин).

Итак, даже самые высшие органы политического руководства — ЦК и Политбюро — и их руководителей следует, по Ленину, поставить под контроль народа в лице его выборных представителей, причем контроль постоянный, а не от съезда к съезду, и непосредственный контроль над оперативной деятельностью и тактическими решениями, где вероятность ошибок и нарушений, пожалуй, выше, чем при выработке стратегической линии.

Поскольку история не знает, как известно, сослагательного наклонения, вряд ли стоит строить предположения о том, скольких трагических страниц не было бы в летописи Советской страны в случае полного осуществления этой ленинской идеи. Однако в рамках курса на демократизацию полезно, наверное, обсудить вопрос о целесообразности ее реализации с некоторыми коррективами в настоящее время. Думается, в пользу такой целесообразности свидетельствует все, сказанное выше о человеческом факторе и необходимости «защитных механизмов» в системе социалистической демократии, а главное — исторический опыт. Коррективы же могут быть следующими.

Во-первых, поскольку интеллигенция уже давно стала социалистической, есть все основания включить ее представителей в рабоче-крестьянское ядро руководящих органов. Главное — сохранить ленинский принцип формирования этого ядра из людей, не занимающих административных постов, не принадлежащих к системе управления. Ныне такие люди составляют ничтожную часть и приглашаются скорее для представительства, чем для реальной работы.

Во-вторых, «рядовые» рабочие, крестьяне, интеллигенты должны составлять прочное ядро не только в центральных, но во всех органах партии, общественных организаций, Советов народных депутатов и трудовых коллективов, должны, как

предлагал Ленин, присутствовать с правом контроля и решающего голоса на всех заседаниях бюро, комитетов и т. п. различных уровней. Необходимо преодолеть нынешнюю практику, когда в большинство исполнительных органов, на которые приходится основная часть реальных управленческих функций, включаются несколько (иногда — один—два) членов «без портфелей», не имеющих возможности существенно повлиять на дела.

В-третьих, по крайней мере, часть членов центральных партийных и других органов, не являющихся профессиональными управленцами и политиками, целесообразно избирать не на съездах, конференциях и т. п., где основная масса голосующих не знает деловых и человеческих качеств кандидатов и вынуждена, не рассуждая, поднимать руки за тех, кого отобрали «наверху», а на собраниях крупных партийных или общественных организаций при тайном голосовании и нескольких кандидатах на каждое место, предоставив тем самым организациям, и только им, право отзыва. Это ограничило бы возможности давления штатного аппарата на несогласных и избавления от них.

Само право отзыва представляет собой чрезвычайно важный, однако чрезвычайно плохо работавший до настоящего времени «защитный механизм». Для того, чтобы он стал действенным, необходим целый ряд условий.

Во-первых, закрепленный законом универсальный характер права отзыва: классики марксизма полагали, что при социализме все без исключения должности станут выборными, а все без исключения выборные должностные лица — сменяемыми в любое время. Сделав шаги в этом направлении, мы не дошли еще до желаемой цели, даже с юридической точки зрения.

Во-вторых, организованность избирателей: трудно ее ожидать, например, при современной системе выборов в Советы, когда граждане в качестве членов коллектива выдвигают одних кандидатов (по месту работы), а голосуют — за других (по месту жительства), зачастую тут же забывая, чьи фамилии стояли в бюллетенях, опущенных в урну. Не случайно В. И. Ленин видел одно из отличий пролетарской демократии от буржуазной в замене территориальных округов производственными единицами. Несмотря на некоторые технические неудобства, такая замена целесообразна, думается, и сейчас. Она, несомненно, повысит роль трудовых коллективов в политической системе социализма. Для неработающих же избирателей прежние правила остались бы в силе.

В-третьих, право отзыва перестанет быть формальным, сможет выполнить свои «защитные» функции, если будет создан надежный механизм его реализации. Один из вариантов — регулярные опросы общественного мнения (и прежде всего о соответствии занимаемым постам руководителей различных рангов) с обязательной публикацией результатов. Причем в отличие от правил, принятых в западных странах, где такие опросы служат обычно критерием оценки эффективности или неэффективности избранных политических технологий, падение доверия коллектива (народа) ниже определенного уровня означало бы досрочные выборы.

В условиях социально-политического единства общества и партийного руководства им важные «защитные» функции может и должен выполнять «так сказать, плюрализм социалистический» — если воспользоваться выражением М. С. Горбачева. Этот тип плюрализма, в отличие от буржуазного, почти не исследован

советскими обществоведами. В первом приближении можно лишь сказать, что он отличается от своего предшественника принципиально иной идейно-политической платформой — социалистической, в рамках которой и разворачивается многообразие идей и мнений, самостоятельность политических и других организаций.

Социалистический плюрализм — многогранное явление, утверждение которого в различных сферах происходит неравномерно. Быстрее всего — в идейной области: в материалах средств массовой информации недоброй памяти «единодушное одобрение» постепенно уступает место сопоставлению различных точек зрения, хотя и здесь немало противоречий. Некоторые из них отразились в произведениях искусства. Так, героя телефильма «При открытых дверях» тревожит то, что раньше все безусловно поддерживали прежний курс, а ныне столь же безусловно поддерживают новый. Гораздо медленнее развивается этот процесс в сфере политической.

Известно, что несмотря на прямые указания XXVII съезда КПСС и Пленумов ЦК, продолжается вмешательство партийных органов в оперативную деятельность Советов, хозяйственных и других организаций. В иных же областях и республиках, где реальная власть партийных руководителей мало отличалась от генерал-губернаторской, а каждое их указание, отождествляемое с линией партии, беспрекословно выполнялось, все эти организации работали буквально под диктовку сверху, независимость суда подрывалась «телефонным» и «селекторным» правом. Излишне повторять, сколь благоприятную почву для субъективизма и злоупотреблений это создавало.

Представляется, что формы и методы партийного руководства обществом должны были определены законом, который установил бы не только права и полномочия, но и границы этих прав, не только то, что может тот или иной орган, руководитель, но и то, чего он не может, и обязательно — ответственность за нарушение соответствующих юридических норм. В известной степени подобные меры по упорядочению функций центральных экономических ведомств уже намечены июньским (1978 г.) Пленумом ЦК КПСС. Сделать то же в отношении партийного руководства обществом — значит укрепить основы самостоятельности масс при социализме.

С точки зрения развития социалистического плюрализма представляется заслуживающим серьезного внимания и предложение превратить Верховный суд СССР в конституционный суд, либо, критически осмыслив опыт Югославии, создать систему конституционных судов, в которых граждане и их организации имели бы право обжаловать законность принимаемых на любом уровне управленческих решений, устанавливать их соответствие социалистическим принципам и общепризнанным нормам права. С другой стороны, в случае необходимости такие суды могли бы рассматривать вопрос о совместимости или несовместимости с Конституцией деятельности новых общественных движений, которые уже возникают и, надо полагать, будут возникать впредь, очевидно, решать споры между государственными и общественными организациями и т. п. Вероятно, о гарантиях независимости такого суда пришлось бы позаботиться особо.

Еще один субъект системы «защитных механизмов» в социалистическом

обществе образует, так сказать, «экология» партии и управленческого аппарата, предотвращение, по возможности, засорения их бюрократами, карьеристами, людьми аморального, а то и криминального типа. И здесь необходимо сказать прямо: тысячи крат повторенная политическая формула о том, что принадлежность к партии не дает никаких дополнительных прав, а несет лишь большие обязанности, не вполне соответствует действительности. Хотя январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС рекомендовал смелее выдвигать беспартийных, в соответствии с их конституционными правами, на руководящие посты, преимущественным правом занимать такие посты на практике пользуются коммунисты. Таким же правом располагают они при поступлении в аспирантуру по общественным наукам и избрании по конкурсу на соответствующие кафедры.

Конечно, узаконивая или вводя вопреки закону подобную практику, руководствовались самыми благими намерениями, но почти поголовная партийность управленцев и обществоведов не предотвратила застойных явлений ни в политической системе, ни в общественной науке. Абсолютизация же подобных принципов подбора кадров, как не раз приходилось наблюдать в жизни, оборачивается ухудшением кадрового состава.

Да, несомненно, партия — это передовая часть народа, и члены ее в массе своей, среднестатистически, сознательнее и активнее остальных граждан. Но из этого отнюдь не следует, что каждый коммунист сознательнее и активнее каждого беспартийного! Подбирая же кадры на руководящую должность или кафедру общественных наук, мы имеем дело не с массой, а с личностью. Здесь-то и необходим индивидуальный подход, вопрос о котором так остро ставился на XXVII съезде партии. Несомненно и то, что партийность общественной науки и партийный билет в кармане ученого — вовсе не одно и то же. Вспомним хотя бы, как Ф. Энгельс в последние годы жизни, не входя ни в одну рабочую партию, оставался фактическим идейным руководителем международного рабочего движения.

Представляется, что все еще существующие преимущества, связанные с членством в партии, подлежат безусловной отмене. Кадры необходимо подбирать исключительно по деловым и морально-политическим качествам, а не по партийной принадлежности. Вступление в КПСС должно диктоваться только идейно-политическими мотивами, его следует очистить от прагматических соображений. В противном случае в борьбе за честный и чистый облик партийца решающих побед ожидать не приходится.

Разумеется, хорошо зарекомендовавшим себя беспартийным руководителям и обществоведам необходимо открыть дорогу в партию. Поэтому предлагаемые меры, способствуя улучшению кадрового состава, не только не ослабят, а, напротив, укрепят ее руководящую роль.

Подобные «экологические» меры в отношении управленческого аппарата осуществить значительно сложнее, чем в партии, так как управленческая деятельность, как и всякая другая, нуждается при социализме в материальном стимулировании. В условиях распределения по труду желание человека улучшить свое материальное положение, работая больше и лучше, занимая таким образом более высокие должности,— явление совершенно нормальное. Поэтому пора, видимо, признать, что выведенное из опыта Парижской коммуны предложение

классиков марксизма об установлении работникам управления заработной платы, не превышающей средний заработок рабочего, есть мера экстраординарная, есть одно из проявлений неизбежного в переходный период возврата к «наивному» демократизму (В. И. Ленин). А в наших условиях она привела бы лишь к дефициту или ухудшению кадрового корпуса.

Уже сейчас социологи отмечают парадоксальные факты. Например, среди организаторов сельскохозяйственного производства в Алтайском крае желающих занять нижестоящую должность гораздо больше, нежели претендентов на более высокий «пост».

Однако вызывающие недовольство народа натуральные льготы и преимущества необходимо пересмотреть, как предлагал на XXVII съезде КПСС Б. Н. Ельцин, и после гласного обсуждения частью отменить, частью же, возможно, упорядочить, зафиксировав в законе, поскольку именно натуральные льготы с их не всегда очерченными границами создавали и создают благоприятные условия для злоупотреблений.

Наконец, принадлежность к партии или занимаемая руководящая должность должны, вероятно, рассматриваться в случае совершения уголовного преступления в качестве обстоятельства, отягощающего, а отнюдь не искупающего вину, как нередко случалось до сих пор. Один из примеров тому — данные проверки КПК при ЦК КПСС в Кривом Роге, согласно которым приписки были обнаружены на 53 предприятиях, а руководители привлечены к ответственности лишь на 5; из 44 руководящих работников, совершивших уголовно наказуемые действия, 20 оставлены в партии. Это характерно, разумеется, отнюдь не только для Кривого Рога. Едва ли нужно обосновывать антивоспитательную роль такой линии в кадровом вопросе и необходимость линии прямо противоположной.

Возникает вопрос: можно ли гарантировать надежность «защитных механизмов», приведя в действие уже существующие, воплотив в жизнь разработанные последними пленумами ЦК и предлагаемые в научной и периодической печати? Можно ли вообще решить проблему только юридическим и организационными средствами? Очевидно, нет. Если все будет поставлено под контроль народа, то уровень его культуры, особенно политической, станет решающим фактором реальности такого контроля. Неожиданно актуально, хотя и в совершенно ином контексте, звучит ленинская мысль о том, что недостатки нашей системы управления «коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры» и что «в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки». И если, как уже говорилось, в 70-е гг. командно-административные формы правления вступили в противоречие с выросшим культурным уровнем масс, то в условиях радикальной реформы хозяйственного механизма и развития самоуправленческих начал этот уровень оказался уже недостаточным.

«Сегодня отчетливо видно: многие трудности перестройки, обновления общества рождены недостатком культуры в самом широком ее понимании»,— говорил на XX съезде ВЛКСМ М. С. Горбачев. Иначе и быть не могло: культура, как известно, формируется в процессе деятельности, и нельзя, скажем, научиться демократии и всем ее атрибутам, иначе, как на собственном опыте, действуя в условиях демократии.

Однако административная система, с одной стороны, десятилетиями воспитывала поколение управленцев, стиль общения которых с подчиненными и начальством выражался классическими формулами: «не потерплю!» и «чего изволите?»; с другой же стороны, ограничивала социальную активность масс или придавала ей формальный, часто бессмысленный характер. У большинства людей живы еще в памяти времена, когда не только на торжествах — на пленумах и даже съездах партии чуть не каждое выступление превращалось в панегирик или заздравную песнь в честь политического руководителя. Отзвуки таких выступлений, хотя они и не поощряются, нет-нет да раздаются и ныне.

Личный опыт убеждает: не ушли в прошлое и «потемкинские деревни», которыми на местах ласкают глаз высоких гостей из центра. Правда, нынешним очковтирателям стало труднее: поскольку проверяющие теперь не всегда склонны заранее устанавливать маршрут, приходится превращать на несколько часов в выставки дефицитных товаров уже не один—два, как было раньше, а десятки магазинов, рынков и т. п. Но результат остается прежним: дезинформация руководства и возмущение вольных и невольных зрителей политической трагикомедии.

Все это лишний раз показывает, как важно направить и наличные идеологические средства на «выдавливание раба» из подчиненного, господина — из управляющего, поощрять демократизм в стиле руководства, манере общения, пресекать и высмеивать барство. Безусловной поддержки и внимания заслуживают в этой связи намеченные в постановлении Политбюро ЦК БКП «О необходимости глубоких перемен в атрибутах власти...» меры по изменению стиля политического руководства: прекращение возвеличения живущих политических деятелей всех рангов, награждений в связи с юбилейными датами, сокращение пышных празднеств и парадов, упрощение церемоний встреч и проводов партийных и государственных руководителей, сугубо деловое освещение их выступлений и поездок в средствах массовой информации и т. п. (Аргументы и факты.— 1987.— № 34. С. 2).

* * *

Нам следует, наконец, научиться извлекать уроки из собственного прошлого. Исключительная важность «защитной» функции социалистической демократии, необходимость защиты перестройки, шире — самого социалистического общества — от субъективизма и злоупотреблений властью должны быть признаны общественной наукой, найти свое место в теоретической системе политической идеологии социализма, войти в общественную психологию масс. Испытывая естественный эмоциональный подъем от того, что нынешнее руководство СССР последовательно проводит во многом новаторский курс, общество не может благодушеествовать. Любое руководство не вечно и не гарантировано от ошибок. Поэтому тревога общественности за будущее нашего развития не только оправданна — она жизненно необходима, вероятно, в обозримом будущем должна оставаться перманентной.

Прав драматург А. Гельман: историческую судьбу, которая повернулась «лицом» к нашему поколению, нужно собственными силами «довернуть», чтобы она вновь не показала нам «спину»! Не боясь двойной, тройной страховки и

перестраховки, необходимо, пока есть возможность, создать избыточно надежную систему «защитных механизмов» социалистической демократии, чтобы «человеческий фактор» никогда не смог сыграть в нашей истории консервативной или разрушительной роли. Только тогда путь в будущее станет более прямым и менее драматичным, а великие достижения перестанут покупаться столь же великой ценой.

АВАНГАРД В АРЬЕРГАРДЕ: КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

ОПУБЛИКОВАНО: ВЕЧЕРНИЙ ОМСК.— 1989.— 31 ИЮЛЯ, 1 АВГУСТА.— № 177, 178.

С. 2.

Полемические заметки о политическом лидерстве

В последнее время вопрос о том, нуждается ли социалистическое общество в руководстве партии, о возможности в нашей стране многопартийности и об отношении к возникающим самостоятельным политическим объединениям стал предметом полемики в печати, а еще более — в устных дискуссиях, которыми так богата сейчас наша жизнь. Пожалуй, наибольшего накала достигла эта полемика на I съезде народных депутатов СССР. Позиции спорящих весьма далеки от недоброй памяти «единодушного одобрения»: на одном «фланге» те, кто видит «крамолу» и «подрыв устоев» уже в самой постановке вопроса, на другом — полагающие, что однопартийность — корень всех бед, а многопартийность — от них панацея. Немало и таких, кто заявляет: пусть коммунисты нами руководят, мы не против, только сначала пусть наведут порядок в собственной партии.

В этой борьбе традиционные политические направления как бы меняются местами: левые (защитники нетоварного, уравнительного социализма) выступают ярыми консерваторами и, независимо от желания, союзниками бюрократии, а правые, стремящиеся «перестроить» общество на буржуазных началах — крайними революционерами и поборниками демократии. Думаю, пора уже политикам и средствам массовой информации от выражений типа «некоторые договариваются до того, что нужно создавать новые партии», — выражений, призванных внушать священный трепет, и тем, о ком говорят, переходить к постановке вопроса по существу, обсуждая иные точки зрения.

И тогда оказывается совершенно очевидным, что искомое решение политической задачи в самом общем виде содержится в ней самой: если мы хотим, чтобы страна развивалась на социалистической основе, то само собой разумеется, что такое развитие может обеспечить только партия, опирающаяся на социалистическую, марксистскую теорию, точно так же, как в условиях капитализма меняющие друг друга буржуазные партии при некоторых различиях объединяет именно исходное представление о том, что основой общественной системы является частная собственность со всеми ее социальными и политическими атрибутами. Помимо этого общего тривиального соображения, в обоснование необходимости при социализме политического руководства коммунистов можно привести ряд конкретных аргументов.

Первое. Социализм, как тысячи раз сказано, можно, в отличие от других типов общества, создать лишь сознательно, на основе научной теории, для проведения которой в жизнь партия абсолютно необходима. Следует со всей определенностью сказать: если наше общество рискнет «плыть по воле волн» в море современных социально-экономических отношений, оно почти наверняка «причалит» к тому же берегу, от которого попыталось оттолкнуться в 1917 году, причем «пристань» окажется не на Флориде или Хоккайдо, а где-нибудь в Латинской Америке или даже Азии. Не могу поэтому согласиться с экстравагантными заявлениями о том, что социализма больше там, где его не «строили», например, в королевстве Швеция (Новый мир.— 1988.— № 11. С. 187). Во-первых, в Швеции «строили» социализм, хотя бы и в социал-демократическом варианте («Шведская модель» невозможна без активного и чрезвычайного квалифицированного управления); во-вторых, «построили» в Швеции все-таки капитализм, хотя во многих отношениях гораздо более привлекательный, чем статистический социализм в СССР.

Второй аргумент — позиция В. И. Ленина. Она, конечно, не догма, но, безусловно, одна из политических координат для каждого социалиста. Как известно, в полемике с «Рабочей оппозицией» В. И. Ленин решительно выступал против попыток ослабления партийного руководства, хотя и оговаривал возможности различных форм его существования в различные исторические периоды (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. С. 94—95).

Третье. Любое общество нуждается в гарантиях не только против застоя, но и в гарантиях стабильности. Ее, прямо скажем, высокий уровень в развитых капиталистических странах, помимо эффективного производства и товарного изобилия, обеспечивается также эффективным использованием экономических механизмов воздействия на власть (на выборах, как правило, побеждает тот, кто затратил больше денег, средства массовой информации и тиражирования «массовой культуры» принадлежат в основном «большому бизнесу» и т. д.). В условиях социализма, где подобные механизмы отсутствуют, необходимы иные гарантии стабильности, предохраняющие его, особенно в кризисные и переломные моменты, от реставрации старого, возможных колебаний в настроениях, выплескивания национальных чувств и т. п. Одной из таких гарантий может и должна служить авангардная роль партии.

Четвертое. Необходимо учесть опыт развития других социалистических стран, как «нормального», так и кризисного. В последнем — увы! — недостатка нет. И каждый раз, когда вставал вопрос о судьбе нового общественного строя, его противники избирали главным стратегическим направлением своих ударов именно партию, справедливо видя в ней, в ее авангардной роли один из устоев не только сталинской модели социализма, но и социализма вообще. Думаю, в данном случае противнику вполне можно доверять.

Во многих социалистических странах, как известно, накоплен положительный опыт многопартийности, но до настоящего времени их политические системы основывались не на борьбе оппозиционных партий и смене их у власти, а на соглашении о совместном осуществлении этой власти, на политическом союзе, предполагающем признание руководящей роли коммунистов. Использование в СССР такого опыта представляется вполне возможным и не содержит в себе никакого риска. Однако, как показал, например, опыт ПНР, подобная система сама

по себе не гарантирует в достаточной мере общество от субъективизма и злоупотреблений властью.

Иное дело — партии оппозиционные, опыт деятельности которых при социализме минимален и ограничивается, пожалуй, недавними выборами в ПНР и проектом венгерского закона, допускающим возможность возникновения оппозиционных политических объединений. Вряд ли нашей стране следует стремиться здесь к лидерству, разумнее подождать хотя бы первых результатов и изучить их.

Первые из таких результатов весьма противоречивы: в Польше, например, «Солидарность» завоевала практически все места, доступные ей по условиям соглашения, однако она не готова управлять страной и не вполне представляет, что делать со своей победой, так же, как правительственная коалиция, сохраняющая благодаря соглашению большинство мест в Сейме, не знает, что делать со своим поражением. Поэтому представляется более целесообразным использовать существующие возможности однопартийной системы.

В этой связи не утратили актуальности не получившие большинства на XIX Всесоюзной конференции КПСС идеи делегатов о том, что роль социалистической оппозиции вполне может выполнять, например, печать, если газеты из органов партийных комитетов превратить в органы партийных организаций, избирая редакции на съездах и конференциях, а редакторов печатных органов Советов — на сессиях или съездах и т. п. Далеко не использованы еще и возможности массовых гражданских движений, способных выступить по отношению к КПСС как партнеры и здоровая критическая сила.

Применительно к местным условиям автор вносил уже на заседании дискуссионного клуба при Центральном райкоме партии следующее предложение: подобно тому, как большинство «неформалов» высказываются за сотрудничество со здоровыми силами в КПСС, этим последним необходимо сотрудничество со здоровыми силами новых самостоятельных организаций. Если, например, «Диалог» поддержал коммуниста А. В. Минжуренко на выборах в высший орган власти страны, почему бы коммунистам (в том числе, скажем, Центральному райкому) не поддержать одного из конструктивно мыслящих лидеров «Диалога» на местных выборах? Тем более, что ныне курс на диалог (да простится мне невольный каламбур) с самостоятельными объединениями провозглашен официально, а новый руководитель Ленинградской партийной организации прямо предложил сотрудничество местному Народному фронту и «зеленым».

Теоретически, конечно, можно себе представить политическую систему социализма, скажем, с двумя марксистскими партиями, которые, имея единые основные цели, расходились бы в представлении о средствах их реализации и сменяли друг друга у власти в зависимости от настроений избирателей подобно тому, как меняются у власти буржуазные партии в США. Уже сейчас — и об этом не раз говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев — в партии существуют группы, настроенные более консервативно и более радикально, чем современное руководство, — группы, между которыми идет борьба за влияние. Однако практические шансы на реализацию двухпартийной системы, вероятно, крайне малы.

Во-первых, как показывают исследования на математических моделях

общественных процессов, выполненные группой Н. И. Амосова, при двух партиях с исходной общей идеологией возможен дрейф общества к капитализму (Литературная газета.— 1988.— № 40. С. 13) — вспомним то, что говорилось выше о вероятных последствиях стихийного развития для современного социализма. Конечно, эти выводы могут быть и ошибочными, поскольку исходные параметры «человеческой природы», заложенные в основу модели (жадность, лидерство и т. п.), весьма спорны, но других результатов пока нет.

Во-вторых, практика свидетельствует: если уж в социалистических странах возникают новые партии, стоящие в оппозиции к правящим, они, как правило, бывают антисоциалистическими. Это верно и для нашей страны: «Демократический союз» — единственная из новых политических организаций, открыто заявляющая о своей оппозиционности КПСС,— включил в свою Программу и положение об оппозиционности существующему общественному строю. И хотя эта Программа содержит во многом справедливую критику нынешнего положения и привлекательные общедемократические лозунги, идеалом общественного устройства для ее авторов служит новый усредненный и облагороженный демократический капитализм.

Вероятно, социализм в наше время, если не приукрашивать действительность, не достиг того уровня стабильности, когда можно было бы спокойно взирать на деятельность его политических противников, подобно тому, как мирится с деятельностью коммунистов правящая буржуазия на Западе. Видимо, признание Конституции страны, а значит, и Октябрьского выбора, остается естественной границей социалистического плюрализма. Вместе с тем решение вопроса о конституционности или неконституционности той или иной политической организации не должно быть прерогативой отрядов особого назначения, Комитета госбезопасности или даже партийных органов, как это обычно бывает сейчас. Такие вопросы, безусловно, относятся к компетенции суда или конституционного надзора. Нынешняя же практика лишь плодит злоупотребления и поднимает авторитет всех, кто «против», независимо от того, что они имеют «за».

Итак, вопрос об отношении к одно- или многопартийной системе при социализме нельзя ставить абстрактно: «или — или», поскольку последняя теоретически может быть представлена, по крайней мере, в трех вариантах: 1) система с союзническими партиями — вариант апробированный и вполне безопасный для социализма, но сам по себе не гарантирующий достаточной эффективности управления; 2) система с оппозиционными социалистическими партиями (например, двухпартийная) — вариант, заслуживающий внимания, но не апробированный, нуждающийся в дальнейшем исследовании, а на практике маловероятный; 3) система с оппозиционными антисоциалистическими партиями — вариант практически более вероятный, который вряд ли следует считать заведомо неприемлемым в будущем, при ином уровне социальной стабильности (возможно, в этом случае вопрос вообще «отпадет» сам собой), но в нынешней ситуации способный поставить под сомнение социалистический характер дальнейшего развития страны, резко обострить процессы дестабилизации общества.

Из сказанного видно, что жесткие обвинения в адрес коммунистов,

признающих возможность существования в СССР других политических партий,— обвинения, не выясняющие вопроса, какие именно партии имеются в виду,— основаны в лучшем случае на недоразумении или политической прямолинейности. Речь не идет, конечно, о том, чтобы искусственно создавать в стране новые партии. Речь — о необходимости для КПСС выработки четкой и гибкой политической позиции в отношении тех называющих себя партиями организаций, что уже возникают или могут возникнуть в будущем. На это нельзя закрывать глаза, рассуждая в стиле чеховского «ученого соседа»: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Партии нужны верные теоретические ориентиры. Окончательное же решение вопроса в случае необходимости вправе принимать только высший орган власти, избранный народом.

Не лишенные риска эксперименты с политической оппозицией могут оказаться неизбежными, как в Польше и в Венгрии, где иными методами, по-видимому, не удастся выйти из кризиса. Представляется, однако, что подобная необходимость в СССР возникнет лишь в том случае, если демократические возможности однопартийной системы будут использоваться так же плохо, как в последние 60 лет, если не удастся решительно поднять авторитет партии, основанный не на прямом или косвенном насилии (т. е. в конечном счете на авторитете карательных органов), а на реальных результатах управления и личных достоинствах коммунистов. Для того, чтобы поднять этот авторитет, необходимы срочные и решительные меры, которые можно подразделить на три основных направления или «блока».

Во-первых, следует вывести партию из-под критики хотя бы по тем вопросам, где это возможно сделать немедленно, причем, конечно, не зажимая рты недовольным, а устраняя причины недовольства. Предложение в срочном порядке разработать антикризисную программу оздоровления экономики и начать реализацию этой программы уже звучало на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС и на I съезде народных депутатов СССР. Чем быстрее оно будет воплощено в практику, тем лучше и для народа, и для правящей партии, хотя вряд ли следует рассчитывать на немедленный эффект.

Но если наполнить рынок доступными и высококачественными товарами в один момент никому не удастся, то, например, ликвидировать то, что возмущенная общественность называет привилегиями партийного аппарата, можно и должно.

В тех случаях, когда проблема вообще обсуждается, а не объявляется с самого начала вымыслом либо попыткой дискредитации, в защиту необходимости особой системы распределения для руководящих работников выдвигается обычно два аргумента. Во-первых, широкая распространенность такого распределения: каждое крупное предприятие имеет, как правило, собственные столы заказов, клиники и т. д. Во-вторых, необходимость стимулирования управленческого труда, оплата многих видов которого в СССР явно занижена: в условиях дефицита «натуральное» стимулирование оказывается значительно эффективнее денежного, отмена же его может привести не только к ослаблению кадрового корпуса, но и к усилению сращивания управленческого аппарата с работниками торговли и другими распорядителями дефицитных благ.

Однако эти аргументы представляются отнюдь не бесспорными, более того, возможен прямо противоположный ход рассуждений: именно потому, что

существует дефицит, массовое сознание особенно остро реагирует на малейшую несправедливость в его распределении, причем в обстановке, когда со страниц и экранов звучат «рассказы очевидцев». Пытаться убедить людей, что этого нет или что слухи сильно преувеличены, значит провоцировать еще и обвинения во лжи. Напротив, поскольку деньги — один из немногих «товаров», в которых на рынке недостатка нет, повышение заработной платы управленческим кадрам в тех случаях, когда ныне существующая не соответствует затратам и квалификации труда, представляется линией более естественной и справедливой — разумеется, при условии общего сокращения аппарата и непомерных издержек управления. Как известно, такова была и позиция соратника В. И. Ленина наркома финансов СССР Г. Я. Сокольников.

Добавим к этому, что именно существование особых, «аппаратных», благ и услуг, с одной стороны, избавляет руководителей от личной заинтересованности в ликвидации дефицита, а с другой — создает кастовость, отделенность их повседневной жизни от насущных проблем бытия «простых» людей. Разумеется, сказанное относится отнюдь не только к партийному аппарату, но именно ему следовало бы подать пример другим звеньям системы управления.

Безусловной отмене подлежат, конечно, и привилегии для членов партии вообще: занимать руководящие посты, ездить за границу, поступать в аспирантуры по общественным наукам и на соответствующие кафедры, положение о привлечении к суду после исключения из КПСС и т. д.

В нынешнее время требуется принципиально новый подход и в ротации кадров. То, что произошло с кадрами в 1985—1986 гг., когда сменилось 40 процентов первых и около половины всех секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, — явление, безусловно, положительное. Однако оно вполне укладывается в рамки отечественной исторической традиции, когда с приходом к власти нового руководства существенно меняется и аппарат, который затем остается более или менее стабильным, пока лидер сохраняет свой пост. Такова была кадровая политика И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, только место лагерей и расстрелов заняла более или менее почетная отставка. И нынешний предмет нашей официальной гордости — ограничение сроков пребывания первых руководителей у власти — позволит большинству их занимать свои кресла 10—15 лет.

Но главное не в этом. Даже в период наиболее активной ротации меняли, как правило, первых на вторых, вторых — на третьих, тех и других — на работников аппарата ЦК, т. е. на людей той же административно-командной системы, которая десятилетиями выполняла негативную селекцию, очищаясь от «яростных» и «непохожих». Удивительно ли, что партийные руководители в критических ситуациях типа событий в Армении и Азербайджане проявляют зачастую полную беспомощность, неспособность не только к решительному действию, но и к убедительному для людей слову?

Наблюдая за процессом обсуждения кандидатуры Генерального прокурора СССР на I съезде народных депутатов СССР, не мог отделаться от ощущения, что руководители страны стремятся как можно быстрее избавиться от «избыточного» авторитета и доверия народа. Речь, конечно, не о виновности и не виновности А. Я. Сухарева, а совсем о другом — о популярности или непопулярности. Факт его

непопулярности, особенно в Москве, не подлежит сомнению, и выдвижение подобной кандидатуры подрывает авторитет партии несравненно больше, чем все резкие замечания в ее адрес народных депутатов вместе взятые. Это и есть самодискредитация партийных руководителей, а заодно и партии в целом. И если прямо сейчас эту ошибку уже не исправить, то совершенно необходимо избежать ей подобных, формируя республиканские и местные органы власти.

Однако и внутриаппаратная ротация кадров явно замедляется в последнее время, когда клятвы в верности решениям XIX Всесоюзной партийной конференции сочетаются с действиями, прямо противоречащими ее духу. Возьмем хотя бы проблему альтернативных выборов в партии. Вот что говорил об этом на конференции М. С. Горбачев: «По новым требованиям, которые мы с вами утвердим, секретари всех рангов будут у нас избираться из двух, трех или больше кандидатур тайным голосованием на Пленумах. Значит, они должны пройти проверку демократическим путем...» (Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС.— М., 1988. С. 105). Для сравнения приведем, например, выдержку из материалов пресс-конференции первого секретаря Омского обкома КПСС Е. Д. Похитайло:

Вопрос: «Почему... не было альтернативности при выборах первых секретарей горкомов, райкомов? Замены произведены до конференции?» (Добавим к этому, что на альтернативной основе не избран ни один секретарь городского и областного комитетов партии.)

Ответ: «Выборы из двух и более кандидатур не обязательны. Но там, где необходимо, на это надо идти. Например, на альтернативной основе (были две достойные кандидатуры) проходили выборы первого секретаря Центрального районного комитета партии» (Омская правда.— 1988.— 19 декабря. С. 1).

Итак, альтернативных выборов нет, потому что нет достойных кандидатов, а определяют, кого считать достойными кандидатами, как раз те, кто уже занимает посты. Не ясно ли, что до тех пор, пока партийные руководители сами будут «хозяевами своей судьбы» или, лучше сказать, «кузнецами своего счастья», дело не сдвинется, и партии придется по-прежнему расплачиваться за их грехи?

Зададимся вопросом: почему первое Советское правительство было, по мнению многих деятелей культуры, самым талантливым в мире, а к началу 80-х годов у нас осталось не так много руководителей высшего ранга, способных ходить без поддержки и говорить без бумажки? Ответ очевиден: революция сломала старую, иерархическую систему власти, и наиболее талантливые организаторы, полководцы, теоретики, воспитанные вне системы управления, оказались сразу на самом верху. В обычных же (а тем более в застойных) условиях служебная «лестница», как правило, либо сбрасывает с себя талант, либо его медленно убивает по мере восхождения на каждую следующую ступень.

Мы нередко величаем наше время революционным. Не пора ли обратиться к революционным методам и в кадровой политике? Для этого необходимо, во-первых, избирать всех партийных руководителей только на альтернативной основе непосредственно на конференциях и съездах; а во-вторых, не ждать каждый раз двух «положенных» сроков, а отработать механизм отзыва не соответствующих должности в любое время, как того требовали классики марксизма; в-третьих, изменить порядок выдвижения руководителей так, чтобы не только аппарат, но и

первичные организации имели право предлагать свои кандидатуры на должности членов бюро и секретарей комитетов различных уровней, вплоть до областного и республиканского, а областные и республиканские партийные организации — на должности членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, вплоть до Генерального.

Отнюдь не утратила своей актуальности и ленинская идея пополнения высших партийных органов рядовыми рабочими и крестьянами (в настоящее время это относится, конечно, и к рядовым интеллигентам), что не только поставило бы центральный аппарат под непосредственный и оперативный контроль народа, но и вдохнуло бы свежую струю в процесс решения кадровой проблемы. Кстати, после апрельского (1989 г.) Пленума в ЦК образовались и «вакантные» места.

Уверен: талантов в стране и партии достаточно и сейчас. Нужно лишь открыть им дорогу и, конечно, сделать равнодоступными для членов и не членов КПСС все должности, кроме чисто партийных.

И, наконец, главное: для того, чтобы партия могла успешно выполнять свою руководящую роль, функции политического авангарда, необходимо вернуть ей статус действительно правящей партии. Эта формулировка является парадоксальной только на первый взгляд. Да, абсолютное большинство тех, кто реально управляет,— члены партии, но из этого отнюдь не следует, что все или большинство членов партии могут и готовы реально участвовать в управлении страной или хотя бы в решении собственно партийных проблем. Чтобы рассеять сомнения на этот счет, достаточно напомнить лишь некоторые обстоятельства, характеризующие внутреннее положение в партии.

Минимум гласности (имеется в виду именно ее внутривнутрипартийный аспект). По существующему со сталинских времен и поныне положению рядовые коммунисты не имеют доступа к материалам районных, городских и т. д. партийных комитетов, раскрывающим методы их работы, а члены этих комитетов — права свободного пользования всеми материалами, имеющимися в распоряжении бюро и аппарата (Правда.— 1989.— 2 января.— С. 2). Коммунисты знают не больше беспартийных о том, что происходит на пленумах, а особенно на заседаниях бюро комитетов их собственной партии. Вряд ли можно считать проявлением внутривнутрипартийной гласности закрытые письма ЦК, время от времени зачитываемые на собраниях. За 12 лет пребывания в партии автор ни разу не обнаружил в этих письмах не только какой-либо особо ценной информации, но вообще ничего, что стоило бы делать «зкрытым».

Конечно, государственная тайна существует и в обозримом будущем сохранится. Считаю, однако, что при отсутствии организованной политической оппозиции у партии, называющей себя партией всего народа, тайн от этого народа в идеале быть не должно. Тайны же «комитетские» или «тайны бюро», не доступные коммунистам, вообще выглядят абсурдом или анахронизмом, особенно в эпоху гласности.

Минимум выборности. Как ни парадоксально, даже в 30-х годах ее было больше, чем в «застойный» период, когда выборы свелись к «подбору и расстановке», на последнем этапе оформленным вотумом доверия. Специальные инструкции закрепляли правило, по которому в список для тайного включалось ровно столько кандидатов, сколько нужно избрать. Само собой разумеется, что при таком порядке мандатные комиссии могли писать свои доклады, не дожидаясь

результатов «выборов». О том, как вопреки идеям XIX Всесоюзной партийной конференции аппарат противится введению реальной выборности, речь уже шла.

Минимум контроля «снизу». И. В. Сталин не только не реализовал ленинскую идею о том, чтобы члены Центральной контрольной комиссии, составленной в значительной степени из «рядовых» рабочих и крестьян, присутствовали в известном числе на заседаниях Политбюро, добивались строжайшей правильности дел (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387), но ликвидировал и саму ЦКК. Подобное положение сохранилось и до сих пор: члены выборных партийных комитетов не имеют права присутствовать на заседаниях подотчетного им бюро (Правда.— 1989.— 2 января. С. 2), а партийный контроль все тем же бюро всецело подчинен.

Стоит ли в таких условиях удивляться, что, начиная с XXVII съезда КПСС, с самых высоких трибун говорится о необходимости возвращения выборным партийным комитетам их уставной роли? Но корень проблемы, как представляется, глубже. С конца 20-х годов в результате свертывания демократии партия из субъекта политического руководства обществом превращается, как и все общество, в объект командно-административного управления, другими словами, утрачивает свою руководящую роль. Это командно-административное управление, первоначально осуществлявшееся в режиме личной власти, которая опиралась на аппарат, но не давала ему чрезмерно усиливаться (тогда он мог бы стать угрозой диктатору), в период «застоя» все более превращается в управление анонимно-аппаратное. «Будем откровенны,— говорилось на XIX Всесоюзной конференции КПСС,— в условиях командно-административной системы, когда партийный распоряжался всем и вся, подчас нелегко было разобраться, где у партийного комитета и партийного секретаря подлинный авторитет лидера, а где в лучшем случае «авторитет должности»... (Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. С. 151).

Действительность, таким образом, оказалась «элитарнее» самых неосторожных сталинских формул: «орденом меченосцев» стала не партия, большинство членов которой были так же отчуждены от власти, как и прочие «смертные», а управленческий аппарат — партийный, государственный, огосударственных общественных организаций. Иначе говоря, при сохранении внешней формы содержание превратилось в свою противоположность: политическое руководство партии — во власть аппарата.

В этой подмене состоит едва ли не главная причина крайней неэффективности многочисленных политических и управленческих экспериментов и кампаний как в СССР, так и в других социалистических странах. В ней же — главная угроза руководящей роли партии и социализму вообще, по крайней мере, после разгрома внутренней вооруженной оппозиции. Если этого не признавать, по традиции полагая, что в сталинские и последующие времена партия как таковая располагала реальной властью, то вполне логично выглядит программное положение «Демократического союза» о том, что именно власть, «партократия», и стала причиной происшедшей исторической драмы и что только избавление от партийного руководства может стать гарантией от повторения чего-либо подобного в будущем. На деле же ситуация прямо обратная: трагические социальные эксперименты, злоупотребления властью и преступления — следствие не

руководящей роли партии, а, напротив, главным образом, утраты партией этой роли.

Да, КПСС в лице ее руководства взяла на себя ответственность за случившееся, но следовало бы еще выяснить, за что именно она может и должна отвечать. Вряд ли вина рядовых коммунистов за сталинизм или «застой» много больше, чем вина беспартийных: для тех и других это, скорее, беда. Историческая вина партии, на мой взгляд, в другом: она не смогла выполнить роли политического руководителя общества, поскольку в условиях административно-бюрократической системы оказалась не в состоянии противодействовать тенденциям к превращению собственного аппарата в своеобразную «партию в партии», а себя самой — в некое подобие «аппарата аппарата».

Думаю, не будет преувеличением сказать, что именно сверхвластие руководящего аппарата нанесло коммунистическим партиям социалистических стран вред, не сопоставимый с результатами деятельности всех «подрывных элементов», «агентов иностранных разведок» и действительных внутренних противников, вместе взятых. В самом деле, кто привел Венгрию к кризису 1956 года, а Польшу — к кризису 1980—1981 гг., может быть скрытые враги? Ничуть не бывало: они лишь воспользовались ситуацией, решающий вклад в создание которой внесло руководство М. Ракоши и Э. Герека. То же самое можно сказать о современном положении в СССР, вежливо именуемом «предкризисным»: лишь слегка поколебленная власть аппарата, тормозящая экономические и политические реформы и способная тем самым толкнуть страну к открытому общественно-политическому конфликту, потенциально гораздо опаснее, чем «Демократический союз», который может обрести массовую поддержку лишь при сохранении и углублении экономической и социальной нестабильности.

Во избежание возможного неверного понимания или умышленного искажения следует подчеркнуть: автор не разделяет модного в настоящее время стереотипа «поисков крайнего» (по выражению депутата Г. Х. Попова) — стереотипа, согласно которому все «аппаратчики» «одним миром мазаны», и, едва они будут «ликвидированы как класс», страна двинется вперед семимильными шагами. На самом деле, в аппарате есть, конечно, разные люди: управленцы различных уровней — едва ли не большинство известных стране сторонников радикальной перестройки. Суть дела, однако, не столько в людях, сколько в системе власти и управления: изменить ее — и лучшая часть аппарата будет работать на общество, а худшая окажется отторгнутой подобно тому, как прежде отторгались наиболее способные и самостоятельные. «Ликвидированных» же классов и истребленных «врагов» в нашей советской истории было уже столько, что хватило бы на много стран и эпох. Результаты известны.

Таким образом, в настоящее время вопрос должен ставиться не просто о восстановлении ленинской концепции партии, что уже предлагалось в «Правде», а о восстановлении реального политического статуса партии как правящей. Для этого необходимы, как минимум, условия двоякого рода.

Во-первых, максимальная демократизация партии, опережающая по темпам демократизацию общества в целом (включая гласность, выборность, сменяемость, контроль «снизу»). Пока эти темпы значительно ниже, чем в ряде государственных и общественных организаций, хотя недостатка в предложениях по этой части не

было ни на XIX партконференции, ни в партийной печати. По-видимому, далеко не все руководители оказались способными осознать даже то, что понял в свое время царь Александр II: если существующую систему не отменить «сверху», она сама собою начнет отменяться «снизу».

Что же касается идеи, которая парадоксальным образом объединяет зарубежных сторонников «перестройки» социализма в капитализм и отечественных бюрократов — идеи о том, что демократизация общества подорвет позиции партии, то в масштабах страны это не подтверждается практикой. Напротив, на нынешних «безразрядных» выборах среди депутатов коммунистов значительно больше, чем на прежних. Другими словами, авторитет многих членов партии остается высоким, хотя рашидовы, медуновы и чурбановы сделали едва ли не все возможное и невозможное, чтобы уронить престиж ее как организации, от имени которой они творили зло.

Еще раз: демократизация угрожает не позициям КПСС, а бюрократической части аппарата. Любая правящая партия может мечтать о таком представительстве в Парламенте, которое имеет КПСС. Если же народным депутатом не избирается тот или иной непопулярный аппаратчик, партия в целом от этого только выигрывает: ее будут меньше дискредитировать.

Поражение более трех десятков партийных секретарей обкомов и горкомов на недавних выборах — не поражение партии, но сигнал о том, что нельзя слишком долго испытывать хваленное И. В. Сталиным долготерпение народа. Насколько позволяет судить наличная информация, в некоторых республиках падение авторитета аппарата сказалось уже и на партии в целом, и на ее членах, так что дальнейшее промедление с реформами в КПСС может оказаться поистине смерти подобно!

Во-вторых, надо всемерно поддерживать объединение в партии всех действительно здоровых общественных сил, наиболее талантливых, активных и честных людей, имеющих склонность к политической деятельности. Для этого необходимо:

снять социальные ограничения на прием в партию (что провозглашено, но в жизнь не проводится), руководствуясь только позицией человека в перестройке и реальным вкладом в ее продвижение, а также общечеловеческим пониманием честности и порядочности;

дополнить порядок приема правилом, по которому желающий стать коммунистом должен получить «вотум доверия» более половины членов своего коллектива (включая беспартийных) при анонимном опросе;

ввести аналогичную процедуру при аттестации коммунистов;

практически осуществить принцип, согласно которому исключение из партии или выход из нее не повлекут никаких административных последствий (разумеется, когда речь не идет о преступлениях);

отменить преимущества членов КПСС по сравнению с беспартийными в том, что касается поступления в вузы, приема на работу, занятия руководящих должностей, выезда за границу и т. д., о чем уже говорилось выше.

Разумеется, возможны и иные меры, да и предложенные, вероятно, не бесспорны. Но уверен: все это укрепило бы партию, помогло ей быстрее очиститься от балласта, прекратило бы приток в нее карьеристов. Программу

внутрипартийных реформ следовало бы как можно скорее принять на внеочередном XXVIII съезде КПСС.

Подведем итоги. Только положив конец власти аппарата, поставив его себе на службу, а не служа ему, партия может стать действительно правящей. Только став правящей, она будет в состоянии быстрее, эффективнее решать существующие проблемы, не сама отлаживая систему социалистических общественных отношений, а, как того хотел В. И. Ленин, помогая народу научиться делать это самостоятельно (Правда.— 1989.— 2 января. С. 2). И только в этом случае не будет ставиться под сомнение ее право и долг быть авангардной силой, а вместе с тем и выбор, сделанный в Октябре 1917. В противном же случае партия окончательно утратит свою ведущую роль, а политическое лидерство перейдет к другим общественным организациям. Такова реальная альтернатива.

ПО ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Опубликовано: Вечерний Омск.— 1988.— 15 июня. С. 2 (в рубрике «Обсуждаем Тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной конференции КПСС»). Первоначальное название «Власть — Советам».

Думаю, большинство читавших Тезисы ЦК согласятся с тем, что, если намеченные меры будут приняты, а главное — воплощены в практику, если их не постигнет судьба госзаказа и прочих хороших начинаний, это станет большим шагом на пути демократизации общества. Ограничение срока пребывания на руководящих постах, принцип состязательности при проведении выборов партийных органов, восстановление полномочия Советов, сокращение лишних звеньев беспредельно раздутого аппарата — за эти и многие другие положения Тезисов обеими руками проголосует каждый, у кого они не отнимают жирного куса общественного пирога или холопского удовольствия быть «повелеваемыми» и наслаждаться покоем, ибо «наверху» уже все продумано.

Однако время недоброй памяти «единодушного одобрения» прошло, хочу надеяться, навсегда, и нельзя, особенно обществоведам, ограничиваться простой поддержкой Тезисов. Нужно идти дальше, дальше... Вот лишь некоторые соображения дискуссионного характера.

1. «Защитные механизмы»

В нашумевшей статье «Причины и следствия» (Урал.— 1988.— № 1) ее автор Сергей Андреев подметил общий недостаток многих партийно-правительственных постановлений последних десятилетий: эти постановления принимались с расчетом на то, что все, кому положено, будут их выполнять. Думается, не вполне свободны от этого недостатка и Тезисы ЦК КПСС. В самом деле, представим себе, что удалось решить одну из главных политических задач современного этапа нашего развития — разграничить функции партийных, советских и хозяйственных органов. Но что делать, если партийные комитеты различных уровней будут продолжать командовать Советами, как это сплошь и рядом делается сейчас? Куда обратиться коллективу, общественной организации, права которых ущемлены? Очевидно, в законе о разграничении функций нужно определить не только границы «возможного и невозможного», но и санкции за их нарушение, а также механизм реализации этих санкций. Один из вариантов — система конституционных судов,

уже давно существующая в Югославии. Важную «защитную» роль могло бы сыграть также восстановление Центральной контрольной комиссии — органа, который, согласно Ленину, призван контролировать оперативную деятельность партийных органов и руководителей, вплоть до Политбюро и Генерального секретаря ЦК.

Говоря об этом, не могу согласиться с политической формулой, прозвучавшей в омских средствах массовой информации с легкой руки делегата XIX партийной конференции А. К. Грезина: «Перестройке не нужны защитники, перестройке нужны участники». Сам делегат — человек эрудированный, имеющий определенную политическую позицию и по отношению к реформе управления экономикой настроенный достаточно радикально. Однако независимо от намерений, от трактовки понятия «защитники», объективное политическое содержание формулы, на мой взгляд, сводится к двум моментам: 1) пусть каждый занимается своим делом, предоставив большую политику тем, кому положено ею заниматься; 2) перестройку незачем и не от кого защищать.

Не акцентируя внимание на том, что Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев не раз говорил прямо противоположное (каждый волен иметь свое мнение), нужно сделать одно замечание по существу. Именно непонимание необходимости защиты, излишняя вера общественности в то, что теперь-то все пойдет нормально и т. п., помогли краху политического процесса, начатого XX съездом КПСС, и экономической реформы 1965 года. Поэтому всякое благодушие и успокоенность сейчас непростительны. Тревога общественности за будущее нашего развития не только оправданна, она жизненно необходима и в обозримом будущем должна оставаться перманентной.

Да, перестройке нужны участники, но еще больше — защитники, ибо из печати и жизни мы знаем, что последние часто рискуют профессиональной карьерой, добрым именем, психологическим комфортом, и поэтому их так остро недостает. Думаю, верным лозунгом омской делегации и наказом ей от коммунистов могла бы стать иная формула: «Защитить перестройку, помочь ей словом и делом!» В этом смысле, на мой взгляд, заслуживает также внимания идея создания демократического фронта, предложенная в Эстонии, — фронта не только содействия перестройке, но и ее защиты. Возможны и другие меры «защитного» характера.

2. Советам — всю полноту власти!

Призывы разграничить функции, покончить с подменой советских и хозяйственных органов партийными звучали на XXVII съезде КПСС и последующих Пленумах ЦК. Немало их было и прежде. Однако результатов практически нет и, думаю, быть не могло. Можно сколько угодно призывать партийных руководителей не вмешиваться, не подменять, не администрировать (вероятно, некоторые и внемлют). Нельзя только, будучи материалистом, думать, что от всего этого, в принципе, можно избавиться, пока первым политическим лицом в районе, области, стране будет секретарь соответствующего партийного комитета, а не советский руководитель. Ведь кто за все отвечает, обычно всем и распоряжается, особенно когда функции не определены законом? Вспомним: В. И. Ленин был не Генеральным секретарем ЦК, а Председателем правительства

(Совета Народных Комиссаров), и именно советские выборные должности рассматривались как ключевые. Прибавим к этому, что более высокое положение партийных руководителей в «табеле о рангах» едва ли соответствует демократическим принципам: если мы, коммунисты, имеем хотя бы абстрактную возможность избирать лиц, занимающих ключевые политические посты, то беспартийные такой возможности лишены вовсе. Передать всю власть Советам, а партии оставить общее политическое руководство обществом — значит сделать важный шаг по пути преодоления отчуждения народа от власти, а именно эта задача поставлена в Тезисах ЦК.

3. Сменяемость руководящих кадров

В порядке покаяния надо сказать, что, сосредоточив внимание на принципиально ином, чем при капитализме, характере власти в социалистическом обществе,— характере, который определяется отсутствием господствующего класса,— наша общественная наука, большей частью, правда, не своей охотой, умалчивала о том, что, с точки зрения форм, процедур, механизмов организации политической жизни, мы не только не превзошли буржуазную демократию, а во многом от нее отстали. Взять хотя бы процедуру выборов, которые в большинстве случаев давно, по сути, превратились у нас в назначение. Думаю, практическое воплощение идей, заложенных в Тезисах ЦК, позволило бы преодолеть отставание и в этих вопросах, а с учетом иного характера нашей власти — значительно выйти вперед по уровню реальной демократии.

Однако общество, претендующее на соответствие ленинской концепции социализма, не может довольствоваться мерками буржуазной демократии и в вопросах форм, процедур и механизмов. Маркс и Ленин, как всем известно, считали признаком власти трудящихся не просто выборность всех без исключения должностных лиц, но и их сменяемость в любое время. К сожалению, это положение не отражено в Тезисах ЦК. Правда, оно декларируется в некоторых юридических актах, но почти не осуществляется на практике, по крайней мере, по инициативе снизу.

Право отзыва должностных лиц перестанет быть формальным, если будет создан надежный механизм его реализации. Это могут быть, например, опросы общественного мнения с регулярной публикацией их результатов. Причем в отличие от правил, принятых в капиталистических странах, где такие опросы служат обычно критерием оценки эффективности или неэффективности политического манипулирования, падение доверия коллектива (народа) ниже определенного уровня означало бы досрочные выборы.

Кстати, о самих выборах. В Тезисах ЦК специально оговорено право выдвижения на любую должность или место более одной кандидатуры, что, безусловно, заслуживает поддержки. Однако жизнь много раз убеждала, что самые лучшие демократические установления легко поддаются бюрократическому выхолащиванию и умертвлению, если не продуман вопрос о гарантиях. Из текста Тезисов следует, что можно выдвигать, а можно и не выдвигать более одной кандидатуры, и бюрократия наверняка будет склоняться к последнему варианту. Думаю, надежнее было бы зафиксировать обязательное выдвижение нескольких кандидатур на каждое место или должность, выдвижение же единственного

кандидата допускать лишь в случае отказа всех остальных и оговорить специальным решением, которое принималось бы 3/4 голосов при тайном голосовании. Такая «принудительная» демократия необходима хотя бы временно, пока новая традиция не закрепится в политической культуре.

Не менее важно максимально сократить число ступеней избирательной «лестницы»: ввести прямые (по первичным организациям) выборы делегатов на все конференции и съезды, прямые (на конференциях и съездах) выборы секретарей всех партийных комитетов, вплоть до Генерального секретаря ЦК КПСС. Ныне многоступенчатость — действенное средство отчуждения рядовых коммунистов от принятия важнейших партийно-политических решений.

4. Посредством самого народа

Фраза К. Маркса об управлении народом посредством самого народа многократно встречается в политических документах последнего времени и известна едва ли не каждому школьнику старших классов. В недавнем прошлом, однако, дело представлялось так, что мы или уже достигли такого управления, или вот-вот к нему придем. В доказательство приводились цифры о количестве в Советах рабочих и крестьян.

Вместе с тем ни для кого не секрет, что в большинстве органов, располагающих реальными управленческими функциями, члены, не принадлежащие к аппарату управления, составляют ничтожное меньшинство и не имеют возможности существенно повлиять на дела, да и они нередко подбираются по принципу «удобства». Не случайно, проанализировав результаты выборов в Верховный Совет СССР, — выборов, процедура которых демократичнее, чем, скажем, на партийные съезды и конференции, — Ю. Буртин (Известия. — 1988. — 29 апреля) делает вывод о том, что в Советы попадают преимущественно начальники и молчаливики. Удивительно ли, что при таком положении интересы первых при непотволнении вторых нередко оказываются независимыми от интересов общества, а иногда — противоположными этим интересам, что произошло массовое перерождение кадров и т. п.?

Путь к решению проблемы указан еще в 1923 году В. И. Лениным. Как известно, он предлагал пополнить ЦК и Центральную Контрольную Комиссию рабочими и крестьянами в количестве, достаточном для обеспечения их решающего влияния в этих органах, причем рабочими и крестьянами не по происхождению, а по социальному положению на момент выборов. Это поставило бы высшие исполнительные органы партии и их руководителей под непосредственный контроль народа в лице его выборных представителей, причем контроль постоянный, а не от съезда к съезду, и абсолютно необходимый, ибо бесконтрольная власть, как заметил Михаил Шатров, развратит и святого.

Нельзя обойти эту важнейшую идею, говоря о возвращении к ленинизму. Однако время, думаю, требует внести в нее некоторые коррективы. Во-первых, поскольку интеллигенция уже давно стала социалистической, есть все основания включить ее представителей на равных в рабоче-крестьянское ядро руководящих органов. Главное — сохранить ленинский принцип формирования этого ядра из людей, не занимающих административных постов. Во-вторых, «рядовые» (не выше руководителя среднего звена) рабочие, крестьяне, интеллигенты должны, думается,

составить прочное ядро (например, 60 процентов) не только в центральных, но во всех органах партии, общественных организациях, Советах народных депутатов и советах трудовых коллективов. В-третьих, по крайней мере, часть таких членов руководящих органов целесообразно избирать не на съездах, конференциях и т. п., где основная масса голосующих не знает деловых, политических и человеческих качеств кандидатов и вынуждена, не рассуждая, поднимать руки за тех, кого отобрали «наверху», а на собраниях крупных партийных или общественных организаций при тайном голосовании и нескольких кандидатурах, предоставив тем же организациям, и только им, право отзыва. Это ограничило бы возможности давления штатного аппарата на несогласных, возможности избавления от них.

Знаю, многие считают ленинское предложение, о котором идет речь, архаичным или утопичным, иронизируя над возможностями «кухарок» и «кухаркиных детей» управлять государством и самими собой. Нелишне напомнить поэтому, что Ленин считал подобный предрассудок нелепым, диким, гнусным и мерзким. В том, что это предрассудок, убеждает и личный опыт. Работая в середине 70-х годов в одной из ШРМ Омска, я знал немало парней, по уровню политической культуры стоявших выше иных студентов-старшекурсников исторического факультета педагогического института (не в обиду последним будь это сказано).

Что действительно необходимо, так это изменить принцип отбора политиков из народа. Конечно, демагогу-бездельнику среди них не место, но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: не всегда передовик производства — это лучший общественный деятель. Последнему необходимы умение выйти за рамки профессиональных интересов, политическая культура, гражданское мужество, определенные организаторские и ораторские навыки. Уверен: таких талантов, как и всяких других, в народе вполне достанет, если искать именно их, а не тех, кто «единодушно голосует и громко хлопает».

Считаю необходимым вынести, хотя бы спустя 65 лет, эту принципиальную ленинскую идею на обсуждение партийной конференции. Другого столь же прямого и надежного пути к тому, чтобы покончить с отчуждением народа от власти, у нас нет.

ОДНА, МНОГО ИЛИ НИ ОДНОЙ

Интервью корреспонденту газеты «Молодой сибиряк» В. Добрынину

Опубликовано: Молодой сибиряк.— 1990.— 24 марта. С. 5.

О. С. В застойные времена, когда совершенно серьезно считалось, что однопартийная система — это наше великое завоевание, мне очень нравился такой анекдот. «Вопрос: каково кардинальное средство от всех видов буржуазной заразы? Ответ: одна партия и один партнер». Теперь у нас возникла другая крайность. Говорят, что многопартийность — прививка от фашизма. Увы, в условиях кризиса прививкой от фашизма она быть не может, хотя в условиях нормально действующего высокоразвитого общества это эффективный политический механизм.

Корр. Последняя фраза дает возможность предположить ваше позитивное отношение к многопартийности.

О. С. Я оговариваю право трудящихся создавать политические организации, в

том числе и партии. Демократической ориентации.

Корр. Только демократической?

О. С. Да. Если обращаться к политологии, то известны, по крайней мере, три концепции о связи количества партий и политического режима в стране.

Во-первых, до недавнего времени у нас единственно приемлемой считалась теория однопартийной демократии. Ее активно пропагандировал аппарат, но я не стал бы все сводить только к этому. С ней были солидарны и некоторые зарубежные социологи. Например, Стивен Коэн допускал возможность однопартийной демократии при условии демократии внутри партии и контроля партии над обществом. Совсем недавно по французскому телевидению выступил бывший советский диссидент философ Александр Зиновьев, который доказывал, что нормальная многопартийность возможна только при капитализме, а в СССР она превратится в соперничество мафий. Но, как бы к этому не относиться теперь, многопартийность — лишь вопрос времени, и причем ближайшего.

Вторая концепция — концепция многопартийной демократии. Как известно, именно так обстоит дело в большинстве развитых стран, и довольно успешно эта система там работает.

Ну и наконец, существует еще и концепция беспартийной демократии. К ней склоняются анархо-синдикалисты (у нас и за рубежом), а также многие так называемые альтернативные движения (только за рубежом) типа «зеленых» и все прочие, которые мы относим к массовым демократическим.

Корр. И как же рассуждают сторонники беспартийной демократии? Не думаю, что у нас это освещено широко.

О. С. Они говорят о том, что если существуют политические партии, будь то одна или несколько, то интересы граждан подменяются собственно партийными интересами. Стивен Коэн, например, утверждает, что задача американских партий — загнать избирателей к урнам. По мысли сторонников беспартийной демократии, в этом случае прямое представительство народа нарушается. Политическая борьба приобретает самодовлеющий характер, партия ставит себе целью прийти к власти, расставить везде своих людей на выгодные должности и т. п. Тут, кстати, мнение анархо-синдикалистов довольно близко подходит к мнению традиционного марксизма, относящемуся, правда, лишь к капиталистическому обществу.

Корр. Олег Николаевич, а разве не может быть такого, что, если партия стремится получить власть и везде расставить своих людей, пусть и в собственных интересах, это будет удовлетворять, в конце концов, и интересы народа? Пусть не всего, пусть той части, которая поддерживает эту партию. И если другая часть народа видит, что эта партия ей невыгодна, то на выборах ее «прокатывают», выдвигая соперничающую. И так далее.

О. С. Я ведь не сказал, что согласен с мнением сторонников беспартийной демократии. Я просто добросовестно излагаю их точку зрения. В вашем возражении есть доля правды. Однако, если обратиться к данным социологических исследований на Западе, стандартный ответ там такой: я не люблю партий, партии преследуют только свои цели, занимаясь политической борьбой. Повторюсь, что «зеленые» стараются организовать не по принципу партий, а по принципу движений, считая, что в этих условиях возможностей для проявления личности

больше. Я, кстати, не исключаю, что в отдаленном будущем именно эта концепция окажется правильной. Ее сторонники убеждены в том, что если трудовые коллективы и территории будут напрямую делегировать в органы власти своих представителей, то последние будут лучше выражать интересы людей, нежели традиционные политические партии. Но для нас это, очевидно, в данный момент неприемлемо. Мы должны пройти этап политического плюрализма. Если беспартийная демократия окажется перспективной теорией, то, думаю, Запад к ней придет быстрее, чем мы.

Корр. Ну да, они ведь уже испробовали многопартийную систему.

О. С. И осознали не только ее плюсы, но и минусы. Для наших республик многопартийность — это уже не будущее, а реальность. Кстати, тот же самый Коэн еще летом говорил, что в Союзе практически многопартийная ситуация при однопартийной системе.

Корр. Это очень точно подмечено.

О. С. Да. Я бы еще добавил, что и система не совсем однопартийная. Тут я солидарен с Джорджем Оруэллом, с его идеей о том, что фактически существуют две партии: внешняя и внутренняя. Считается обычно, что у нас партия подменила Советскую власть. Это не совсем так. Советскую власть подменила не партия. Советскую власть подменили партийные органы. Власть фактически принадлежит не партии, а группе людей, которые не только не избраны народом, но фактически никем не избраны. Власть я имею в виду местную, потому что наверху существует двоевластие или, как некоторые шутят, двоебезвластие. С одной стороны, это Политбюро ЦК, а с другой стороны, это съезд народных депутатов и Верховный Совет.

Корр. Совершенно понятно, что если мы хотим нормального прогресса, то нужно быстрее передавать власть Советам.

О. С. Согласен. И в этой связи, думаю, надо коснуться президентских проблем.

Еще когда МДГ выступала за президентство, я был его противником. На это есть целая серия аргументов, один из них такой: мы предлагали «Вся власть Советам», а теперь отдадим ее Президенту, т. е. изымем у Советов часть власти. Кроме того, мне очень понравилось возражение депутата А. Денисова: «Это на Западе всякого рода сдержки работают против президентской власти, предотвращают превращение ее в диктатуру...» Я, конечно, не думаю, что Горбачев может стать диктатором. Характер не тот и имидж не тот.

Корр. Ну, имидж можно и поменять, а характер у него не такой уж и мягкий.

О. С. Повторяю, что я не думаю, что Горбачев может стать диктатором, — он заложник своей репутации в обществе. Но, думаю, что место для диктатора может быть создано. И даже если Президента выберут на многопартийной основе, альтернативно, всенародно и т. д., все равно это не исключается. (Интервью состоялось 12 марта 1990 г. — **В. Д.**) Главное другое. Действительно другие традиции. Продолжу прерванный пересказ цитаты того же Денисова: ни Сухареву, ни Смоленцеву (Генеральный прокурор СССР и Председатель Верховного Суда СССР) даже в кошмарном сне не приснится, чтобы они привлекли к импичменту нашего Президента. Я был и остаюсь сторонником парламентской формы правления, при которой высшее должностное лицо — это премьер, ответственный перед высшим органом власти. Я хорошо понимаю, что идею президентской власти

первоначально выдвигали во имя демократии. Но ведь политологам известно, что президентская республика менее демократична, чем парламентская, зато более стабильна. У нас не хватает и того, и другого. В России вообще обычно недостаток свободы заменяли избытком воли. Но надо определиться, чего все-таки мы хотим. Я согласен с теми, кто считает, что можно добавить временно функций нынешнему Председателю Верховного Совета, если их не достаёт для достижения стабильности. Ну а президентская власть... Появись сейчас сильный человек в условиях хаоса, он может быть выбран. В конце концов, я думаю, что после войны Сталина выбрали бы всеобщим голосованием.

Возвратимся к основной проблеме. Во-первых, многопартийность — это уже свершившийся факт на уровне республик. Во-вторых, на уровне страны она будет, думаю, делом ближайшего будущего. И здесь есть два интересных вопроса. Первый — откуда она придет. Одни считают, что придет она извне компартии, и спорят только о количестве зачатков партий — от двадцати до пятидесяти. Другие считают, что многопартийность явится результатом раскола самой КПСС, в частности, профессор Б. Курашвили предполагает возможность раскола на три партии, различающиеся среди прочего по отношению к демократии и частной собственности. Традиционная коммунистическая, лидером которой он пророчит Лигачева. От этого предзнаменования хочется поежиться и произнести: избави нас Бог от таких коммунистов, а с антикоммунистами мы уж как-нибудь справимся! Второй вариант: партия демократического социализма, т. е. партия, стоящая на демократической платформе, но с ограниченным вариантом частной собственности. Могу сказать, что если такой раскол произойдет, то сюда, очевидно, попаду и я. Третий вариант — социал-демократический — с широким допущением или даже неограниченной частной собственностью.

Корр. Это Гавриил Попов, Юрий Афанасьев...

О. С. Афанасьев — точно. А вот Попов — надо подумать. Возможно. Моя позиция здесь — при третьем варианте: мы получим не современный цивилизованный, а ранний капитализм.

Хочу сказать, что я как коммунист полагаю: сознательно линии на раскол вряд ли надо придерживаться. Мне кажется, демократическое крыло партии должно бороться не за раскол, а за завоевание преобладающих позиций. При прямых альтернативных выборах на съезд это возможно. Если захотят консерваторы отколоться — это их проблемы. Торможение демократических процессов партии нужно рассматривать как политическое самоубийство.

Корр. Итак, многопартийность — факт уже свершившийся. Чего от нее нам ждать?

О. С. Вопрос ваш скорее всего надо рассматривать так: как использовать ее в интересах общества, а не в качестве фактора разрушительного? А такая возможность существует. Многопартийность, скажем прямо, в условиях кризиса, как, впрочем, и рынок в условиях кризиса — это социально-политические технологии повышенного риска.

Корр. Что вы имеете в виду?

О. С. История показывает, что многопартийность в условиях кризиса не гарантирует, во-первых, от законного захвата власти правыми радикалами, партией фашистского типа. Яркий пример — Германия, где Гитлера привели к власти

экономический кризис 1929—1933 гг., очень высокая социальная напряженность плюс ущемленное национальное чувство немцев.

Во-вторых, наш собственный опыт семнадцатого года, как и опыт Чили (я не провожу аналогии), убеждает: в условиях многопартийности мы не гарантированы от возможностей военного либо какого-нибудь другого политического переворота.

Кстати говоря, Имре Пошгаи, социалист крайне реформаторского направления, инициатор многопартийности в ВР, теперь с беспокойством говорит о том, что в Венгрии возникли партии, желающие установить собственную диктатуру. В Чехословакии из 22 возникших партий две — праворадикального или полуфашистского толка. В ГДР недавно Республиканскую партию Народная партия запретила по той же причине. Короче говоря, опыт есть везде. Не застрахованы от этого и мы, и надо подумать о том, как ослабить возможные негативные проявления этой системы.

Можно воспользоваться венгерским опытом, хотя он тоже не идеален. Они регистрировали партии при двух условиях: во-первых, исключение насилия как метода деятельности, во-вторых, если программа партии не направлена на ликвидацию других партий.

К сожалению, наша ситуация, советская, в последнее время напоминает все больше семнадцатый год. Растет не просто политическое размежевание, но поляризация сил. Кстати, ситуация по национально-территориальному округу у нас, по-моему, весьма красноречиво характеризовала это мое мнение: с одной стороны — Сергей Анатольевич Носовец, с другой — Владимир Николаевич Образцов. Такая вот ситуация: все более или менее средние кандидаты или группы оказались «вымытыми» на первом этапе.

О. С. Очень может быть, кстати сказать. Почему я в платформу и включил вопрос о политических партиях демократической ориентации. Держать, не давать создавать политические партии невозможно. Мы провозгласим, в конце концов, приоритет общечеловеческих интересов, правовое государство. И действовать прежними методами, «тащить и не пущать», невозможно. Но, повторяю, надо избавиться от иллюзий. Множество партий и экстремизм политический — это явление, характерное для всех стран, идущих от авторитарного, или, как модно сейчас говорить, тоталитарного режима, к режимам демократическим. Со временем, очевидно, партии объединятся в более или менее заметные блоки, но пока будет такая вот колоссальная неразбериха.

Миновать этот этап мы не можем. Очевидно, вопрос должен стоять только, как снизить возможные негативные последствия этого. И еще в заключение. В наше время рост радикальных настроений того и другого свойства, по-видимому, оправдан. Но в теперешних условиях режим более или менее демократический, или хотя бы просвещенный авторитаризм, как некоторые называют нынешнее правление, возможен, как мне кажется, только при центристском или левоцентристском преобладании. Думаю, что радикалы в ту или другую сторону больше склонны к диктатуре. Наблюдая за разными политическими направлениями, все больше прихожу к выводу, что насчет либерального режима в России будет туго. Очень часто звучат призывы искать врагов, ловить оборотней, предложения чуть ли не брать анализы на принадлежность к демократическому

направлению и так далее.

Ситуация, повторяю, во многом напоминает семнадцатый год, когда каждый претендовал на монополию обладать истиной и не очень хотел слушать других. А нам действительно нужен широкий блок демократических сил. В том числе и демократически ориентированных партий.

* * *

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что в конце 80-х гг. автор этой книги выступал как сторонник концепции регулируемой демократии, за что в свое время получил немалое количество упреков в печати, причем как слева, так и справа. Прошедшее десятилетие, однако, показало, что при всех своих недостатках регулируемая демократия для России конца 80-х гг. представляла собой меньшее из возможных зол. Как уже не раз бывало в истории, попытка ввести в России «демократию без берегов» закончилась установлением режима «авторитарной демократии» или «мнимого конституционализма» (по терминологии М. Вебера и других представителей немецкой политической философии). Разница заключается лишь в том, что «регулирующую» функцию в новой России выполняют уже не партийный аппарат, как было в советский период, и не представительные органы власти и общественного самоуправления, как предлагал автор, но суперпрезидентская власть и представители полукриминального капитала, возглавляемого «олигархами». Маховик истории сделал поворот на 180 градусов, сломав попутно скелет еще недавно могущественной сверхдержавы, а заодно — надежды целого поколения на политическую свободу и достойную жизнь.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

**МАНИПУЛИРОВАНИЕ НАРОДОМ ПОСРЕДСТВОМ
САМОГО НАРОДА:
ПЛЕБИСЦИТАРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ
КАК ГЛАВНЫЙ МЕХАНИЗМ
ЭСКАЛАЦИИ АВТОРИТАРИЗМА**

ВЫБОР *

Опубликовано с сокращениями: Омская правда.— 1991.— 13 марта. С. 1 ((под названием «Сложный выбор»).

В последние недели точкой кипения политических страстей в нашей стране стал намеченный на 17 марта первый в истории референдум по вопросу о судьбе Советского Союза. Российский Парламент добавил к этому вопросу еще один. Как специалист по политическим наукам хочу представить читателям основные аргументы сторонников и противников референдума с тем, чтобы выбор можно было сделать более осознанно и квалифицированно. Итак, вспомним школьные уроки математики и порассуждаем «от противного», т. е. от противоположного, проанализируем основные возражения против референдума.

Возражение первое, наиболее серьезное: референдум проводится недостаточно квалифицированно или недостаточно честно по отношению к собственному народу. С этим возражением приходится согласиться, и вот почему.

Во-первых, референдум лучше было проводить раньше, не дожидаясь углубления кризиса, и не на территории всего Союза, а лишь в тех республиках, которые поставили вопрос об отделении от него. Это позволило бы сберечь немало миллионов на нужды малоимущих, которых у нас, увы, слишком много.

Во-вторых, оставляет желать много лучшего формулировка вопроса, предложенная Верховным Советом СССР: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» Очевидно, эта формулировка содержит, как минимум, три вопроса сразу:

а) о Союзе как федерации (именно это слово является здесь ключевым, а не названия субъектов федерации — республики или государства — как многие думают);

б) о равноправии всех граждан Союза;

в) о его названии (Союз Советских Социалистических Республик).

Трудно сказать, где здесь кончается непонимание «законов жанра» (на референдум должны выноситься вопросы, сформулированные просто, ясно и не допускающие двусмысленного толкования) и начинается недоверие к собственному народу. Безусловно, три различных вопроса в один «складывать» не следовало. Это лишь породило обоснованную критику и подозрения в тайных намерениях. Верховный Совет Союза, безусловно, поступил бы правильно, если бы

разделил этот вопрос на три. Как, скажем, голосовать при такой формулировке сторонникам Союза, но не социалистам? А таких сейчас немало. Боюсь, эта склонность руководства не слишком доверять своим гражданам может выйти боком не только ему (руководству), но и стране: процент голосующих за Союз скорее всего будет ниже, чем мог бы при более квалифицированных формулировках.

Правда, некоторым утешением лидерам Союза может послужить то, что так поступают не они одни. Например, во время недавно проведенного опроса населению Литвы предлагалось определить, хочет ли оно, чтобы эта республика была независимым демократическим государством? Как видим, и здесь то же самое. Кто будет голосовать против демократического режима? Да и термин «независимое государство» употребляется в Литве уже несколько лет, хотя до недавнего времени обычно прибавляли: «в составе Союза».

А вот какую телеграмму я как российский депутат недавно получил из Москвы: «Группа народных депутатов предлагает внести на референдум РСФСР 17 марта 1991 года следующие два вопроса:

1. Должна ли РСФСР сама определять объем полномочий, передаваемых Союзу, и всенародно избирать своего Президента?

2. Одобряете ли Вы политику Правительства СССР, Верховного Совета СССР и Президента СССР?»

Как видим, и здесь первая формулировка содержит два вопроса, причем они соединены еще более искусственно, нежели формулировки Верховного Совета СССР, второй же вопрос вообще включает в себя три разных позиции. Это все равно как, если бы больного спросили: «Хотите ли Вы, чтоб Вам удалили воспаленный аппендикс, но заодно отрезали бы и часть здорового кишечника?»

Да, и центру, и республикам, и правым, и левым, и тем, кто называет себя демократами, и тем, кто не называет надо учиться честности в политике, учиться уважать свой народ. Кстати, исправить формулировку Союзного референдума мог бы Верховный Совет России, как это было сделано в Казахстане. Однако политика, как и жизнь, есть искусство возможного, и выбирать нам придется из того, что предлагают. А поэтому продолжим анализ.

Возражение второе, агитационное: референдум задуман руководством КПСС как средство сохранения и укрепления ее монополии на власть. Кто против такой монополии, должен голосовать против Союза. Выдвигающие этот аргумент нередко достигают цели. Ни для кого не секрет, что престиж компартии резко упал, а недовольство ею столь же резко выросло, и нет лучшего средства дискредитировать референдум, чем свести его содержание к межпартийной борьбе. Однако при мало-мальски объективном подходе это возражение не выдерживает никакой критики.

Во-первых, по этому вопросу, как и по большинству других, в компартии нет единства. Сейчас в ней представлены 4—5 различных направлений слева — направо, разными являются и позиции компартий различных союзных республик.

Во-вторых, в СССР и России существует немало политических партий и течений не коммунистической и не социалистической ориентации, выступающих за Союз. К их числу принадлежит, например, мусульманское, и не только мусульманское, духовенство, Христианско-демократический Союз России, весь

центристский блок, включая Либерально-демократическую партию Советского Союза, Российский народный фронт. Странниками Союза являются Демократическая партия Советского Союза, Конституционно-демократическая партия — Партия народной свободы и целый ряд других. У всех этих политических течений соединение вопросов о сохранении Союза и о том, называть ли его социалистическим, конечно, восторга не вызывает. Однако они считают, и, думаю, справедливо, что интересы выживания страны не сопоставимы с партийными амбициями. Парадоксально, но факт. Моя личная точка зрения в этом вопросе куда ближе к кадетской, нежели к точке зрения коммунистов Грузии.

Повторю еще раз: ставить вопрос о судьбе страны на карту в межпартийной карточной игре, где к тому же игроки не соблюдают правил и склонны к мошенничеству, значит рисковать благосостоянием, а может быть, и жизнью многих тысяч своих граждан.

Возражение третье, голодно-иллюзорное: на референдуме надо голосовать против, чтобы Россия вышла из Союза, после чего все мы будем жить, говоря словами Михаила Жванецкого, «долго и счастливо». Основанием для такой позиции является тот действительный факт, что Россия остается одним из «кормильцев» Союза: по различным данным, Россия в 1990 г. отдавала Союзу на 20—70 млрд. рублей больше (в пересчете на мировые цены), чем от Союза получала. В 1991 г. это «донорство» сократилось, но не прекратилось. Когда российское руководство и Парламент требуют дальнейшего сокращения этого «донорства», я, безусловно, поддерживаю такую позицию, хотя и не понимаю, почему при этом Россия заключает соглашения с прибалтийскими государствами, продолжая поставлять им сырье по ценам намного ниже мировых и покупать продукцию по завышенным ценам. Думаю, прекращать «кормление» надо именно с тех, кто собирается от Союза отделяться.

Да, пока Россия принадлежит к числу тех, кто «везет» на себе Союз. Однако мысль о том, что, выйдя из Союза и тем самым развалив его, республика начнет процветать,— это заблуждение кризисного, «голодного» сознания. Давайте «просчитаем» хотя бы самые элементарные очевидные последствия.

Во-первых, несомненно будут продолжать рваться налаженные экономические связи, а это в условиях монополистической экономики больно ударит по карману. На каких предприятиях Омска я бы ни выступал, повсюду приходилось слышать одно и то же: недопоставка комплектующих из Грузии, Армении, Прибалтики вызывает перебои в работе, падение заработной платы, отток людей и все прочие прелести экономической лихорадки. Мне не приходилось видеть расчетов, во сколько миллиардов обойдется разрушение экономических связей при развале Союза, но совершенно очевидно, что счет пойдет на десятки. Надежда же на то, что при политическом распаде страны возможно будет сохранить экономические отношения, это чистая маниловщина — нигде и никому это не удавалось. На чем, кроме нашей неизбывной веры в чудеса, основаны подобные прожекты, сказать не берусь.

Во-вторых, выход России из Союза и его распад резко обострит проблему беженцев на территории нашей республики. Так было везде и всегда: французы бежали на родину из Алжира, португальцы — из Анголы, русские — из Польши и Финляндии. То, что все эти государства получили право на самоопределение,—

факт, безусловно, положительный, но не для тех, кто бежал и не для тех, к кому бежали. Ясно, что обустройство каждого беженца на новом месте — это несколько десятков тысяч рублей. Помножим их на несколько миллионов и получим, что только на этом республика проиграет все, что могла бы выиграть от прекращения «донорства». Лидер Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин выразил готовность принимать беженцев на территории России, и это конечно благородно, однако непонятно, за счет каких средств, ведь российский бюджет и так сведен с большим дефицитом. Чуть более года назад Г. Х. Попов настаивал на том, чтобы расходы на обустройство беженцев несла та республика, откуда они вынуждены уезжать. Теперь, выдвинув план «дефедерализации», он от этого отказался, как, впрочем, и от многого другого. А жаль. Идея не потеряла своей актуальности.

В-третьих, надо реально себе представлять, что распад Союза — это и распад самой России. Здесь я позволю себе несколько отступить от логики изложения, поскольку считаю необходимым открыть глаза читателям на одно печальное обстоятельство, а именно: с демократами в национальном вопросе дела в стране обстоят гораздо хуже, чем многим кажется. Принято считать, что недемократический, великодержавный курс проводит только центр, военно-промышленный комплекс и т. п. На самом деле на уровне республик великодержавности ничуть не меньше, но только это своеобразный «великодержавный сепаратизм». Суть его проста. Молодая республиканская бюрократия хочет как можно быстрее избавиться от Союза, стать полновластным хозяином на своей территории, но при этом по отношению к национальным меньшинствам ведет себя ничуть не лучше, а порой и хуже, чем центр по отношению к союзным республикам. Так, демократически избранный грузинский Парламент единогласно (!) проголосовал за ликвидацию Юго-Осетинской автономии. Там не нашлось ни одного настоящего демократа ни среди коммунистов, ни среди новых движений, называющих себя демократами. Скажу прямо, есть подобные настроения и в российском Парламенте. На заседаниях комитетов, не говоря уже о кулуарах, не раз приходилось слышать, что вот отцы — основатели Соединенных Штатов были мудры, и поэтому организовали государство по территориальному, а не национальному признаку, а большевики, допустив создание национальных республик, навредили стране. За этим следуют обычно призывы вернуться к формам организации, характерным для Российской империи.

Хотя это чаще всего приходится слышать от людей, причисляющих себя к демократам, к демократии это, конечно, не имеет никакого отношения, не говоря уже о том, что такая программа абсолютно утопична. Люди, желающие избавиться от Союза, но «закрутить гайки» в собственной республике, не могут или не хотят понять простой вещи: Россия — это уменьшенный Союз. И как она ведет себя по отношению к Союзу, так и республики, входящие в Российскую Федерацию, ведут себя по отношению к ней. Стоило российскому Парламенту принять решение о том, что наши законы будут безоговорочно выше союзных, как целый ряд бывших автономных республик объявил свои законы выше не только союзных, но и российских. Дальше этот процесс перекинулся на отдельные области и даже районы.

Я не принадлежу к поклонникам внутривнутриполитических талантов советского Президента. Но готов повторить еще раз: если российское руководство, вступив в

блок с сепаратистами (т. е. сторонниками отделения республик) сможет превратить его в «Президента «Садового кольца», то будущий Президент России (а, к сожалению, он, видимо, будет: тоска по «хозяину» слишком велика), сам окажется главой некоего лоскутного государства. Скорее всего, не только для Союза, но и для России будут потеряны нефть Татарстана, золото и алмазы Якутии и т. п.

«Великодержавные сепаратисты» во всех республиках справедливо осуждают центр за попытки применения насилия в национальном вопросе, однако сами они склонны действовать теми же методами, когда дело касается сохранения целостности республики: вспомним ту же Грузию или Молдову. Чтобы избежать подобных методов, у России есть только один путь: не подавать дурных примеров, решать споры с центром цивилизованными методами.

В-четвертых, если удержать Союз в прежнем виде невозможно без насилия, то и развал его обернется не меньшей, а может быть, еще большей кровью. Как бы ни относиться к нашим «отцам-основателям», а рассчитывали они на «Союз нерушимый» и границы проводили соответствующим образом. Так, русские, безусловно, преобладают в Северном Казахстане, в Крыму и так называемой Новороссии (Донбасс, Одесская область и др.). Если Союз сохранится в новой форме, границы республик принципиального значения не имеют, если же он будет разваливаться, из-за них неминуемо возникнут конфликты. Как быть, в частности, если Грузия требует отделения, а Южная Осетия хочет воссоединиться с Северной и остаться в Союзе? Как быть, если отделения потребует Украина? Конфликтовать с ближайшим по языку и культуре народом или смириться с тем, что несколько миллионов русских окажутся иностранцами на чужой территории? Нормального выхода здесь нет, а, как когда-то пел Высоцкий, «есть только вход, и то не тот». Не случайно, когда российский Парламент принял Закон, угрожающий целостности Союза, в здании Верховного Совета на Краснопресненской набережной появились представители американского посольства. Они уговаривали депутатов подумать о последствиях: ведь если начнется борьба республик за обладание стратегическим оружием, не поздоровится уже не только Союзу, но и его соседям, а возможно, и всему миру. «Подумайте о Соединенных Штатах, не разваливайте Союз», — так, несколько утрируя, можно выразить точку зрения американских партнеров. Перефразируя поэтов, можно сказать: «Не дай нам Бог сойти с ума!»

Соображение четвертое — «как бы чего не вышло»: союзное руководство может попытаться использовать результаты референдума для укрепления своих позиций и, в частности, для того, чтобы насильственно удерживать республики, стремящиеся к отделению. Соображение это не лишено оснований, хотя бы в том смысле, что сослаться может сам черт на доводы Священного писания. Однако если учесть, что результаты референдума будут подсчитываться по республикам, и при этом следовать элементарной логике, то выводы должны быть, скорее, обратные. Скажем, если население Грузии высказывается против ее вхождения в Союз, у руководства в Москве остается единственный выход: садиться за стол переговоров и обсуждать условия отделения этой республики. Так что и здесь, по идее, референдум должен послужить демократии. Я не говорю уже о том, что доверие или недоверие к какому-либо политическому лидеру или группе не может идти ни в какое сравнение с интересами выживания страны. Кстати, распространенное мнение о том, что российское руководство выступает против

референдума, было несколько раз опровергнуто заместителем Б. Н. Ельцина Р. И. Хасбулатовым на заседаниях Верховного Совета РСФСР.

Подведем итоги. Неквалифицированно выполненная или намеренно запутанная формулировка вопроса, который вынесен на союзный референдум, заставила немало честных и демократически настроенных людей заколебаться в выборе. Очевидно, выбирать теперь предстоит по принципу «меньшего зла». Ответить «да» — значит, во-первых, дать некоторые, хотя и не слишком большие, козыри в руки Президента; во-вторых, сохранить названия «советский» и «социалистический» за союзом республик, многие из которых склоняются, скорее, на капиталистический путь. Ответить «нет» — значит потребовать выхода Российской Федерации из Союза, то есть его разрушения. Это равнозначно, как уже говорилось, катастрофе для нашей страны, а возможно, и для других народов. В таких условиях я свой выбор сделал: буду голосовать «за». Желаю не ошибиться и вам, уважаемые читатели.

ДВУХ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИЯ НЕ ВЫДЕРЖИТ *

Частично опубликовано: Омский вестник.— 1991.— № 7.

В последнее время ситуация в пока еще Советском Союзе все чаще вызывает в памяти гегелевский афоризм: история повторяется. Только у других народов сначала в виде трагедии, затем — в виде фарса. А мы, похоже, как всегда идем другим путем: от фарса к трагедии...

В самом деле, кажется, совсем недавно отгремели политические баталии по поводу введения поста Президента в СССР. Как и следовало ожидать, пример оказался заразителен: ему последовал целый ряд республик, а ныне очередь дошла и до Российской Федерации. Вопрос о введении в ней президентского поста вынесен на референдум 17 марта. Обратимся к аргументам сторонников превращения России в президентскую республику.

Аргумент первый: нужен «хозяин». В республике анархия, разрываются экономические связи, распадаются структуры власти, под угрозу поставлены жизнь и имущество граждан и т. п. В таких условиях необходима сильная исполнительная власть, лучше всего — президентская.

Этот аргумент представляется наиболее и, пожалуй, единственно серьезным, однако отнюдь не бесспорным. Годичный опыт союзного президентства — лучшее доказательство тому, что само по себе оно ничего не дает. Власти у политического лидера Союза становится все больше, а порядка и стабильности в стране — все меньше. Когда же Президент страны пытается употребить эту власть сплошь и рядом не ко времени и не к месту, его усилия оказываются либо тщетными (Указ о сдаче оружия), либо лишь провоцируют и без того высокую социальную напряженность (поддержка приказов министров обороны и внутренних дел о совместном патрулировании городов). На каком основании, кроме нашей неизбежной веры в чудеса, народ пытаются убедить, что в России будет иначе?

Аргумент второй: будем «как все». Суть его проста: в других республиках введены президентские системы, а чем хуже Россия?

И действительно, Президенты уже избраны в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Туркмении и некоторых других республиках преимущественно с мусульманскими культурными традициями. Нет Президентов в Армении, Грузии, на Украине, в Белоруссии, в республиках Прибалтики. Вводить или не вводить президентскую систему — дело каждого народа. Однако непонятно, почему Россию хотят сориентировать на Восток, а не на Запад?

Когда вводили союзное президентство, его противники, в том числе и я, предупреждали, что то же самое сделают союзные республики и тем самым процесс разрушения страны не ослабнет, а усилится. Но Россия — это уменьшенный Союз. И уже сейчас бывшие автономии видят в российском президентстве такую же угрозу своей самостоятельности, как союзные республики — в президентстве союзном. Многие из республик, входящих в РСФСР, заявили о намерении ответить на избрание российского Президента введением таких же постов у себя. Все это не укрепит, а ослабит единство России. Излишне говорить о том, что страна с несколькими десятками Президентов, над которыми возвышается еще один «генеральный Президент», достойна лишь смеха сквозь слезы.

Аргумент третий: Президент — залог суверенитета. Будет Президент — будет и суверенная Россия, и наоборот.

Для агитации не слишком образованных людей такая позиция, безусловно, годится, однако не более того. Попробуем отрешиться от очередных иллюзий и еще раз обратиться к реальности. Сравним положение двух республик: Туркмении, где Президент избран всеобщим голосованием и, кажется, 98% пришедших на избирательные участки, и Латвии, где Президента нет вовсе. Кто возьмется доказать, что Туркмения более суверенна? Суверенитет республики определяется не тем, как называется должность ее лидера, а тем, какую реальную политику проводят высшие органы республиканской власти. Кстати, идею суверенитета, как любую другую идею, легче всего дискредитировать, если во имя защиты довести ее до абсурда.

Четвертый аргумент окрашен в демократические цвета: союзного Президента выбирал съезд, а российский будет избран народом. Первое — плохо, поскольку недемократично; второе — демократично, и поэтому хорошо.

Этот аргумент не хуже предыдущего действует на массовое сознание, однако для специалиста и он неубедителен. Дело в том, что здесь смешаны два вопроса: 1) о демократизме процедуры; 2) о демократизме установленного на основе этой процедуры политического режима.

С процедурной точки зрения всенародные выборы Президента, нет слов, выглядят куда как предпочтительнее. Однако избранный таким образом глава государства становится практически независимым от Парламента, оказывается, по существу, вне всякого контроля. Небезынтересно, что введение поста Президента предусмотрено обоими наиболее известными проектами Конституции России. Один из них, внесенный инициативной группой коммунистов, предусматривает менее демократическую процедуру (выборы на съезде), но меньший объем президентских полномочий. Второй же — официальный — демократическую процедуру (всенародные выборы), но зато более авторитарную и практически бесконтрольную президентскую власть. По проекту Конституции Российской

Федерации смещение Президента возможно лишь при наличии 2/3 голосов «за» в каждой палате Верховного Совета и 2/3 — в Конституционном суде, да и то лишь в случае, если будет признано, что Президент совершил преступление. В наших условиях чего-либо подобного представить себе просто не могу. Вспоминается блестящая реплика депутата А. Денисова при выборах Президента Союза: ни Генеральному прокурору СССР, ни Председателю Верховного Суда даже в кошмарном сне не может привидеться, чтобы они привлекли к ответственности руководителя страны. То же самое можно сказать и о России. Поэтому не лишено смысла замечание знакомого политолога, заметившего, что первый вопрос референдума (о сохранении Союза) вызывает у него стыд, второй же (о президентстве) — ужас. Если Конституция вознесет президентское кресло высоко над депутатами, если мы всенародно посадим на этот «трон» неподходящую фигуру, то исправить ошибки и злоупотребления нового лидера будет невозможно и некому.

Об одном заблуждении надо сказать особо. Наше общественное сознание склонно ориентироваться не столько на политические позиции, сколько на людей. Вера в доброго «барина»: Генсека, Президента и т. п., — в нас неиссякаема. Поэтому очень часто рассуждают так: сторонники Ельцина должны выступать за президентскую власть в России, сторонники Горбачева — против. Такая позиция неверна по сути, не говоря уже о том, что есть немало людей, для которых оба эти лидера представляются, парламентски выражаясь, далекими от политического идеала. На самом деле мы не знаем, кто станет Президентом Российской Федерации. Знаем только, что в условиях кризиса общественное сознание резко поляризуется, а это создает опасность победы радикала либо с той, либо с другой стороны. Ходячая фраза о том, что народ не ошибается, — иллюзия: ошибается, да еще как, особенно в критических ситуациях. Классический пример — избрание высококультурными, добропорядочными и уравновешенными немцами партии Гитлера в период «Великой депрессии». Но и в СССР уже есть примеры, когда под лозунгами демократии к власти приходят антидемократические национал-радикальные режимы.

Итак, соображения в пользу президентской власти, по крайней мере, сомнительны, а риск очень велик. Усилить исполнительную власть действительно нужно, но лучше это сделать, расширив полномочия премьера и не выводя его из-под депутатского контроля. Почему же, несмотря на очевидную ясность вопроса, идея президентства витает в воздухе? И кто ее поддерживает?

На уровне психологии — естественная жажда стабильности и порядка. Люди устали не только от очередей и «бескормицы», но и от постоянного социального и психологического напряжения. Не случайна популярность следующего анекдота. «Покажите нам еще раз по телевизору похороны Брежнева», — обращаются граждане на телестанцию. И в ответ на удивление руководства поясняют: «Первый раз мы смеялись, теперь мы будем плакать».

В политическом плане идею сильного Президента поддерживают радикальные течения как левого, так и правого толка и их сторонники. Одни, настроенные крайне лево, надеются, что Президентом станет второе издание товарища Сталина или, по крайней мере, Андропова, что такой Президент «закрутит гайки», наведет порядок и дисциплину, покончит с мафией, разгонит кооператоров и восстановит

социальную справедливость. Другие радикалы — правые — напротив, рассчитывают на сильную власть неопиновского образца, которая с помощью административного насилия введет рынок, разгонит колхозы и нерентабельные предприятия, внедрит насильственную приватизацию и «железной рукой» будет защищать новых собственников от недовольства сограждан. К сожалению, именно такую позицию занял в последнее время Г. Попов (См. его статьи: Огонек.— 1990.— № 50, 51; Московские новости.— 1990.— № 42). Интересно заметить, что именно в этом вопросе совершенно совпадают точки зрения В. Алксниса, который считается у нас «правым», и «левого» А. Собчака. Они по-разному смотрят на национальный вопрос, на проблемы армии, но оба требуют введения рынка под защитой жесткой авторитарной власти.

Теперь эта точка зрения пропагандируется и в Омске. Вспоминаю недавнюю публичную дискуссию в общественно-политическом центре на заседании клуба избирателей с народным депутатом России (фамилии опускаю, поскольку защищаю идеи и борюсь против идей). Коллега сначала высказался в том смысле, что наша общая задача — не допустить новых репрессий в стране, не допустить, чтобы кого-нибудь снова вешали. Однако через несколько минут он выступил против меня в защиту Пиночета. Оказывается, этот генерал был не так плох, он провел в своей стране экономическую реформу и департизацию всех государственных органов. Не плохо бы и нам такого Пиночета годика на три — примерно так закончил свою мысль российский депутат.

В том же плане высказался на публичной дискуссии в педагогическом институте другой коллега — на сей раз депутат Союза, за которого я в свое время агитировал, как за демократа, и который именно в этом качестве получил поддержку избирателей. Теперь его позиция изменилась едва ли не на противоположную: «коммунистический тоталитаризм» — это тупик (с этим я абсолютно согласен), иное дело — режим пиночевского толка. Конечно, лучше бы обоиться и без него, но если уж не удастся — переживем: будет неограниченная частная собственность, экономическая свобода, а диктатура со временем отпадет.

Первый коллега «забыл», что Пиночет начинал именно с репрессий: правда, его солдаты не столько вешали, сколько стреляли и пытали. «Забыл» он и о том, что Пиночет просидел в президентском кресле не три года, а почти семнадцать. Второй коллега не упомянул, что экономическая свобода, основанная на неограниченной частной собственности, — это свобода для абсолютного меньшинства. Скажем, в одной из наиболее благополучных стран, бывшей ФРГ, хозяева собственного «дела» составляли 9%, в Англии акционеров, включая мелких, всего около 20% и т. д. Оба умолчали о том, что экономическая реформа в Чили, особенно поначалу, проводилась за счет обнищания большинства населения, да и сейчас, спустя 17 лет, более половины его находятся за чертой бедности. До «светлого будущего» чилийцам не ближе, чем нам. Судя по результатам референдума о судьбе Пиночета, большинство чилийцев абсолютно не разделяют восторгов моих коллег по поводу такой цены за экономический прогресс.

Но самое главное не в этом. Бесспорно, любая позиция имеет право на существование. Но совершенно непонятно, почему людей, поменявших первоначальные демократические ориентации на противоположные, мы продолжаем называть демократами? Не пора ли к этому определению добавить

«бывшие»? Ведь, если бы чилийцам рассказать, что есть место на земном шаре, где сторонники Пиночета считаются демократами, они наверняка решили бы, что речь идет о «Канатчиковой даче» или ином «Доме скорби».

Кто ошибется, кто угадает: «фанаты» товарища Сталина или же сеньора Пиночета? — с абсолютной точностью предсказать невозможно, одно ясно: в любом случае проигравшей окажется демократия. Ясно также, что введение президентской власти с громадными полномочиями и практически неподконтрольной депутатам является наилучшей легитимной (законной) формой установления авторитарного режима левого либо правого толка, а потому не надо повторять ошибок Союза. Если один Президент способен издать столько Указов, что граждане не успевают приходиться в себя, то двух Президентов Россия не выдержит.

СПАСЕТ ЛИ НАС ПРЕЗИДЕНТ? *

Опубликовано: Вечерний Омск.— 1991.— 7 июня.— № 111. С. 1, 3.

Несколько недель назад на одной из моих многочисленных встреч с избирателями немолодая уже дама решительно заявила: «Вот если бы у нас в России был Президент, мы, наверное, не остались бы нагишом». Выражения я смягчаю, на самом деле сказано было круче. Я пытался выяснить, на чем основана такая уверенность. Ведь не секрет, что в мире есть много богатых стран без Президентов и еще больше бедных стран с Президентами. Да и у нас в Союзе Президентов становится все больше, а одежды все меньше. Я сказал собеседнице: «Один Президент у Вас уже есть. И если, по Вашему мнению, он раздевал народ, почему Вы думаете, что другой будет непременно одевать? Может быть, напротив, он будет помогать первому?»

Возразить что-либо она не смогла, но не думаю, что мне удалось ее вполне убедить. И не удивительно: ведь чуть больше года назад, когда выбирали Президента Союза, статьи с названиями типа «Да спасет нас Президент» публиковали известные ученые и политики. Как видим, не спас. И тем не менее все тоже самое повторяется уже про будущего Президента России.

Слушая собеседницу — труженицу, достойную всяческого уважения, прожившую, как большинство людей ее поколения, тяжелую жизнь,— я думал о том, что подобные иллюзии — это ее беда, а не вина. И не только потому, что они вообще свойственны кризисным эпохам. Зимой этого года на конференции в Москве американские политологи из Йельского университета не раз говорили своим советским коллегам, что демократия при низкой политической культуре — вещь весьма опасная, что в Советском Союзе процветают демагогия и популизм, и удивлялись, почему мы против этого не боремся.

Цель этой статьи как раз и состоит в том, чтобы разъяснить интересующимся некоторые вопросы, связанные с президентской властью, и помочь сделать осознанный выбор в пользу одного из кандидатов, не агитируя ни за кого из них.

Даже при первом взгляде на современную политическую жизнь России сразу бросается в глаза, что из всех многочисленных теорий демократий, выработанных политической наукой, массовое сознание и официальная российская пропаганда как будто «замкнулись» на одной — плебисцитарной. Как известно, плебисцит

означает всенародное голосование и отличается от референдума лишь тем, что результаты его имеют консультативное значение. Согласно плебисцитарной теории демократии, разработанной известным немецким социологом Максом Вебером, демократия понимается так: народ всеобщим голосованием выбирает лидера, которому доверяет. После этого лидер говорит: «А теперь замолчите и подчиняйтесь мне». Ни народ, ни партии не вправе вмешиваться в то, что он делает. Совершенно очевидно, что речь здесь, по сути, идет не о демократическом режиме, а о жесткой авторитарной, т. е. полудиктаторской власти, имеющей вместе с тем легитимную (законную) основу.

Думаю, что те 50 с небольшим процентов граждан России, которые на референдуме голосовали за введение поста Президента, в большинстве своем не подозревали, что являются поклонниками Макса Вебера. Но политики знают, во всяком случае обязаны знать и объяснить народу возможные варианты развития событий в случае практической реализации такого рода теории в нашей стране.

Идеи плебисцитарной демократии, иначе говоря, законно оформленного, окультуренного вождизма, не случайно овладевают массами чаще всего в переломные и кризисные моменты. В такие моменты действительно нужна достаточно сильная и авторитетная исполнительная власть, а популярный лидер может стать символом единства нации. Однако эта «медаль» имеет свою обратную сторону, да не одну, а целых две.

Во-первых, плебисцитарная демократия неминуемо рождает популизм. Для того чтобы быть избранным, лидер должен понравиться всем, предлагать только популярные решения (а они отнюдь не всегда верные), приспособливаться к среднему уровню и средним вкусам, которые к тому же сплошь и рядом представляют собой стереотипы, внушенные средствами массовой информации и массовой культурой, т. е. теми, кто этими средствами обладает. В условиях кризиса к этому добавляется еще одна шикарная возможность: крой крепче тех, кто был у власти, и успех обеспечен. Мой друг, профессор истории, любит повторять: «Стоит мне сделать что-нибудь такое, чтобы вызвало неудовольствие Президента Горбачева, и избрание в народные депутаты, а может быть, и повыше, мне обеспечено». Увы, в этом слишком много правды.

Синдром популизма легко обнаружить, как минимум, у трех из шести кандидатов в Президенты России. Вспомним хотя бы, как генерал Макашов, выступая на съезде народных депутатов России, призывал всех, кто против повышения цен, написать об этом на бюллетене в день голосования, давая понять, что он в случае победы отменит павловскую реформу. А чего стоит заявление лидера либерал-демократов Владимира Жириновского о том, что в случае его избрания к Президенту России будет выстраиваться длинная очередь из лидеров других республик и государств?! Но не далеко ушло и российское руководство, предложившее объявить Днем суверенитета России — 12 июня. Оказывается, ни князь Святослав, ни Дмитрий Донской, ни Минин и Пожарский, ни Петр I, ни, наконец, победители фашистской Германии не дали суверенитета России и не смогли его отстоять. Это сделали лишь народные депутаты простым голосованием 12 июня 1990 г. При всем к ним (т. е. к нам) уважении принятие подобного постановления — верх исторической несправедливости и самонадеянности. Политический же смысл его ясен, как день: голосуйте за того, кто дал России

суверенитет.

Теперь многие интеллигенты, включая тех, кто активно внедряли идею плебисцитарной демократии в массовое сознание, удивляются: как могли депутаты допустить к президентской компании явного популиста Жириновского? Однако удивляться нечему: ответ содержится в условии задачи. У украинцев есть пословица, вольный перевод которой звучит так: видели очи, что покупали, — ешьте, хоть повылазьте! Иными словами: хотели побыстрее окончательно взять власть с помощью плебисцитарной демократии — получайте ее такой, какой она только и может быть в России, да еще в условиях кризиса. К тому же, отвечая на вопросы депутатов Демократической России, Владимир Жириновский показал способность фехтовать словами в их же собственном стиле, чем и обеспечил себе симпатии другой половины российского съезда, в большинстве не способной к такого рода словесным поединкам. Как бы то ни было, популизм в России расцвел пышным цветом, и плоды его будут для большинства совсем не такими, какие оно предвкушает.

Во-вторых, и это известно всем сколько-нибудь серьезным политологам, система власти, основанная на плебисцитарной демократии в духе Вебера, способна более или менее успешно функционировать в странах с развитыми демократическими традициями, где уважение к Закону впитано с молоком матери и где к тому же существуют сильные противовесы, мощные «защитные механизмы», ограничивающие возможность превращения всенародно избранного Президента в диктатора. Если же этих условий нет, такая возможность более чем реальна. Не случайно в зарубежной политической науке до сих пор продолжается дискуссия о том, виновен ли Макс Вебер, как один из авторов Конституции Германии, заложивший в нее идеи плебисцитарной демократии, в приходе Гитлера к власти, и если да, то в какой степени.

Теперь читатель может по достоинству оценить уровень политграмоты комментатора отечественного телевидения, на всю страну недавно удивлявшегося тому, как могло случиться, что самая демократическая процедура (всенародные выборы Президента) явно ведет к установлению нового авторитарного режима в Грузии, к своеобразному большевизму с противоположным знаком? Причем антидемократический характер режима Гамсахурдия признается подавляющим большинством зарубежных наблюдателей и специалистов независимо от политической ориентации. На самом деле удивляться, конечно, нечему: здесь не парадокс, а закономерность. В условиях всеобщего кризиса, господства авторитарно-патриархальной политической культуры и распространения радикального рационализма в Грузии ничего другого и ждать было нельзя. Удивительно здесь лишь то, что наши телекомментаторы продолжают этому удивляться.

Между Грузией и Россией есть, конечно, различия. Например, национал-радикальные настроения выражены у нас, к счастью, гораздо слабее. И все же, положив руку на сердце, надо прямо сказать: в России нет условий, обеспечивающих безопасное функционирование плебисцитарной демократии веберовского типа: демократические традиции в политической культуре выражены крайне слабо, а «защитные механизмы» либо не успели создать, либо специально урезали.

Начну с последнего условия. В нашем общественном сознании прочно утвердился ложный стереотип о том, что сами по себе всенародные выборы Президента являются гарантией соблюдения им Конституции и Законов, что демократически избранный Президент обязательно будет гарантом демократии. Между тем западные политологи прекрасно понимают, что поручать Президенту охранять Конституцию — все равно что волку — стеречь овец!

В этой связи не могу не сказать о принципиальном дефекте «Закона о Президенте РСФСР», закрепленном теперь в Конституции России. Этот Закон по существу выводит правительство из-под контроля Верховного Совета и съезда народных депутатов. Верховный Совет лишь соглашается на назначение Премьера и может потребовать отставки правительства в целом. Все остальные кадровые вопросы решают Президент и Премьер-министр. Мне приходилось уже говорить с трибуны съезда, что, случись какое-нибудь новое дело о новых миллиардах, депутаты не смогут даже отправить в отставку провинившегося министра, что Верховный Совет при такой ситуации превратится в Гайд-парк, где сражаются ораторы, а вся реальная власть достанется президентской команде. Увы, сторонники демократии на съезде оказались по этому вопросу в «подавляющем меньшинстве». И «Демократическая Россия», и «Коммунисты России» проявили завидное единодушие и дружно проголосовали за антидемократическую статью. Кстати, такое трогательное единство в последнее время наблюдается все чаще. Кажется, только социал-демократ О. Румянцев сказал в своем выступлении, что такая система представляет собой смесь французской и латиноамериканской. Я бы добавил: с явным перекосом в сторону латиноамериканской суперпрезидентской республики, т. е. режима жесткой личной власти. В итоге депутаты добровольно лишили себя, а заодно и Россию, одного из важнейших «защитных механизмов» — контроля над правительством.

Еще хуже обстоит дело с традициями политической культуры. Когда наблюдаешь многотысячные митинги, на которых восторженно и фанатически скандируются имена новых лидеров, становится не по себе: ведь все это уже было и у нас, и у других тоже. Создается впечатление, что массовое сознание жаждет не демократии, а смены хозяина. В таких условиях интеллигенция обязана объяснять народу, как опасен любой культ личности, будь то личность правого, левого или без конца меняющего позиции лидера. Вместо этого слишком многие интеллигенты формируют и распаляют культовое сознание. Овации и славословие, которые мы слышим в последнее время в адрес новых руководителей, вполне достойны «славных» застойных времен. Да и терминология почти та же, разве что «измов» не слышно.

Но главное все же в другом. В сознании радикально настроенных людей принцип: «демократия — ценность сама по себе» все больше уступает место другому принципу: «демократия — это когда наши у власти». Обратили ли вы внимание, читатель, на разительные перемены в позиции многих депутатов, причисляющих себя к демократам, после того, как они пришли к власти? Нет? Тогда позвольте напомнить.

Межрегиональная депутатская группа на союзном съезде справедливо требует вывести средства массовой информации из-под контроля номенклатуры, избирать руководителей союзных газет, радио, телевидения на съезде народных депутатов

или Верховном Совете.— Большинство депутатов «Демократической России» на российском съезде народных депутатов голосуют против моей поправки точно такого же содержания. В их числе: Ельцин, Хасбулатов, Шахрай и... Полозков!

Межрегиональная депутатская группа, справедливо беспокоясь о судьбе демократии, голосует против предоставления Президенту Союза дополнительных полномочий.— «Демократическая Россия» требует как можно больше власти российскому Президенту.

Депутаты межрегиональной группы постоянно предупреждают общественность об угрозе диктатуры.— Депутаты «Демократической России» на III и IV съездах прямо требуют жесткой власти, а один из них, выступая вместе со мной в Клубе избирателей, публично заявил, что стране полезен был бы собственный Пиночет, ненадолго, годика на три!

При таких условиях я не удивлюсь, если окажется пророческим замечание одного знакомого москвича: «Мы 70 лет терпели от одних, теперь будем терпеть от новых. Надо же в кого-то верить!»

Думаю, читателю давно ясно: никаких надежд на Президентом-спасителей я не питаю. Более того, считаю, что риск установления авторитарного, антидемократического режима в наших условиях далеко перевешивает некоторые плюсы плебисцитарной демократии по веберовскому рецепту. Тем не менее я голосовал в целом за принятие конституционных поправок, связанных с введением поста Президента, поскольку такова была воля избирателей. Последнее, что я еще могу сделать,— это, не агитируя, попытаться помочь омичам правильно выбрать «своего» кандидата в Президенты.

Итак, если вы считаете, что в обществе люди должны как можно меньше различаться по уровню богатства, что рынок можно использовать только в очень малых дозах, что можно и нужно отменить реформу Павлова, снизить цены, закрыть торгово-закупочные кооперативы, если вы верите, что в этом случае экономика будет работать, если вы любите «твердый порядок», ваш кандидат — генерал Макашов и его вице-президент — профессор Сергеев.

Если переход к рынку вы считаете необходимым, но плавно и постепенно, с упором на социальную защиту малообеспеченных граждан и коллективное владение предприятиями, ваш кандидат — Николай Рыжков, при условии, что вы верите, что ему под силу провести такую реформу.

Если вы равнодушны к идеологическим ценностям («измам»), если вам все равно, каков будет общественный строй и в чьих руках государственная власть, лишь бы можно было сносно прожить, если вы сторонник сосуществования разных экономических укладов и разных политических течений — ваши кандидаты: Вадим Бакатин, Владимир Жириновский, Аман Тулеев. При этом имейте в виду, что Владимир Жириновский обещал заботиться о русских за пределами Российской Федерации, Аман Тулеев — первым же Указом — улучшить положение детей, а Вадим Бакатин — больше средств вкладывать в народное образование.

Наконец, если вы считаете, что переход к рынку нужно осуществить как можно быстрее и радикальнее, что спасение экономики — в снятии всех ограничений на деятельность кооперативов и частных предприятий, что частная собственность должна стать основным экономическим укладом, а частные предприниматели и

кооператоры способны вытащить нас из кризиса, ваш кандидат — Борис Ельцин. Курс Бориса Николаевича по отношению к Союзу предсказать не берусь, поскольку в апреле—мае он был совершенно иным, нежели в феврале—марте: на смену объявлению войны союзному правительству пришла идея «круглого стола» и соглашения «9+1» с Президентом Горбачевым.

Кандидатов в Президенты России я перечислил слева направо. Напомню: «левыми» в политике во всем цивилизованном мире называют партии и деятелей, ориентирующихся на большее социальное равенство, «правыми» — тех, кто ориентируется на большее неравенство. С этой точки зрения, генерал Макашов близок к левым радикалам, Николай Рыжков — к умеренно левому течению, В. Бакатин, В. Жириновский, А. Тулеев представляют разные варианты центристской позиции, причем Тулеев, насколько можно судить, несколько левее других. Самым «правым» среди кандидатов в Президенты является Б. Ельцин, хотя его часто меняющаяся, как у Президента Горбачева, позиция труднее всего поддается оценке.

Для тех, кто озабочен будущим отечественной демократии, добавлю, что демократические режимы во всех странах, где они есть, держатся на политических партиях и лидерах, более или менее близких к центру. Напротив, радикалы правого или левого толка нередко склоняются к жесткой, полудиктаторской власти. Выводы, думаю, очевидны.

Каждый избиратель должен проголосовать за одного из перечисленных кандидатов, а если симпатий не вызывает ни один — вычеркнуть всех. Но прийти на выборы нужно обязательно: напомню, что подсчет голосов будет вестись не от списочного состава, а от числа явившихся.

И последнее. Довольно часто приходится слышать: за такого-то кандидата голосовать нельзя, потому, что он представляет партократию. Должен прямо сказать, что эта позиция, имевшая основания еще год назад, сейчас безнадежно устарела. Во-первых, из двенадцати кандидатов в Президенты и вице-президенты девять — члены КПСС. Даже Борис Николаевич взял себе вице-президента из ЦК компартии РСФСР, не говоря уже о том, что и сам был «партокротом» два десятилетия.

У всех этих кандидатов разные взгляды, так что принадлежность к КПСС в идейном плане теперь уже ничего не значит. Во-вторых, за последний год явно обнаружилось сращивание части бывших парт- и непартбюрокротов с частью бывших демократов на почве любви к «священной частной собственности». Дело в том, что если эта собственность станет основным экономическим укладом, главными собственниками, наряду с бывшими «теневиками», станут бывшие начальники. Поэтому уже сейчас многие из них готовы обменять власть на собственность, активно ищут и поддерживают новых хозяев. Им, в отличие от большинства народа, и обеспечено «светлое будущее» при новом «изме».

Знаю, что мои высказывания у многих вызовут неудовольствие, и тем не менее хочу повторить, что строка Интернационала: «Никто не даст нам избавления: ни бог, ни царь и ни герой», — сейчас столь же верна, сколь и сомнительна другая его строка: «Добьемся мы освобождения своею собственной рукой».

Пусть каждый перед голосованием еще раз взвесит: своего ли кандидата он выбрал.

НОВЫЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ. СВОБОДА ОТ ИДЕОЛОГИИ ИЛИ ИНАЯ ИДЕОЛОГИЯ? *

Опубликовано: Конституционный вестник.— 1991.— № 9.— декабрь. С. 17—24.

Обсуждение проекта Конституции Российской Федерации, подготовленного летом — осенью 1990 года рабочей группой во главе с депутатом Олегом Румянцевым, с самого начала приобрело характер «идеологической борьбы» в лучших традициях прежних времен. С обеих сторон преобладали агитационные, а не аналитические материалы, отношение же к проекту было объявлено тестом на демократичность, водоразделом между демократами и консерваторами. Если вспомнить к тому же воспроизведенное «Голосом Америки» заявление Олега Румянцева о намерении создать документ, который переживет века, и появление серии резко критических статей по поводу проекта в газете «Советская Россия», то можно оживить и атмосферу недавнего и уже такого далекого прошлого.

Видимо, только сейчас пришло время объективного политологического анализа содержания проекта Конституции. Такой анализ предполагает не хвалу и не хулу, а высвечивание достоинств и недостатков; не насаждение старых или новых стереотипов, а их развенчание; не обещание нового светлого (или темного) будущего, а просчет вариантов; не ультиматумы, а рекомендации. При этом в центре анализа должна оказаться идеология документа.

Я не оговорился: именно идеология. Дело в том, что весьма распространенное мнение о деидеологизации конституционного проекта, из которого исключены идеологические термины типа «советский», «социалистический» и т. п., само является новым идеологическим стереотипом: Конституцию по определению деидеологизировать невозможно.

Во-первых, даже если бы удалось вообще освободить ее от идеологических терминов, Конституция все равно осталась бы (и остается в любом обществе) первым по значению документом государственной (но не партийной) идеологии. Ведь идеология — это не что иное, как система представлений о желаемом общественном устройстве и путях его достижения. Спросим себя: имели ли разработчики, когда писали проект, перед мысленным взором модель будущего общественного и государственного строя нашей республики? Если нет — их надо увольнять за «профнепригодность». Конечно же — да. О какой деидеологизации в таком случае может идти речь? Независимо от употребляемых терминов, идеология любой Конституции определяется тем, как решаются в ней вопросы: собственности, прав человека, организации государственной власти и управления, национально-государственного устройства (если речь идет о многонациональной стране). Разумеется, все эти вопросы решает и проект Конституции Российской Федерации.

Во-вторых, проект во множестве содержит также и идеологические термины, причем наиболее ярко в нем представлены два основных «ряда». Любой политически образованный человек, читая в Конституции выражения типа «естественные и неотчуждаемые права», «естественное, неотъемлемое право собственности», «правовое государство» и т. п., без труда узнает идеологию либерализма; сталкиваясь же с формулами вроде «социальное государство»,

«социальное партнерство», «социальное рыночное хозяйство», укажет на социал-демократическую их принадлежность. Вообще говоря, эти новые идеологические метки мало чем отличаются по своей роли в языке Конституции от прежних «измов».

Но, разумеется, я далек от того, чтобы требовать исключения этих новых «измов» из проекта, тем более что многое из идеологии либерализма и социал-демократии входит в блок ценностей, которые сейчас принято считать общецивилизационными. Речь может идти лишь о коррекции идеологии документа.

1. Он перегружен идеологическими формулами, часто высокопарными и не слишком содержательными. Взять хотя бы бесконечные манипуляции со словом «свобода»: «труд свободен», «профсоюзы создаются свободно», «средства массовой информации свободны», «воспитание, образование, наука и культура свободны» и т. п. Выглядит это едва ли не столь же навязчиво, как манипуляции со словом «социализм» в брежневской Конституции. Но заклинаниями вызывают лишь джиннов в сказках да духов в спиритических сеансах. В политических же документах они способны вызвать эффект бумеранга. Поэтому следовало бы «очистить» проект от большинства подобных деклараций.

2. Поскольку Конституция возводит ценности социал-демократии и либерализма в ранг государственной идеологии Российской Федерации, из нее необходимо исключить статью 4.2: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии». Мотивы, заставившие разработчиков включить в проект эту формулировку, понятны и заслуживают уважения: это естественное желание не допустить воссоздания тоталитарной системы. Однако, стремясь отринуть один из ее принципов — единомыслие, мы вольно или невольно воссоздаем другой, который Джордж Оруэлл назвал двоемыслием: «Посредством Конституции устанавливаем официальную государственную идеологию и одновременно объявляем, что такое установление недопустимо!» Замечу мимоходом, что на заседаниях в Верховном Совете России мне приходилось слышать от коллег-депутатов не только о намерении ввести изучение Конституции в программы учебных заведений, что нормально, но и заменить этим изучением все дисциплины обществоведческого цикла, что вполне соответствует нашим «новым» представлениям о плюрализме.

3. Наряду с действительно современными общецивилизационными ценностями, которые представлены, главным образом, в разделах об основах конституционного строя и о гражданских и политических правах человека, проект содержит, на мой взгляд, и некоторые архаические идеологические формулы. Я имею в виду прежде всего статью 34.2: «Естественное и неотъемлемое право собственности является одной из основных гарантий осуществления прав и свобод человека».

Разумеется, в современных западных обществах, которые одни называют капиталистическими, другие посткапиталистическими, третьи — обществами социального капитализма и т. п. и которые явно имеют в виду разработчики проекта, собственность действительно служит одной из гарантий прав и свобод человека, если, конечно, он эту собственность имеет и если его права не подавляются авторитарным режимом. Однако это право по природе не естественное, а социально-историческое.

В самом деле, если право собственности имеет естественный характер, то о каком именно праве идет речь? О неписанном праве древних общин, практически исключавших индивидуальную собственность, или праве античной Греции, где естественным считалось обращать варваров, а затем и соплеменников в рабов? О праве собственности средневекового сеньора, включавшем, между прочим, и право первой ночи, или же эпохи первоначального накопления капитала, о котором можно сказать словами героя «Крестного отца»: «В основе каждого крупного состояния лежит преступление?» А может быть, о праве собственности современного шведского предпринимателя, у которого социал-демократы изымали в виде налога 75% личного дохода, полученного сверх определенного размера? А если естественны все перечисленные и неперечисленные разновидности права собственности, то какое же из них может служить гарантией прав и свобод личности?

Вообще большинство людей каждой исторической эпохи считают «естественными» именно порядки (включая отношения собственности) своего времени, «неестественными» или даже «противоестественными» — порядки эпох минувших или будущих. В кризисные моменты, подобные нашему, это положение выворачивается наизнанку: «противоестественным» представляется то, чему поклонялись вчера.

Как знает каждый, кому приходилось изучать историю общественной мысли, идея естественного права была крупным достижением эпохи перехода от позднего средневековья к начальному периоду Нового времени, т. е., в традиционных терминах, зари капитализма. Тогда эта идея несла в себе мощный антифеодальный и особенно антисловесный гуманистический заряд. Правда, уже в XVIII веке практические выводы из теории «естественного права» были различны до полной противоположности. Так, Вольтер выводил из нее необходимость частной собственности и неравенства («На нашем несчастном земном шаре невозможно, чтобы люди не делились на два класса: богатых, которые повелевают, и бедных, которые служат»); Руссо — необходимость частной собственности и равенства (общество равных частных собственников); Морелли же — необходимость равенства без частной собственности. Вообще говоря, ближе к истине был именно последний мыслитель, ибо «естественное право», конечно, соответствует «естественному состоянию», а дикари, как известно, вполне равны и живут в условиях «первобытного коммунизма».

Разумеется, легко понять, почему идея «естественного права» приобрела ныне в России почти такую же популярность, как во Франции накануне Великой буржуазной революции XVIII в. Однако вряд ли стоит «обогащать» Конституцию выдающимися достижениями человеческой мысли 200-летней или 300-летней давности, вытаскивая их «из нафталина». Социальные идеалы надо искать в будущем, а не в прошлом веке.

Но, пожалуй, главный архаизм, связанный, впрочем, с поклонением теории «естественного права», содержит статья 12 проекта, озаглавленная: «Незыблемость конституционного строя». Прочтем ее первый пункт: «Провозглашенные в настоящем разделе Конституции основы конституционного строя РФ: государственный суверенитет, приоритет прав и свобод человека, народовластие, политический плюрализм, рыночное хозяйство, социальное государство, фе-

дерализм, разделение властей, верховенство права, открытость РФ и ее вовлеченность в мировое сообщество, гарантии незыблемости конституционного строя — не могут быть отменены». Вот так: никем и никогда. Не больше и не меньше. Как пели в 60-х: «Будет людям счастье, счастье на века!»

И здесь намерения разработчиков легко понять: страшен призрак системы тоталитарного социализма, велико желание сделать безвозвратной происходящую на наших глазах смену общественного строя. Однако незыблемость общественных систем в истории провозглашалась уже десятки раз едва ли не со времен царя Хаммурапи. Вспомним хотя бы китайскую «Поднебесную империю» или «Москву — Третий Рим», или, наконец, полную и окончательную победу социализма в СССР — словосочетание, вызывающее у одних смех радости, у других — смех сквозь слезы. Неужели будем пробовать еще раз? Неужели разработчики не понимают, что если социальные потрясения будут продолжаться, последующее поколение политиков станет обращаться с «ельцинской» (или «румянцевской») Конституцией так же, как мы сейчас обращаемся с брежневской? Стоит ли вообще обманывать сознание верующих (а сознание неверующих — аздражать) термином «незыблемость» в условиях разваливающейся страны, разрушение которой не обошло и Российскую Федерацию (Татарстан, Чечня)?

Справедливости ради надо сказать, что идея незыблемости конституционного строя разработчиками не просто провозглашается, но и подкрепляется определенными процедурными гарантиями: в проект заложена идея утверждения Конституции на Всероссийском референдуме.

Только путем референдума допускаются также и изменения отдельных положений первого раздела проекта, не затрагивающие основ конституционного строя (ст.12.2). Иначе говоря, в поисках стабильности Конституции авторы обращаются к идее плебисцитарной демократии, т. е. такой, где решения принимаются всем народом непосредственно путем голосования (плебисцита). Последуем же за ними, попросив у читателя прощения за некоторое злоупотребление теорией.

Зарубежная политическая наука, давно изучающая этот вопрос, убедительно показала, что плебисцитарная демократия может более или менее нормально функционировать, по крайней мере, при наличии трех условий:

- а) развитая система демократических традиций;
- б) высокий уровень общественной стабильности;
- в) наличие сильной оппозиции.

Совершенно очевидно, что о двух первых условиях мы можем только мечтать, да и третье исчезло после фактического запрета и распада КПСС. В условиях же господства авторитарно-патриархальной культуры, лишь поменявшей плюсы на минусы, когда кризис нарастает, а все ведущие средства массовой информации представляют, по существу, одно направление, голосующим нередко отказывает здравый смысл, а плебисцитарная демократия дает сбой, как минимум, тройкого рода.

Во-первых, демократическая процедура нередко ведет к установлению не демократического, а авторитарного режима. Пример — прямые выборы Президента Грузии. Во-вторых, когда это невыгодно властям, с результатами референдума просто не считаются. Вспомним хотя бы дружный выход из Союза республик,

население которого высказалось за участие в нем. В-третьих, итоги референдумов почти повсеместно совпадают с позицией руководства, особенно если руководитель достаточно популярен. Результаты отечественных президентских выборов и плебисцитов, когда «за» голосует 83, 94, 99% и т. п., вызывают у специалистов-политологов, скорее, тревогу, чем удовлетворение, ибо такое единодушие справедливо считается признаком недоразвитой демократии и плюрализма. Я не удивляюсь тому, что на Украине, где 18 марта 80 с лишним процентов населения высказались за участие в Союзе, 1 декабря большинство проголосовало за полную независимость.

Тем более неприемлемо всенародное голосование в той форме, в какой это предлагается разработчиками, т. е. за Конституцию в целом. Мне не приходилось встречать данные социологических опросов, однако личный опыт общения с избирателями свидетельствует: добрая половина их не прочла и не прочтет проекта, а из оставшейся половины значительное большинство не подготовлено к тому, чтобы разбираться в юридических тонкостях. Тем и другим не останется иного выбора, как довериться случаю либо мнению популярного политического деятеля и голосовать наобум. Кроме того, голосовать придется единым махом за полторы сотни статей и несколько сот параграфов, среди которых есть очень хорошие, хорошие, средние, плохие и очень плохие. Сознательный выбор в такой ситуации более чем проблематичен, равно как и надежды с помощью плебисцитарной демократии увековечить конституционный строй. Если кризис будет продолжаться и новой власти потребуются отменить Конституцию либо какие-то ее положения, эта новая власть сумеет не хуже нынешней овладеть общественным сознанием и провести референдум с заранее заданными итогами.

Вполне понимаю разработчиков, которым хочется сохранить свое творение в целостности и не отдавать его «на растерзание» российского съезда народных депутатов. Однако это все же меньшее из зол, ибо альтернатива ему — манипулирование народом посредством самого народа, т. е. худший вид манипулирования. В утешение авторам могу лишь напомнить, что на российском съезде депутатские поправки к Конституции в абсолютном большинстве своем не проходят, но зато легко принимаются те, что предложены или поддержаны руководством. Вспомним хотя бы, как II съезд народных депутатов РСФСР (первый из внеочередных) за 40 минут принял 16 поправок к Конституции, предложенных конституционной комиссией. Для сравнения могу напомнить, что в США за 200 лет было принято 26 поправок.

Если же все-таки нам так мила плебисцитарная демократия, что жить без нее мы уже не можем, следует вернуться к решению первого съезда народных депутатов России и вынести на референдум основные принципы Конституции, сформулировав их предельно просто и четко, и желательно в альтернативной форме. Есть, разумеется, минусы и у этого варианта, но здесь мы, по крайней мере, проявим больше уважения к нашим согражданам.

Итак, решающее слово за Российским съездом.

ДОРОГА, НО В КАКОЙ ВЕК?

Размышления над проектом Конституции Российской Федерации

Центром идейной и политической борьбы, развернувшейся в последнее время в России, стал вопрос об отношении к новой российской Конституции. Как известно, на обсуждение общественности вынесено два проекта этого документа. Один подготовлен рабочей группой Конституционной комиссии во главе с депутатом О. Г. Румянцевым, другой — инициативной группой коммунистов России. Официально объявлено, что первый документ Конституционная комиссия приняла за рабочую основу, хотя из 102 ее членов «за» проголосовали 37, «против» — 33, второй опубликован как альтернативный. Рамки газетной статьи позволяют остановиться лишь на некоторых моментах основного проекта и дискуссий вокруг него.

Разработчики этого проекта не раз и не без гордости заявляли, что он «деидеологизирован», поскольку из него исключены слова «социалистическая» и «советская» в названии республики и тексте статей. Однако сама Конституция в любом обществе есть первый документ государственной идеологии, и если можно освободить ее от идеологических терминов, так называемых «измов», то от идеологии, т. е. определенной системы ценностей, — никогда. В этом смысле «деидеологизация» Конституции — свидетельство такого же идеологического догматизма, как и бесконечное упоминание идеологических терминов. Мне, социалисту, представляется, что бороться надо не за термины в названии республики, а за содержание Конституции: в конце концов, северо-американские штаты не именуется соединенными буржуазными, а Швеция — полусоциалистическим королевством!

Идеология любой Конституции определяется тем, как трактуются в ней, как минимум, четыре вопроса: собственности, власти, прав человека, национальный. Вот ключевые положения официального проекта по поводу собственности в Российской Федерации.

Статья 1.7., параграф 2. «Право собственности и наследования, равенство всех видов и форм собственности, стабильность отношений собственности гарантируются государством». В варианте, розданном народным депутатам России до официальной публикации, здесь значилось: «Основа экономики — свободный предприниматель...».

Статья 3.1.1. «Неотчуждаемое естественное право быть собственником является гарантией осуществления интересов и свобод личности и предполагает нравственное, рациональное использование собственности». В тексте для депутатов такой гарантией объявлялось «неотчуждаемое естественное право частной собственности».

Как видим, в первоначальном варианте идеологический пафос выражен ярче и откровеннее, в опубликованном же идеология «закрашена». Но суть дела не меняется: провозглашая равноправие всех форм собственности, авторы душой на стороне «естественного права» «священной частной собственности». В этом, кстати, легко убедиться, внимательно проанализировав уже принятый Закон «О собственности в РСФСР». Чего же ждать России, если Конституция будет принята и, в отличие от своих предшественниц, чего доброго, станет работающей?

Начнем с «высоких материй» — «естественного права». Как знает каждый, мало-мальски знакомый с историей общественной мысли, эта идея была крупным достижением позднего средневековья и начального периода Нового времени, т. е.

«зари» капитализма, несла в себе сильный антисловный гуманистический заряд. Однако вытаскивать ее из «нафталина» и представлять как новое слово юридической науки в конце XX в., по меньшей мере, странно.

В самом деле, если бы можно было спросить античного грека о его естественных правах, он наверняка назвал бы в их числе право владеть людьми — рабами. На подобный же вопрос средневековый феодал заявил бы о своем естественном праве на землю, к которой прикреплены крестьяне, и т. п. Вообще, большинство людей каждой исторической эпохи считают «естественными» именно порядки своего времени, «неестественными» или даже «противоестественными» — порядки эпох минувших или будущих. В кризисные моменты, подобные нашему, это положение выворачивается наизнанку: «противоестественным» представляется то, чему поклонялись вчера.

Видимо, авторы всерьез вознамерились ограничить историю России достижениями человечества 200-летней давности и «остановить мгновенье». Так, секретарь рабочей группы Конституционной комиссии О. Г. Румянцев, будучи в США, обещал, судя по сообщению «Голоса Америки», создать документ, который переживет века, а в первом проекте этого документа можно прочесть: «Основные принципы конституционного строя Российской Федерации не могут быть отменены» (статья 1.12). Спрашивается, чем это отличается от заявлений о «вечности Рима», китайской «Поднебесной империи», от наших собственных недавних официальных фраз о полной и окончательной победе социализма? Ныне формулировка статьи изменена, но претензии на внеисторичность остались.

Теперь о частной собственности как гарантии прав и свобод. Это положение верно, однако с двумя принципиальными оговорками. Оно верно, во-первых, для условий классического капитализма. Уже в современных высокоразвитых странах Запада интересы и свободы большинства граждан гарантируются не собственностью, которой у них или нет, или слишком мало, а политикой так называемого социального государства (система страхования, обязательный минимум заработной платы и т. п.). Во-вторых, это верно лишь для тех, кому посчастливилось стать хозяином собственного «дела», а такие повсюду составляют меньшинство. Скажем, в ФРГ 80-х — не более 9 %, да и среди них до 90% и более мелких предпринимателей. Кстати, когда именно предприниматель провозглашается основой экономики, предпочтение заведомо отдается этому меньшинству перед остальными гражданами.

Разработчики официального проекта не раз заявляли, что подготовили документ XXI века и что Россия стоит перед конституционно-правовой революцией. На мой взгляд, последнее настолько же истинно, насколько первое ложно. Принятие Конституции действительно может стать началом политического и экономического переворота, началом нового пути России. Но куда поведет этот путь?

Думаю, руководствуясь принципами «естественного права», «священной частной собственности», Россия действительно может оказаться европейским государством, но не будущего, а, в лучшем случае, прошлого века. Еще более вероятно, что она окажется в той группе экономически зависимых стран «третьего мира», где господствует капитал азиатско-бюрократического и мафиозного типа. Среди практических последствий «конституционной революции» назову лишь два.

Во-первых, не успев освободиться от власти одной элиты, бюрократической,

народ попадает под власть другой — буржуазной, ибо популярная формула: «У кого собственность — у того и власть» относится, конечно, не только к бюрократии, но в еще большей мере к крупным частным предпринимателям. Да и новой эта элита будет лишь отчасти. Во время разложения бюрократической системы именно корыстные чиновники имели больше возможностей для незаконного обогащения. Теперь эти средства будут пущены в ход. Следует ожидать скорого прекращения борьбы радикальных приватизаторов и худшей части консервативных «аппаратчиков»: «священная частная собственность» их помирит. Большинство же народа останется «при своих интересах».

Во-вторых, такой ход событий создаст в России еще более высокое социальное напряжение, возможно, вызовет малую гражданскую войну. «Простые» люди довольно быстро обнаружат, что лидеры, на которых возлагалось столько надежд, привели в царство не свободы, а новой несвободы. И тогда есть основания ожидать, что всеобщая ненависть к бюрократии перекинется на новых «хозяев жизни», начнется сопротивление курсу на классический капитализм.

Судя по всему, это понимают и сторонники такого курса, ибо «плач» по «твердой руке» слышен теперь не только из консервативного, но и из противоположного лагеря. Выступая в начале января по «Радио России», известный радикальный экономист В. Селюнин несколько раз повторил, что стране нужен Столыпин, знаменитый, среди прочего, «столыпинскими галстуками». Чилийский диктатор А. Пиночет неожиданно для себя стал положительным героем немалого числа российских радикалов. Наконец, в официальном проекте Конституции (вариант А) предполагается система очень сильной президентской власти, которая при отечественных традициях в любой момент может превратиться в авторитарный режим.

Итак, совершенно очевидно: путь классического капитализма, к которому склоняются авторы официального проекта, как и путь возврата к прежней, административно-бюрократической модели социализма, вряд ли возможен без диктатуры или полудиктатуры, только в одном случае это будет диктатура неосталинистского толка, в другом — неостолыпинского или неопиночетовского. Так что все хорошие статьи о правах человека в новом проекте могут разделить судьбу аналогичных статей Конституции-1937.

Но есть ли третий путь? Думаю, да. Чтобы выйти на него, в Конституцию нужно заложить следующие экономические принципы:

1. «Смешанная экономика», многообразие форм собственности, включая частную, преимущественно в форме мелкого предпринимательства. Такое многообразие необходимо, чтобы гарантировать достаточно высокую эффективность производства.

2. Основа экономики — не свободный предприниматель, а свободный работник, имеющий преимущественное право быть собственником используемых им средств производства, т. е. имущества своего завода, колхоза, ферм и т. п., а значит, и право на коллективное предпринимательство.

Реализация преимущественного права работника быть собственником должна быть законодательно закреплена в двух основных формах:

- а) в форме полномочного коллективного владения государственными предприятиями без права их распродажи;

б) в форме коллективно-долевой собственности западного типа, где акционерами являются только работники, акции распределены более или менее равномерно, наемный труд практически отсутствует, а напротив, коллектив нанимает администрацию предприятия.

Обосновывая эти положения на внеочередном съезде народных депутатов России, я говорил о том, что производство, где работник является собственником, эффективно не только экономически, но и социально. Такие предприятия на Западе успешно конкурируют с частными, гораздо реже разоряются, на них рабочий чувствует себя комфортнее, лучше трудится, не бастует. Даже администрация Президента Дж. Буша предоставляет экономические льготы фирмам, продающим акции собственным работникам, но не потому, разумеется, что она «покраснела», а потому, что хорошо понимает преимущества «экономики участия». Парадокс состоит в том, что в странах капитализма наибольшие заслуги в движении к такой экономике принадлежат социал-демократам, однако социал-демократическая партия Российской Федерации, одним из лидеров которой является О. Г. Румянцев, отдает предпочтение не народным, а частным предприятиям.

И, наконец, о процедуре принятия Конституции. На I съезде депутатов России Б. Н. Ельцин обещал, что на референдум будут вынесены ее основные принципы. Те из них, что получают одобрение, станут базой для работы Конституционной комиссии. Теперь же секретарь этой комиссии настаивает на референдуме по проекту в целом или по двум альтернативным проектам. Считаю, что в таком случае референдум превратится в форму политического манипулирования: большинство народа не прочтает двух проектов или не разберется в юридических тонкостях и ему придется голосовать наобум, вверяя судьбу случаю или популярному политическому деятелю. Да и как можно голосовать за сотню статей и параграфов разом, если половина из них вполне приемлема, а другая вызывает возражения?

Иное дело — принципы. Манипулирование возможно и здесь, но выбор куда реальнее: Советы или «десоветизация»; Президент: да или нет; частные или народные предприятия как основа экономики; земля: продавать или не продавать и т. п. Хорошо бы Председателю Верховного Совета РСФСР вспомнить его первоначальное обещание. Уверен: дорога в XXI век нам не закрыта. Но чтобы на нее выйти, надо не оглядываться на ступени, пройденные западной цивилизацией, а ориентироваться на те тенденции и ростки нового, которые она отчетливо проявляет сейчас. Дело за малым: чтобы большинству народа, когда он придет на референдум, не отказали историческое зрение и здравый смысл.

* * *

Эта статья была написана осенью 1991 г. по предложению корреспондента одной из центральных газет. Однако по причинам, мне неизвестным, в свет так и не вышла. С тех пор минул целый исторический период: Конституция, которая считается принятой 12 декабря 1993 г., в сравнении с тем проектом, который подвергался критике в этой статье, выглядит как великий грех на фоне мелкого прегрешения. Мне не раз уже приходилось говорить, что все ее содержание могло бы быть изложено в двух статьях:

Статья 1. Президент всегда прав.

Статья 2. Если Президент не прав, смотри статью 1.

Что же касается главного разработчика конституционного проекта, которому посвящена данная статья,— Олега Румянцева, то он давно перешел в оппозицию. В период малой гражданской войны в Москве в сентябре—октябре 1993 г. он был не с теми, кто расстреливал, а с теми, кого расстреливали, и вел себя в высшей степени достойно. Ныне Олег Румянцев активно выступает с идеями русского социализма.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА VII СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 4 ДЕКАБРЯ 1992 г. *

Опубликовано: Седьмой съезд народных депутатов Российской Федерации, 1—14 декабря 1992 г. Стеногр. отчет.: В 4 т. Т. 1.— М.: Республика, 1993. С. 394—395.

Уважаемые коллеги! Я тоже хочу остановиться на вопросе о референдуме. Как специалист я должен сказать, что время для проведения референдумов в России сейчас крайне неблагоприятное. Для того чтобы референдум действительно мог выявить волю большинства населения, необходимо выполнение нескольких условий: первое — сильная оппозиция; второе — реальный информационный плюрализм, доступ к государственным средствам массовой информации представителей различных течений и сил; третье — развитые демократические традиции, демократическая, а не царско-генсековско-президентская культура; четвертое — высокая степень общественной стабильности.

Совершенно ясно, что у нас есть лишь первое условие, об остальных можно только мечтать. Особенно опасно то, что в обществе нет стабильности. Представим себе, что назначат референдум по вопросу о Конституции. Вполне вероятно, что к нему будут «подвешены», простите за непарламентское выражение, новые вопросы. Скажем, о земле, о Президенте или президентстве, о Курилах, о собственности, о приватизации и т. п. Результатом этого будет стабилизация общества или нарастание конфликтов? Это, как минимум, равновероятно.

С другой стороны, Председатель Конституционного Суда здесь объяснял, что дело не в Конституции, а в политической воле, отсутствие ее никакая Конституция не заменит. Не Конституция будет определять жизнь, а жизнь будет определять работоспособность Конституции.

И последнее. Референдум по Конституции или по разделу в целом — это, на мой взгляд, крайнее неуважение к собственному народу. Мы заставляем людей отвечать сразу на несколько десятков вопросов. Это худший вид манипулирования: манипулирование народом посредством самого народа. Я предлагаю постановление доработать: либо возвратиться к решению I съезда, а значит, начинать все сначала, либо принимать Конституцию на съезде.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА VII СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 11 ДЕКАБРЯ 1992 г. *

Опубликовано: Седьмой съезд народных депутатов Российской Федерации, 1—14 декабря 1992 г. Стеногр. отчет.: В 4 т. Т. 4.— М.: Республика, 1993. С. 73—74.

По вопросу о проекте Закона о референдуме

Уважаемый съезд, уважаемый председательствующий! Убедительно прошу выслушать меня в течение одной минуты, но внимательно.

Мне кажется, мы явно поторопились, решив голосовать предложенный законопроект, который вносит поправку в закон о референдуме. Во-первых, мне представляется, что это решение будет недемократичным: граждане должны иметь право досрочного прекращения полномочий и депутатов, и Президента, если они не оправдали доверия. Во-вторых, это будет политически вредно: принимая такое решение, съезд, как говорят японцы, рискует потерять лицо. В-третьих (может быть, главное), это решение будет практически бесполезно, ибо его всегда можно обойти, что называется, сбоку. Всегда можно провести референдум не о доверии съезду, а о ликвидации института съезда, не о доверии Президенту, а о ликвидации института президентства. Наконец, можно провести референдум о праве граждан проводить референдум о доверии съезду и Верховному Совету, и именно этим уже занимаются сейчас наши коллеги из «Демократической России» в Москве и Московской области. Таким образом, будет все то же самое, но только в два этапа, чуть-чуть подлиннее.

Вывод: предложенный законопроект принимать не следует, так как эффект будет минимальный, а моральные потери — большие. Но можно вернуться к предложению, которое было высказано сегодня утром: в связи с чрезвычайной ситуацией вообще приостановить на год действие Закона о референдуме. Это решает проблемы. Можно готовить соответствующий проект постановления и тогда вернуться к этому вопросу.

ПЛЕБИСЦИТ КАК СРЕДСТВО УТВЕРДИТЬ МНЕНИЕ. СОБСТВЕННОЕ *

Опубликовано: Российская газета.— № 23.— 1993.— 14 февраля. С.1—2.

Политические лидеры и средства массовой информации в большинстве случаев представляют будущий референдум как долгожданное торжество демократии в России.

Однако столь благостной картина выглядит лишь с первого взгляда. Даже беглый анализ обнаруживает массу подводных камней.

Начнем хотя бы с вопроса о том, как будут выноситься на референдум основные положения Конституции: «в пакете» (блоком) или каждое в отдельности? Нельзя же всерьез думать, что гражданин, придя на избирательный участок, будет механически подсчитывать приемлемые и неприемлемые положения Конституции и в зависимости от этого голосовать «за» или «против»? Вообще, если вся эта процедура и отличается чем-либо от процедуры союзного референдума 17 марта 1991 г., то только в худшую сторону: тогда нам предлагали односложно отвечать на три (или четыре) различных вопроса, теперь же «в пакете» будет, вероятно,

вопросов 15 или 20! Неуважение к собственному народу, стремление использовать его лишь в качестве объекта политического манипулирования очевидны.

Однако и второй вариант референдума, когда гражданам придется одобрять или не одобрять каждое из основных положений Конституции в отдельности, — вариант, безусловно, гораздо более честный, — отнюдь не избавляет организаторов и население от трудностей. Средоточием их станет следующая проблема: какие вопросы выносить на референдум и как их формулировать? Сами же трудности условно могут быть подразделены на три группы.

Первая — трудности политико-юридические. Если отношение большинства населения к референдуму будет осмысленным, а не механическим, достаточно вероятна ситуация, когда утвержденными окажутся не все, а лишь часть положений новой Конституции. Если в число последних попадет, например, герб — беда не столь велика. Но за бортом вполне могут оказаться положения концептуального характера, скажем, вопросы собственности или организации власти.

Вторая — трудности политико-морального характера. Именно их преодолеть будет, пожалуй, сложнее всего. Многие специалисты-политологи признают, а богатый опыт различных стран свидетельствует: правящие политические элиты в большинстве случаев проводят референдумы не для того, чтобы выяснить мнение народа, а для того, чтобы с его помощью утвердить свое собственное и возвести его в закон. Причем именно плебисцитарная демократия нередко оказывается наиболее приемлемой для населения формой легитимации (узаконивания) власти политической элиты.

В свое время этого теста не выдержала союзная политическая элита, группировавшаяся вокруг ЦК КПСС и Верховного Совета СССР. На референдуме 17 марта 1991 г. она вынесла формулировку, в которой к двум «локомотивным» вопросам (о сохранении союзной государственности и о соблюдении прав человека) «подвесила» также и вопрос о названии государства (Союз Советских Социалистических Республик), а тем самым косвенным образом и вопрос о характере общественного строя. Все это стало объектом обоснованной критики со стороны тогдашней оппозиционной «Демократической России».

Аналогичного теста совсем недавно не выдержали лидеры современной «Демократической России», собиравшие подписи граждан и депутатов под требование референдума по вопросу о собственности на землю. Большинство людей, заполнявших подписные листы, наверняка не заметили, казалось бы, незначительной подмены тезиса, которую содержала предложенная формулировка.

Они выступили за право частной собственности на землю, имея в виду прежде всего тех, кто ее обрабатывает. Но вопрос был поставлен уже о безусловном праве частной собственности, т. е. праве, ничем не ограниченном. Неограниченное же право вообще, а право частной собственности на землю в особенности, едва ли можно найти в истории человечества.

Подготовка предстоящего референдума, безусловно, вызовет борьбу за формулировки между президентской и пропарламентской частями правящей элиты, а также между ней и оппозицией. Наложённый VII съездом запрет на проведение 11 апреля любых других референдумов, кроме как по основным положениям Конституции, в этом смысле мало что дает.

Конечно, оппозиция не сможет вынести на него прямой вопрос о досрочном

прекращении полномочий Президента, а течения, называющие себя радикальными демократами,— о роспуске Парламента. Однако «основные положения Конституции» — понятие столь широкое, что под него вполне можно подвести практически все основные параметры политического будущего страны.

Прежде всего, я думаю, вызовет бурю политических страстей вопрос о вопросах, т. е. о том, какие именно основы общественного и государственного устройства России должны считаться устоявшимися, самоочевидными и о каких следует опрашивать мнение населения.

Иначе говоря, ставить их под сомнение. В качестве иллюстрации возьмем лишь два примера, хотя число их можно было бы без труда умножить. Речь идет о том, следует ли выносить на референдум вопросы о форме правления в Российской Федерации (республика или монархия) и о праве республик (а может быть, краев и областей) на выход из состава России.

Политическая честность требует вынесения их на референдум хотя бы потому, что за это выступает существенная часть населения.

Что же касается права на выход из России, то на VII съезде народных депутатов упорно муссировались слухи о том, будто политические руководители восьми российских республик намеревались поставить этот вопрос на всенародное голосование в случае реализации известной инициативы Президента.

Повторю: оба вопроса имеют право на постановку. Однако первый из них выглядит более чем экстравагантным в конце XX в., а второй — более чем несвоевременным в условиях продолжающегося экономического и политического кризиса. Поэтому вопрос: «выносить или не выносить?» — не раз встанет перед организаторами референдума с гамлетовской остротой, рано как и проблема выбора меньшего из нескольких больших зол.

Предположим, однако, что российская политическая элита явила миру редкое исключение — высокий образец уважения к собственному народу. Увы, и в этом случае отнюдь не все трудности позади.

Оказывается, даже при подлинном желании не манипулировать населением, а выявить его действительное мнение, весьма сложно найти формулировки, позволяющие получить результат, который нельзя было бы интерпретировать различным образом.

Ни для кого не секрет, что после решения VII съезда из окружения Президента не раз звучали призывы решить с помощью референдума вопрос о том, какой быть нашей республике: президентской или парламентской? И тем самым покончить с попытками Парламента в той или иной мере взять правительство под свой контроль. На самом же деле подобная постановка вопроса даже при самых лучших намерениях вряд ли имеет смысл.

Во-первых, мировая практика знает разные модели как президентской, так и парламентской республики с различным распределением функций между законодательной и исполнительной властью. Чем бы ни закончился референдум, выбор одной из этих моделей все равно останется прерогативой депутатов — нынешних и будущих.

Во-вторых, распространенное (точнее, распространяемое) мнение, будто на последних съездах народных депутатов России происходила борьба между сторонниками президентской и парламентской республик,— мнение заведомо

ложное.

Если бы даже поправки к Конституции, предполагающие назначение и увольнение в отставку ведущих членов правительства Президентом с согласия парламента,— т. е. те самые поправки, против которых часть «радикальных демократов» готова была сражаться в рукопашную,— были приняты съездом, это отнюдь не превращало президентскую республику в парламентскую.

В парламентской республике, как известно каждому мало-мальски политически образованному человеку, правительство формирует не Президент, а премьер-министр, как правило, лидер победившей партии или блока. В данном же случае речь шла всего лишь об одной модели президентской республики.

Иначе говоря, если население на референдуме выскажется за президентскую республику, что при наших авторитарных традициях вероятнее всего, Президенту это ровным счетом ничего не дает. Республика наша и без того президентская, а по некоторым параметрам даже суперпрезидентская. Если же большинство голосов получит парламентская республика, что маловероятно, референдум обернется крупной победой оппозиции: депутатам придется либо ликвидировать институт президентства вообще, либо свести роль Президента к функциям «свадебного генерала».

Но и это еще не все. Надо иметь в виду, что голосование двух, а тем более одной формулировки едва ли не по любому вопросу об основах конституционного строя резко ограничивает для граждан реальные возможности выбора, заранее как бы подсказывая им желательный для организаторов ответ.

Учитывая к тому же, что формулировки «президентская республика» или «парламентская республика» допускают различную интерпретацию, а рядовому гражданину вообще мало что говорят, вопрос следовало бы сформулировать иначе. Например, таким образом.

«Как, на ваш взгляд, должно формироваться правительство?»

1. Правительство формирует Президент. Председатель Правительства назначается с согласия Верховного Совета: да, нет.

2. Правительство формирует Президент. Председатель Правительства, его заместители и министры (следует список) назначаются Президентом с согласия Верховного Совета: да, нет.

3. Президент назначает членов Правительства с согласия Верховного Совета: да, нет.

4. Верховный Совет избирает председателя Правительства, который формирует его состав: да, нет».

В качестве общего вывода остается лишь повторить: проведение референдума даже в лучшем варианте, т. е. по каждому из основных положений конституционного проекта, потребует от организаторов такого уровня политической честности и уважения к своему народу, какой у представителей политических элит встречается редко.

Поэтому уже сейчас с большой вероятностью можно утверждать: скорее всего, референдум станет не источником стабильности, а фактором дестабилизации общества, не победой демократии, а, в лучшем случае, ее имитацией, в худшем же — поражением.

ГЛАС НАРОДА — ГЛАС БОЖИЙ?

ЕЩЕ РАЗ О ТОМ, КТО И КАК ДОЛЖЕН ПРИНИМАТЬ НОВУЮ КОНСТИТУЦИЮ РОССИИ *

Из статьи

В условиях «шоковой терапии» мучивший нашу общественность два последних года вопрос: как нам обустроить Россию? — явно уступил место другому: как жить, чтобы выжить? Однако вскоре нам предстоит вернуться к первому вопросу, отчасти потому, что правильный ответ на него является условием успешного решения второго, отчасти же потому, что приближается VI съезд депутатов России, а на него, как известно, вынесен доработанный проект Конституции Российской Федерации. Оставляя в стороне достоинства и недостатки проекта, разбор которых мог бы стать предметом особого большого разговора, хочу обратить внимание читателей лишь на один вопрос, вынесенный в подзаголовок статьи: кто и как должен этот проект принимать?

Ответ конституционной комиссии однозначен: весь народ на референдуме (см. ст.140). У общественности этот ответ возражений как будто не вызывает. Более того, кажется, что демократия в России наконец-то восторжествует окончательно: граждане сами выберут свою судьбу, свое будущее. Однако это лишь на первый взгляд.

Отечественный опыт в очередной раз убеждает: народ не всегда прав, а «глас народа — глас Божий» — истина только в метафизическом, всемирно-историческом смысле, — в том смысле, что рано или поздно народ находит дорогу к истине, а история ставит все точки над «i». В конкретной же политической ситуации, особенно кризисной, мы сплошь и рядом слышим не глас народа, а крик отчаяния, которое толкает людей либо на то, чтобы слепо идти за национальными элитами, либо голосовать за крайние политические течения.

Тем более неприемлемо всенародное голосование в той форме, какая предлагается разработчиками, т. е. за Конституцию в целом. Мне не приходилось встречать данные социологических опросов, однако личный опыт общения с избирателями свидетельствует: добрая половина их не прочла и не прочтет проекта, а из оставшейся половины значительное большинство не подготовлено к тому, чтобы разбираться в юридических тонкостях. Тем и другим не останется иного выбора, как довериться случаю либо мнению политического деятеля и голосовать наобум. Кроме того, голосовать придется за полторы сотни статей и несколько сот параграфов сразу, а среди них есть очень хорошие, хорошие, средние, плохие и очень плохие. Сознательный выбор в такой ситуации более чем проблематичен, равно как и надежды с помощью плебисцитарной демократии увековечить конституционный строй: если кризис будет продолжаться и новой власти потребуется отменить Конституцию либо какие-то ее положения, эта новая власть сумеет не хуже нынешней овладеть общественным сознанием и провести референдум с заранее заданными итогами.

Говоря о всеобщей «зацикленности» на идеях плебисцитарной демократии, не могу не упомянуть курьезный, на мой взгляд, факт. В передаче Российского радио 1 декабря 1991 г. блока «Свобода и достоинство» депутат М. Салье не без основания иронизировала по поводу намерений принять референдумом новый конституционный проект. Однако взамен она предложила провести выборы в

Учредительное Собрание по партийным спискам и... приложить к каждому списку проект новой Конституции, разработанный данной партией! Другими словами, за один проект голосовать нельзя, поскольку нельзя одним махом одобрить или отвергнуть множество самых различных статей, а вот за десяток проектов — пожалуйста.

Поистине «умом Россию не понять!» А что проектов будет не менее десятка — в этом нет ни малейшего сомнения. Даже если предположить невероятное, что мы очень быстро от «дикой» многопартийности перейдем к современной партийной системе, представлены будут, как минимум, коммунистический, социал-демократический (возможно, в двух вариантах), либеральный и правоконсервативный проект экономического устройства. Помножим их на варианты устройства государственного (от унитарного до конфедеративного), а затем на возможные формы правления (от парламентской республики до, чего доброго, конституционной монархии) — и сразу увидим необозримое множество документов. Уверен: те, кто все это прочтет и сможет сознательно голосовать на референдуме, составят доли процента от общего числа избирателей. Следовательно, здесь мы имеем тот же подход, что и у конституционной комиссии, но многократно ухудшенный. Впрочем, улучшать путем ухудшения — это тоже в нашей национальной традиции.

Вполне понимаю разработчиков, которым хочется сохранить свое творение в целостности и не отдавать его «на растерзание» Российского съезда народных депутатов. Однако это все же меньшее из зол, ибо альтернатива ему — манипулирование народом посредством самого народа, т. е. худший вид манипулирования. В утешение авторам могу лишь напомнить, что на российском съезде депутатские поправки к Конституции в абсолютном большинстве своем не проходят, но зато легко принимается все, что предложено или поддержано руководством. Вспомним хотя бы, как II съезд народных депутатов Российской Федерации (первый из внеочередных) за 40 минут принял 16 поправок к Конституции, предложенных конституционной комиссией. Для сравнения могу сказать, что в США за 200 лет было принято 26 поправок.

Если же все-таки нам так мила плебисцитарная демократия, что жить без нее уже невмочь, следует вернуться к решению I съезда народных депутатов России и вынести на референдум основные принципы Конституции, сформулировав их предельно просто и четко, и желательно в альтернативной форме. Есть, разумеется, минусы и у этого варианта, но здесь мы, по крайней мере, проявим больше уважения к нашим согражданам.

Итак, решающее слово за российским съездом.

VIII СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИИ: ПАРАДОКСЫ И ВАРИАНТЫ *

Закончившийся VIII съезд народных депутатов России на некоторое время стал неиссякаемым источником мифотворчества, особенно для радио и телевидения. Чего только не обрушивали на головы ошарашенных слушателей: «коммунистический переворот», «превращение Президента в английскую королеву», «захват власти Советами» и т. д. и т. п. в том же духе. Дошло до того,

что распространенный радикальными демократами «проект постановления», предусматривающий увековечение депутатского статуса и передачу его по наследству, «Радио России» вполне серьезно представило как заветную мечту «консервативных» депутатов. И это в то время, когда каждому, кто не потерял память от шума, известно, что не только оппозиция, но и Председатель Верховного Совета накануне съезда выступали с идеей досрочных перевыборов и народных депутатов, и Президента Российской Федерации. Короче, эфирные «утки» плодились как инкубаторские цыплята, а количество и примитивность политических агиток, несомненно, приблизились к уровню, не скажу сталинской, но уж, по крайней мере, брежневской эпохи.

В подобных условиях тем более заманчиво начать анализ итогов съезда с парадоксального утверждения: решения, принятые депутатами, означают не что иное, как серьезный экономический подарок Правительству и почти бесценный политический дар Президенту. Понимая, как должен быть шокирован этим утверждением читатель, которому до сих пор говорили только прямо обратное, хочу тем не менее временно отложить объяснение и обратиться к анализу предсъездовской ситуации, которая была не менее парадоксальной.

Парадокс первый: нового референдума более всех требовали как раз те, кто с пренебрежением отверг результаты предыдущего (17 марта 1991 г.); сделать народ высшей судьей призывали силы, которые уже один раз презрели такой суд; обвиняли оппонентов в недоверии к согражданам именно политики, злоупотребившие этим доверием. Поистине ситуация, достойная королевства кривых зеркал!

Как бы трагична ни была ситуация на Украине, где в марте 1991 г. дружно голосовали за Союз, а в декабре того же года также дружно — против, но там все было сделано по правилам: результаты референдума отменили новым референдумом, в этом смысле украинский режим легитимен. У нас же результаты референдума о сохранении Союза отменил даже не съезд, а Президент России под аплодисменты большей части тогдашнего Верховного Совета. За отсутствием заключения Конституционного Суда о легитимности российского режима после этого пусть судит читатель.

Парадокс второй: на недостаток власти накануне и во время съезда громко жаловались как раз те структуры, у которых в руках уже полтора года находилась реальная власть больше чем в достатке де-юре, в избытке — де-факто. К разделению властей призывали руководители исполнительных структур, которые давно уже подмяли под себя законодательную власть, а время от времени, как это отмечено в послании Конституционного Суда, пытались подменить даже судебную.

В последнее время нас все время призывают покончить с всевластием Советов как наследием проклятого прошлого, однако такие призывы основаны на двойном, скажем так, лукавстве, и взывающие не могут этого не понимать.

Во-первых, всем известно, что при прежней системе Советы были не всевластны, а безвластны, выступали как придаток либо партийных структур, либо исполнительных органов. Никто иной, как нынешние «десоветизаторы» 3—4 года назад ходили на митинги с плакатами «Вся власть Советам» и исписали на эту тему горы бумаги.

Во-вторых, сколько бы ни поминали по делу и без дела 104 статью Конституции, якобы устанавливающую всевластие съезда, в России реально доминируют президентские и правительственные структуры. Доказывающие это факты общеизвестны:

на протяжении почти всего срока правления Президент России имел чрезвычайные полномочия, объем которых далеко превосходил уровень, принятый в цивилизованных странах, и даже когда эти полномочия закончились, продолжал некоторое время издавать Указы, ссылаясь на них;

в июле 1992 г. на сессии Верховного Совета Российской Федерации председатель Комиссии по социальной политике М. Захаров привел данные, согласно которым из 17 президентских Указов по проблемам социальной политики 16 противоречили законодательству Российской Федерации;

Конституционный Суд отменил 4 президентских указа.

Единая тарифная сетка, введенная Правительством, в нынешнем ее варианте противоречит, как минимум, Законам РФ об образовании и культуре, но действует сетка, а не Законы. По существу не выполняются постановления VI и VII съездов народных депутатов по социально-экономическим вопросам и т. д. и т. п.

Продолжать можно было бы сколь угодно долго, но и без этого ясно: с осени 1991 г. до весны 1993 г. исполнительная власть исполняла в основном лишь те законы, которые ее устраивали, в отношении же остальных делала вид, что их не существует. Впрочем, в кризисных ситуациях политики, избравшие курс «до основания, а затем...», нередко жалуются на недостаток власти, тогда как на самом деле недостает им совсем другого, на что жаловаться не принято. Теоретическую базу под такое, с позволения сказать, «разделение властей» подвел В. Шумейко на заседании съезда 13 марта, заявив, что проведение радикальных реформ несовместимо с соблюдением законов. К сожалению, эта мысль зампреда Правительства не была растиражирована средствами массовой информации.

Если же посмотреть на проблему чуть глубже, то очевидно следующее: чтобы получить власть и собственность, второй эшелон номенклатуры, которой был сосредоточен на республиканском, а отчасти и областном, уровне, стремился столкнуться с политическим Олимпом первый эшелон и сам занять его место. Сделать это легче всего было с помощью народа через выборы в Советы. Отсюда — просоветские настроения, которые три года назад доминировали у нынешних антисоветчиков. Теперь цель достигнута, власть в их руках, и Советы снова стали помехой номенклатуре, но уже подновленной. Вот почему многие бывшие коммунисты по должности стали теперь уже и бывшими демократами или «демократами за диктатуру». Вот почему они пытаются представить чуть ли не героем генерала Пиночета, которого чилийские демократы проклинают, как демократам и положено.

Называя вещи своими именами, приходится признать, что на протяжении полутора лет практически вся реальная власть принадлежала исполнительным структурам. Когда же законодатели попытались вернуть часть добровольно отданных или узурпированных партнером полномочий, возник шум о «конституционном перевороте» и «английской королеве». На самом деле ничего существенного со статусом российского Президента не произошло: он по-прежнему является Главнокомандующим армии, имеет право издавать

соответствующие законодательству Российской Федерации указы, обязательные на территории всей страны, а в правах по формированию Правительства значительно менее ограничен, чем его американский коллега.

Поправки к Конституции, принятые VIII съездом народных депутатов России и введенные в действие, во-первых, укрепляют Правительство, предоставляя ему право законодательной инициативы. На расширении полномочий Правительства, напомню, настаивал Президент. Когда же съезд выполнил это пожелание, народ стали пугать хаосом и анархией. Во-вторых, вступившая в силу поправка к Конституции предусматривает автоматическое прекращение полномочий Президента в случае роспуска им законно избранных органов власти. Поскольку механизм такого прекращения в Конституции не прописан, норма имеет лишь тот смысл, что в случае подобных действий Президента руководители исполнительной власти, а также силовых структур освобождаются от обязанности выполнять его указы и распоряжения. По-человечески обиду Президента на введение этой нормы в Конституцию можно было бы понять, если бы оно не было спровоцировано им самим и его советниками, когда на всю страну звучали заявления типа «их надо разогнать»! В-третьих, одна из поправок к Конституции предусматривает право Верховного Совета приостанавливать указы Президента до решения Конституционного Суда. Если учесть приведенные выше цифры и заявление господина Шумейко, это выглядит лишь как попытка обеспечить соблюдение законов в процессе проведения реформ.

Парадокс третий: накануне или во время трех последних съездов Президент Российской Федерации неоднократно намекал на возможность некоего «последнего варианта» действий, идущих вразрез с Конституцией, на которой он якобы не присягал, иначе говоря, на возможность государственного переворота. Однако министр обороны также регулярно заявлял, что слухи о государственном перевороте — ложь. Конечно, очень хочется верить министру обороны, однако не могут же серьезные политики признать, что Президент Российской Федерации распространяет ложные слухи о намерениях Президента.

Таковы парадоксы, которые диктовали съезду выбор одного из возможных вариантов линии поведения. Назовем эти варианты.

Первый вариант: референдум объявить несвоевременным, отменить или отложить на неопределенный срок. Как известно, именно этот вариант был принят съездом. Аргументы в пользу этого варианта хорошо известны и, вообще говоря, вполне убедительны. Не случайно за него высказались не только большинство депутатов съезда, но и два из трех инициаторов соглашения 12 декабря 1992 г. — Р. Хасбулатов и В. Зорькин. Тем не менее принятое съездом решение представляется мне тактически ошибочным. процитирую в этой связи текст, подготовленный мною для выступления на VIII съезде народных депутатов России: «Те, кто предлагает просто не формулировать вопросы и таким образом избавиться от референдума по принципу «нет вопросов — нет и проблемы», возможно, имеют юридические основания, но политически абсолютно неправы. В этом случае съезд берет на себя ответственность за срыв плебисцита и дает сторонникам президентской полудиктатуры мощные политические козыри. Я предлагаю съезду решиться на другой путь, на двухходовую политическую комбинацию.

Первый ход: съезд официально обращается к инициаторам референдума с

предложением, чтобы они выступили с инициативой о его (референдума) отмене.

Совершенно очевидно, что время для плебисцита сейчас крайне неблагоприятно: риск раскола общества и страны очень велик; надежд на свободное обсуждение вопросов в средствах массовой информации крайне мало; в случае референдума по Конституционным основам легитимность старой Конституции будет подорвана, а принятие новой останется под вопросом и т. п. В таких условиях политики с головой и чувством ответственности к референдуму стремиться не должны. И если инициаторы предложат съезду отменить постановление от 12 декабря 1992 г., его надо отменить как ошибочное, принятое с нарушением Конституции и регламента.

Если же инициативы со стороны уважаемого триумvirата или хотя бы одного из его членов не последует, необходимо решиться на второй ход: на съезде определить вопросы, выносимые на референдум».

Принятое же съездом решение привело к двоякого рода последствиям, которые, впрочем, нетрудно было прогнозировать заранее. Во-первых, часть населения России, до того проявлявшая полное равнодушие к референдуму, теперь собралась на него идти. Это вполне естественно: запретный плод всегда сладок. Во-вторых, люди, которые в последнее время либо призывали спасти демократию с помощью диктатуры (Полторанин, Бурбулис), либо оставить представительной власти декоративные функции (Шахрай), неожиданно опять выступили в роли защитников демократических прав народа. Рейтинг Президента и его команды пополз вверх, рейтинг съезда, и без того не очень высокий,— вниз. В этом и состоит тот самый бесценный политический дар Президенту, о котором говорилось в начале статьи. Кстати, экономическим даром Правительству исполнительная власть тоже не преминула воспользоваться: руководители Государственного банка России, Пенсионного фонда, Фонда федерального имущества и т. д. немедленно оказались в составе Правительства. Хотел бы ошибиться, но не исключаю, что на положении пенсионеров это скажется не лучшим образом.

Второй вариант: дать Президенту возможность провести референдум, что называется, на свой страх и риск. Если за решение, принятое съездом, активно выступали по преимуществу депутаты центристских фракций, то этот вариант получил поддержку значительной части «радикальных демократов» и определенного числа депутатов от оппозиции. При этом первые рассчитывали на победу Президента, вторые — на его поражение.

Если судить по результатам опросов общественного мнения, скорее всего не оправдались бы надежды обеих сторон, однако предпочтительнее следует оценить все же шансы радикалов. Разумеется, нечего и думать, что предложенные Президентом формулировки набрали бы 50% голосов от общего числа избирателей, что требует, согласно ныне действующему Закону «О референдуме», обязательного внесения изменений и дополнений в Конституцию. Однако есть основание полагать, что из числа граждан, пришедших на референдум, большинство высказались бы в поддержку Президента. В пользу этой гипотезы говорят следующие обстоятельства: а) рейтинг Президента стабильно выше рейтинга съезда; б) исполнительная власть, по существу, монополично распоряжается государственным телерадиовещанием, что открывает колоссальные возможности манипулирования общественным сознанием; в) отдавая команде

Президента право формулировать вопросы, законодатели еще более усиливали возможности такого манипулирования (чего стоит, например, вопрос о президентской республике в стране, где и без того существует президентская республика); г) в условиях авторитарно-патриархальной культуры инициаторы референдума наверняка попытались бы (и уже попытались) свести вопрос к выбору: Ельцин — Хасбулатов и тогда в действие, помимо всего прочего, вступал национальный фактор.

Итак, с юридической точки зрения, почти наверняка не выиграл бы никто, однако политическая победа, не исключая, досталась бы Президенту. Опираясь на относительное большинство своих сторонников, он стал бы затем либо оказывать моральное давление на законодательную власть, либо референдум был бы использован как мандат доверия. Для того, чтобы перейти к неконституционным действиям против съезда народных депутатов. Не пойдя на такой вариант, центристы, видимо, были правы с обеих сторон.

Однако в распоряжении съезда, как уже говорилось, был третий вариант, который в данной ситуации представляется мне меньшим злом. Суть его в следующем. Съезд объявляет референдум несвоевременным, официально обращается ко всем трем его инициаторам с предложением отказаться от этой инициативы. В случае, если Президент продолжает настаивать на референдуме, такое право ему предоставляется. Но при этом мы вправе спросить Президента и его советников, почему выносятся на референдум вопросы, имеющие несколько решений, а народу предлагают одно-единственное, так сказать, «единственно верное»? Почему устраиваются очередные выборы без выбора или выборы с единственным кандидатом, который непременно побеждает, вот только неизвестно кого?

Ответ ясен: господа хотят не выяснить мнение народа, а с его помощью утвердить свое собственное.

Уверен: ни по моральным, ни по политическим соображениям нам не следует блокировать вопросы, предложенные Президентом. Однако, если мы хоть немного привержены еще демократическим или хотя бы либеральным ценностям, нам следует не допустить манипулирования народом посредством самого народа. Мы обязаны обеспечить реальные возможности выбора и предложить на каждый из президентских вопросов альтернативные ответы. Это можно сделать, например, следующим образом.

1. Каким органом должна быть принята новая Конституция РФ:

- а) съездом народных депутатов РФ: да, нет;
- б) специально избранной всем народом конституционной ассамблеей: да, нет;
- в) вновь избранным Верховным Советом РФ: да, нет.

Обращаю внимание, что у Президента ничего не говорится о том, как будет формироваться конституционная ассамблея. Может быть, имеется в виду, что Президент намерен сам ее и назначить? Это будет, конечно, полным «триумфом демократии»!

2. Какой орган должен быть признан в новой Конституции высшим органом законодательной власти в РФ:

- а) съезд народных депутатов РФ: да, нет;
- б) двухпалатный Верховный Совет РФ: да, нет.

3. Какое из следующих прав граждан в области земельных отношений должно быть закреплено в новой Конституции РФ:

а) право владеть землей и передавать ее по наследству без права купли-продажи: да, нет;

б) право владеть и распоряжаться землей (т. е. продавать ее), ограничения которого установлены Конституцией и законами РФ: да, нет.

в) безусловное (ничем не ограниченное) право владеть и распоряжаться землей: да, нет.

Кроме того, поскольку президентская власть в России, как мне приходилось предупреждать еще на IV съезде народных депутатов России, стала источником постоянной угрозы для демократии, мы обязаны поставить вопрос:

«Согласны ли Вы с тем, чтобы в новой Конституции РФ был сохранен раздел о Президенте РФ?»

Иначе этот вопрос мог бы звучать так:

Какая форма правления должна быть закреплена в новой Конституции Российской Федерации?

а) президентская республика: да, нет;

б) парламентская республика: да, нет;

в) республика, в которой власть Президента и Парламента уравнивают друг друга: да, нет;

г) республика Советов: да, нет.

Совершенно очевидно, что наличие альтернативных ответов принципиально изменило бы распределение голосов на референдуме и практически наверняка исключило бы ситуацию, которая прогнозировалась как наиболее вероятная во втором варианте. Одновременно съезд получил бы возможность дополнить президентские вопросы еще одним — об одновременных досрочных выборах Президента Российской Федерации и народных депутатов Российской Федерации. Это представляется необходимым, ибо после VIII съезда страна вместо полновластия исполнительных структур получила элементы двоевластия, а двоевластие, как известно, прекращается обычно двумя способами: либо неконституционными, насильственными действиями, либо досрочными выборами. Разумеется, последнее гораздо предпочтительнее.

«Что вспоминать теперь о том, что не сбылось?» — может, однако, спросить читатель и будет неправ. Все сказанное отнюдь не разбор уже сыгранной шахматной партии. Если советники Президента и активных действий против законодательной власти выберут не введение президентского правления (что было бы аналогом ГКЧП, вероятно, с тем же исходом), а плебисцит, стороны вернуться на исходные позиции за вычетом юридической стороны дела, которое каждая толкует по-своему. В этом случае Верховному Совету России придется вновь принимать решение, перед которым недавно стоял съезд.

В заключение процитирую еще раз текст несостоявшегося выступления на VIII съезде:

«Уважаемые коллеги! Мы слишком часто слепо шли за политическими лидерами и поэтому не смогли ни уберечь наших сограждан от разрушительных экономических экспериментов, ни сохранить нашу Родину. Теперь я напоминаю Вам совет Иммануила Канта: имейте мужество пользоваться собственным умом!

Если мы воспользуемся этим советом, проявим хладнокровие и решимость, у нас есть шанс сохранить остатки демократии в России, а заодно и собственную честь!»

**ОТ ФАРСА К ТРАГЕДИИ,
ИЛИ ЧЕТЫРЕ ВОЗМОЖНЫХ ПУТИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА ***

Текст произнесенного выступления на IX (внеочередном) съезде народных депутатов Российской Федерации

Не кажется ли вам, что кризисы власти у нас повторяются все чаще и чаще? Причем, если обычно говорят, что история повторяется дважды: сначала в виде трагедии, а затем в виде фарса,— то мы, возможно, движемся от фарса к трагедии!

Парадоксально, но факт: на недостаток власти громко жаловались и продолжают жаловаться как раз те исполнительные структуры, которые имеют ее более чем в достатке де-юре, в избытке — де-факто. Ни для кого не секрет, что с осени 1991 года и до недавнего времени Президент Российской Федерации имел такие полномочия, какие и не снились ни одному из его коллег ни в одной цивилизованной стране!

Кончилось это развалом государственности, великой депрессией в экономике, агонией образования и культуры. Однако Президент просит все новых и новых полномочий, вот только неясно для чего: неужели у нас есть еще что разрушать?

Уже с весны 1992 г. Президент Российской Федерации то и дело намекал, а иногда говорил прямо, что собирается распустить Парламент, т. е. совершить государственный переворот. Правда, министр обороны столь же регулярно утверждал, что переворот — это слухи, а Парламент до последнего времени склонен был верить министру обороны, а не Президенту.

В конце концов прав оказался, конечно, Президент, а слухи подтвердились: страна, по существу, получила ГКЧП номер 2. Хотя теперь переворот пытались сделать без танков (по крайней мере пока), так сказать, в мягких перчатках. Правда, ранг организаторов стал выше: возглавил дело не вице-президент, а Президент. Но суть дела не меняется: даже в тексте Указа, который был скорректирован задним числом и отступает от телеобещаний Президента, его указы ставятся выше законодательных актов съезда и Верховного Совета. При этом там есть еще и ссылки на разделение властей! Думаю, от таких ссылок с Ш. Монтескье и другими идеологами этого принципа, будь они живы, случился бы инфаркт.

Вообще на месте советников Президента я бы осторожнее составлял послания Верховному Совету о конституционности. Если в это послание вводятся такие нелепости и юридические извращения, как «неконституционность Конституции», а единственным гарантом конституционности объявляется Президент, остается только записать от его имени фразу Людовика XIV: «Конституция — это я».

Единственное, что может оправдать господина Шахрая — вероятного автора этого документа,— это выступление господина Волкогонова, который говорил уже от имени даже не Конституции, а самой истории и почти произнес: «История — это я».

С претензией советников Президента быть главными толкователями Конституции связана и кампания травли Председателя Конституционного Суда. Уважаемые коллеги, бывшие коммунисты, а теперь уже и бывшие демократы! Неужели вы так быстро забыли август 1991 г.? Неужели вы не помните, за что

тогда упрекали Председателя Комитета конституционного надзора СССР Алексеева? Упрекали именно за то, что он пытался соблюсти юридические формальности, когда попытка переворота была очевидна! Почему же к Зорькину применяется другой стандарт? Или ваш принцип: демократия — это когда «наши» у власти? Ведь совершенно очевидно, что новые гэкачеписты начали отступать и придавать своим действиям более приличный вид именно потому, что в критическую минуту прозвучал голос Зорькина. Честь ему за это и хвала!

Действительная вина Конституционного Суда в другом: он до сих пор проявлял слишком большую мягкость по отношению к нарушителям Конституции. Не получили оценки ни беловежские соглашения, ни призывы Президента к разгону Парламента.

Итак, острейший политический кризис налицо и надо искать пути выхода из него. Таких путей можно представить себе четыре.

Первый и лучший путь — досрочные всеобщие выборы и Парламента, и Президента. Не секрет: мы оказались в ситуации, близкой к двоевластию, но не потому, что у Президента мало полномочий, а потому, что исполнительная власть хочет исполнять лишь те решения законодательной власти, которые ее устраивают, что дико для демократического государства.

Но если двоевластие возникло, из него история знает два выхода: либо полноценный переворот, либо досрочные выборы. Думаю, все согласятся: выборы гораздо лучше.

Поэтому я призываю: уважаемый Президент, уважаемые коллеги, давайте перестанем испытывать терпение сограждан, не будем тратить 25 миллиардов рублей народных денег и без всякого референдума примем поправки к Конституции и согласованные решения о всеобщих досрочных выборах. На них каждому из нас, а тем более Президенту, никто не мешает выставить свою кандидатуру. Выборы и будут тем самым вотумом доверия, который якобы кто-то мешает получить.

Второй путь — компромисс. Вещь эта очень заманчивая, но, во-первых, ее пробовали уже много раз, а во-вторых, компромиссы с теми, кто не уважает Конституцию, ничего хорошего дать не могут. Пройдет несколько месяцев, и мы услышим новое обращение, затем увидим новые указы, круче прежних. Это не разрешение кризиса, а его откладывание в долгий ящик.

Путь третий — импичмент, отрешение от должности. Не сомневаюсь: в стране с развитыми демократическими традициями был бы применен именно этот вариант. Президент США, заявивший по национальному телевидению, что его указы будут выше законов или что конгрессменов и сенаторов надо разогнать, был бы отстранен от должности в течение нескольких дней. Но у нас другие традиции: чем больше должностное лицо нарушает Конституцию, тем увереннее оно объявляет себя ее гарантом.

Правда, подписанный Президентом Указ отличается от обращения по телевидению, как вода от крови: вместо увольнения Ножикова и Мухи Ельцин принес им извинения; вице-президент Руцкой уже не идет на опрос в связке с Президентом; даже самого названия «особый порядок управления» в Указе уже нет!

Возникает вопрос, что это такое: провал в памяти или, быть может, шутка? Но

подобные шутки президентов в демократических странах заканчиваются ответными шутками парламентов в виде импичмента!

Несмотря на то, что для отстранения Президента от должности оснований вполне достаточно, этот вариант имеет ряд недостатков: во-первых, скорее всего, для него не хватит голосов; во-вторых, не вполне ясно, как поведут себя силовые структуры; в-третьих, для многих наших сограждан это решение будет выглядеть не вполне легитимным. Люди станут рассуждать примерно так: Президента избирал народ, он и должен решать судьбу Президента. Поэтому и третий путь представляется проблематичным.

Четвертый путь — референдум. Уважаемые коллеги, позволю себе напомнить, что я всегда выступал против референдума по Конституции еще тогда, когда большинство нынешних противников были «за». И сейчас считаю, что референдум в нынешней России, скорее всего, будет не формой народовластия, а формой манипулирования народом. И вот почему.

Во-первых, мы находимся фактически уже в ситуации чрезвычайного положения. Референдум в такой ситуации проводят только диктаторы и различного рода хунты. Так, в Германии в 1933 г. был проведен референдум о доверии курсу Гитлера, и что вы думаете — доверили.

Во-вторых, совершенно очевидно: нового референдума громче всех требуют те, кто не выполнил решений предыдущего — о судьбе Советского Союза. Сделать народ судьей в споре властей призывают люди, один раз уже презревшие этот суд, обвиняют оппонентов в недоверии к народу силы, бессовестно злоупотребившие этим доверием. Увы, нет никаких гарантий, что с новым референдумом не произойдет того же самого.

В-третьих, средства массовой информации, по крайней мере радио и телевидение, находятся, по существу, в одних руках, а потому все несогласные шельмуются и газетные «утки» плодятся с быстротой инкубаторских цыплят.

В-четвертых, действительно велик риск, что референдум станет еще одним толчком к разрушению Федерации, к разбеганию ее субъектов.

Все это так. Референдум — плохо, но лучше, чем полноценный переворот, поэтому, если ни один из трех предыдущих путей не будет реализован, нам остается только этот. Причем съезд обязан взять инициативу на себя и попытаться не допустить манипулирования народом России.

Во-первых, не может быть и речи о референдуме в апреле по Конституции и избирательному закону. Подавляющее большинство населения проекта Конституции не читало и не прочтет, избирательного закона вообще еще никто не видел. Заставлять людей голосовать за двух «котов в мешке» разом — значит потерять не только уважение к собственному народу, но и политическую честь.

Во-вторых, на референдум 25 апреля необходимо вынести вопрос об одновременных досрочных выборах Президента и народных депутатов либо два вопроса о выборах каждой из властей в отдельности. По сути, это поглощает вопрос о доверии Президенту, на котором он настаивал, но если Президент хочет, пусть и проводит опрос о доверии самому себе.

В-третьих, в постановлениях съезда должны быть заранее прописаны варианты решений при том или другом исходе референдума, иначе с его результатами будет то же самое, что и с результатами референдума о судьбе Советского Союза,

проведенного 17 марта 1991 г.

В-четвертых, новый закон о выборах до его принятия должен быть обсужден и согласован с основными политическими блоками и профсоюзами через механизм «круглого стола».

ОТКУДА ГРОЗИТ ДИКТАТУРА? *

Уважаемые коллеги, оставшиеся товарищи и возродившиеся господа! Я чувствую себя вправе напрямую обратиться к вам, представителям интеллигенции, по причине не только исключительной остроты политической ситуации, но и общности нашего социального и культурного статуса, как коллега к коллегам.

Второй раз в истории XX в. российская интеллигенция становится жертвой революции, которую сама же она идейно и духовно подготовила. Второй раз многие из нас, похоже, не вполне сознают, что происходит. Несмотря на «великую депрессию» в промышленности, на проваленный Указ № 1, на невиданное уже несколько десятилетий резкое ухудшение всех показателей состояния здоровья населения, на вытеснение высокой культуры культурой «торжествующей пошлости», на катастрофическую деморализацию — несмотря на все это, социологические опросы раз за разом показывают: инженеры, учителя и вузовские работники, врачи, творческая интеллигенция остаются общественными группами, более других поддерживающими Президента и его «команду». При этом почти каждый, с кем приходилось говорить, в своей профессиональной сфере прекрасно осознает надвигающуюся либо уже наступившую катастрофу. Однако на политических позициях это сказывается мало. Вот два стандартных аргумента, которые я читал и слышал много раз, в том числе от людей, близких мне по политическим ориентациям: нынешняя власть дала нам свободу; если Президент будет вынужден уйти в отставку, на смену ему придут радикалы типа Анпилова или Жириновского, которые эту свободу отнимут.

Полно, уважаемые коллеги. О какой свободе идет речь и с какими временами мы сравниваем нынешние? Если со сталинскими или брежневскими — да, свободы стало гораздо больше. Однако по сравнению с концом 80-х годов — заметно меньше, и «урезание» нарастает!

Разве брагинское телевидение свободнее кравченковского? Ничуть. Обработка населения перед референдумом по плотности и примитивности вполне достойна брежневской эпохи. Все омские опросы показывают, что отношение к Президенту в городе примерно 50 на 50. Среди же имеющих доступ к эфиру — 95 на 5. Свобода информации здесь и не ночевала! Одного этого в принципе достаточно, чтобы манипулировать народом как пушечным мясом в политическом артобстреле.

Но есть вещи и похуже. Не довольствуясь полным господством в эфире, все большее число получивших власть бывших демократов в открытую требуют свертывания демократии, а то и применения насилия. Спросите, где факты? Пожалуйста: вот Михаил Полторанин дает интервью радио «Свобода» в том смысле, что сам-то он не сторонник диктатуры, но «народ требует» (у нас все было «по просьбам трудящихся»); вот Сергей Носовец призывает Президента в нарушение Конституции распустить Парламент, т. е. совершить государственное преступление; вот депутат Виктор Миронов, главный государственный контролер

Москвы, направляет на имя Президента бумагу с требованием взять под арест Руцкого, Зорькина, Хасбулатова и наиболее активных депутатов; а вот уже сам Президент заявляет на всю страну, что подготовил на 26 апреля пакет мер, направленных против съезда и Верховного Совета, хотя и ребенку ясно, что на референдуме речь идет о пере выборах депутатов, а не об их разгоне. Он же, Президент, предлагает принять новую Конституцию Советом Федерации, в котором половину составляют председатели Советов, а вторую половину главы администраций, назначенные им же, Президентом, и, естественно, заглядывающие Президенту в рот. Если это называется демократической республикой, пусть мне тогда объяснят, что такое монархия с боярской думой, где, как известно, «царь приказал, а бояре приговорили».

А возьмите национальный вопрос. Сколько раз бывшие демократы критиковали известных радикальных оппозиционеров за национализм и часто были правы: если даже опустить моральную сторону вопроса, в многонациональной России государственный националистом быть не может, национализм как раз и ведет к разрушению государственности. Но что же мы видим сейчас? Почитайте рассуждения поклонников Президента, в том числе его «государева ока» в Омской области, о Хасбулатове как представителе чеченской мафии. Чем эти рассуждения в принципе отличаются от националистических выпадов господина Жириновского? Да ничем. Видимо, новая номенклатура полагает, что в политической борьбе все дозволено, и нисколько не озабочена соблюдением даже внешних приличий.

Кстати, Хасбулатова я не выбирал. За него Россия должна сказать отдельное спасибо Президенту Ельцину и бывшим демократам. Однако, как бы грешен ни был сам спикер, по отношению к нему требуется элементарная справедливость. Ведь добрую половину 1992 г. парламентские фракции «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы» требовали смещения Хасбулатова за то, что он якобы запретил селить чеченцев в московских гостиницах. Когда же это не подтвердилось, его объявили чеченским мафиози. Сколько же можно насиловать логику?

Уверен: переводить политическую борьбу в России в плоскость: Ельцин-то хоть русский, а этот вообще не наш,— значит разжигать национальную рознь. Следуя этому принципу, мы, пожалуй, начнем выяснять, а русский ли Ельцин, как это делает «Память», и т. д. и т. п. в том же духе до седьмого колена. Чем это кончается, мы видели в Германии 30-х гг. Если же говорить без примитивных агиток, Р. Хасбулатов, как это часто бывает с обрусевшими инонационалами, склонен, скорее, к русской державности и не всегда знает здесь меру.

Измена многих лидеров бывшего демократического движения своим собственным демократическим ценностям не случайность, а закономерность. Взяв на себя задачу разрушить прежнюю систему «до основанья, а затем...» и создать на ровном месте совершенно новую, они оказались в том же положении, в котором были французские якобинцы в конце XVIII в. или русские большевики после семнадцатого года. Одним из первых это, кажется, понял Г. Попов, который еще в 1990 г. в «Московских новостях» утверждал необходимость «административного насилия», «железной руки» и требовал внедрять рынок теми же методами, какими большевики создавали административный социализм. Не случайно проклинаемый чилийскими демократами диктатор Аугусто Пиночет стал едва ли не

национальным героем для многих бывших демократов в России. Если кто-то думает, что при Пиночете у них была, а у нас будет, свобода, пусть лучше изучает историю.

Теперь о том, кто может сменить Ельцина у власти. Не буду обещать лечь на рельсы, у нас и без того нет отбоя от желающих, но рискну сделать следующее утверждение: возврат к прежней системе в России уже невозможен, лидеры типа Жириновского к власти не придут. Вообще, возобновившаяся охота за «коммунистическими ведьмами» представляется мне зрелищем одновременно комическим и печальным. Комическим потому, что большинство бывших партфункционеров давно уже находятся либо в коммерческих структурах, где они успешно обменяли власть на собственность, либо в структурах государственных, где они получили и то, и другое.

Зрелище того, как одни бывшие члены бывших ЦК и обкомов борются с другими за чистоту новой идеологии, достойно пера Ильфа и Петрова. Грустно потому, что в коммунизме или прокоммунизме теперь постоянно обвиняются чуть ли не все сторонники парламентской демократии, включая левого либерала Н. Рябова и правого социал-демократа Р. Хасбулатова. Впрочем, еще в начале 1991 г. мне приходилось предупреждать о том, что «казарменный антикоммунизм» рано или поздно выльется в поход против демократии.

Как специалист и сторонник демократических ценностей должен сказать со всей определенностью: в настоящее время России несравненно больше грозит Пиночет, нежели Сталин, угроза диктатуры со стороны Президента Ельцина гораздо более реальна, чем со стороны лидеров радикальной оппозиции. И не потому, что Президент лично булыший авторитарист, чем, скажем, Жириновский, а потому, что в непосредственном его подчинении находятся армия, МВД, госбезопасность. Поэтому, когда я слышу, как искренние противники диктатуры собираются голосовать за «доверие Президенту» по принципу «из двух зол выбирают меньшее», в памяти моей невольно встают строки поэта:

«Как веруем и мы сами, не ведая, что творим!..»

Совершенно очевидно, что современная Россия оказалась в состоянии двоевластия. Совершенно очевидно, что из этого состояния никакие референдумы не выводят, а могут вывести «полномочный» государственный переворот либо досрочные выборы. Совершенно очевидно, что досрочные выборы гораздо лучше.

Вот почему всех, кто привержен дорогим для меня демократическим ценностям, я призываю: переизберите нас всех: и Президента, который не выполнил ни одного из своих положительных обещаний, и депутатов, которые в большинстве своем слишком часто бездумно голосовали «за», а то и сами провоцировали разрушительные решения.

Голосование за доверие Президенту может быть использовано как мандат на диктатуру. Поэтому лозунг демократических левых вообще и Партии Труда в частности: «Президенту Ельцину — нет! Досрочным выборам — да!».

РЕФЕРЕНДУМ: НЕ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ? *

Бывшая страна наша — Советский Союз — и государства, возникшие на ее обломках, помимо рекордов самовредительства, могли бы, пожалуй, претендовать

на мировой рекорд по проведению референдумов и прямых выборов в единицу времени. При этом через короткие промежутки времени и почти с равным воодушевлением граждане голосовали: за Союз и за полную независимость (Украина, Средняя Азия, Казахстан), за ликвидировавшего Советскую власть Гамсахурдиа и за ликвидировавшего власть Гамсахурдиа Шеварнадзе (Грузия), за Президента Эльчибея и за недоверие тому же Президенту {Азербайджан) и т. д. и т. п. и пр. В чем же причина поразительной податливости народов нашего бывшего Отечества, снова и снова идущих на поводу у политических элит?

Известный американский публицист левой ориентации Майкл Дэвидоу в ряде своих публикаций и выступлений на радио «Парламент» назвал такой причиной доверчивость народа, отсутствие у него политического опыта, справедливо подчеркивая, что любой другой народ при катастрофических результатах деятельности, подобных российским, немедленно сменил бы правящую политическую элиту или субэлику. Слов нет, доверчивость граждан России находится за пределами рационального объяснения. Народ наш вслед за своим великим поэтом мог бы вновь и вновь повторять: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад!» Однако достаточно очевидно, что такое объяснение лежит на поверхности и названная причина сама является следствием факторов более глубокого порядка.

И первый среди них — общеисторическая ситуация и страны, переживающей так называемую «вторую русскую революцию». Оставляя в стороне вопрос о том, какова эта революция и куда она нас в конце концов выведет: в светлое будущее или в светлое прошлое, — должен заметить, что при всем различии революционных и контрреволюционных переломов, которые знала история, все они характеризовались и некоторыми общими чертами, тенденциями. Одна из наиболее очевидных тенденций — так называемые «качели», т. е. маятниковообразные колебания настроений общественных групп, образующих массовую базу революций. Почти 150 лет назад об этом немало писал Александр Герцен — свидетель французской революции 1848 г.: «Массы полны тайных влечений, полны страстных порывов, у них мысль не разъединилась с фантазией, у них она не остается, по нашему, теорией, она у них тотчас переходит в действие... Оттого они иногда обгоняют самых смелых мыслителей, увлекают их поневоле, покидают середь дороги тех, которым поклонялись вчера, и восстают за других, вопреки очевидности; они дети, они женщины, они капризны, бурны и непостоянны».

Попросту говоря, в условиях, когда политически активное большинство народа, движимое ненавистью к прежней системе и надеждами на лучшую жизнь, с одной стороны, разрушает привычные устои экономического и духовного бытия, а с другой — страдает от возникающего хаоса, гражданам трудно принять сколь-нибудь взвешенное решение и просчитать последствия своих действий. Немаловажно и то, что в такой исторический период новые иллюзии плодятся почти столь же быстро, сколь низвергаются старые. Исключающие друг друга результаты референдумов и прямых выборов, с легкостью достигаемые правящими политическими элитами, как раз отражают нестабильность в обществе, приливы и отливы революции, а чаще — просто ее зигзаги.

Другим, и, может быть, не менее важным фактором, обеспечивающим

правлящим элитам почти беспроигрышную ситуацию на референдумах и прямых выборах, является смена методов политического управления. Если в советский период широко использовались методы принуждения, включая прямое насилие, то в настоящее время преобладает политическое манипулирование, и прежде всего при помощи средств массовой информации. Не секрет, что подобные методы широко используются во всех странах, в том числе самых демократических. Для нашего же Отечества исключительно важна именно новизна этих методов.

Во-первых, в предыдущую эпоху важнейшие решения принимались за спиной граждан, и это до смерти им надоело. Теперь политически активное население хочет непосредственно решать главные вопросы жизни страны, в том числе и такие, в которых оно не слишком хорошо разбирается. Регулярные опросы общественного мнения показывают, что за принятие новой Конституции референдумом высказались около половины респондентов, тогда как внимательно изучили хотя бы один из конституционных проектов считанные проценты.

Во-вторых, естественное стремление людей определять собственную политическую судьбу, не быть заложником чужих политических игр сочетается в наших условиях с глубоким наследием авторитарно-патриархальной культуры. Это выражается, в частности, в ориентациях на личности, а не идеи (концепции, программы и т. п.), а также в исключительной доверчивости к печатному или прозвучавшему по теле— радиоканалам слову. Вот примеры того и другого. В газете «Известия» от 6 февраля 1993 г. были приведены результаты опроса общественного мнения, показывающие, что 32% его участников в случае референдума по новой Конституции голосовали бы за президентский проект. И все бы ничего, как говорится, вольному — воля, да маленькая неувязка: в то время президентского проекта никто еще не видел. Официально он был опубликован, напомню, лишь после апрельского референдума! Невероятно, но очевидно: 32% опрошенных были готовы голосовать за какую угодно Конституцию, лишь бы ее предложил Президент!

Примеры другого рода связаны с влиянием средств массовой информации вообще и художественной интеллигенцией — в особенности на ход и исход последнего референдума. Как показали специальные исследования исход этот в крупных городах и регионах страны в значительной мере коррелирует с распределением времени в центральных и местных средствах массовой информации между сторонниками Президента и Парламента. Если учесть, что, по официальным заявлениям руководителей телерадиокомпании «Останкино», это распределение было осуществлено в пропорции 80% на 20%, и по некоторым оценкам, примерно 11% голосов из 58% Президент получил благодаря поддержке художественной интеллигенции (прежде всего представителей шоу-бизнеса), то ошибка большинства специалистов, прогнозировавших отрицательный ответ граждан на второй вопрос, не выглядит удивительной. Подчеркну еще раз: речь здесь идет не о правильности или неправильности той или другой политической позиции, а о мотивах и методах ее определения, выбора. Если, например, знакомый студент-историк, в общем мыслящий и знающий уже, где лево, где право, кто такие консерваторы, либералы, социал-демократы и коммунисты и чего можно от них ожидать, заявляет, что на референдуме будет голосовать как Кинчев, то совершенно очевидно, что преобладают здесь не рациональные мотивы, а

конформизм, воспитанный прежней системой и успешно использованный новой. Разница лишь в том, что прежняя система навязала себя народу грубо и примитивно, новая же, наряду с действительным расширением границ свободы, сплошь и рядом ее имитирует, создает иллюзии свободы. Оказавшись в однонаправленном информационном потоке, люди, сами того не замечая, принимают навязанную им свыше точку зрения как свою собственную. Не случайно ряд объективных зарубежных наблюдателей отметили, что в России в период последнего референдума использовались «шоковые» методы пропаганды, которые в цивилизованных странах в подобных случаях не применяются.

Сказанное, разумеется, не исчерпывает основных факторов плебисцитарного бума, равно как и секрета успехов в манипулировании народом посредством самого народа, однако дает возможность сделать прогноз вероятности дальнейшего использования референдумов в случае развития событий по одному из следующих политических сценариев.

Сценарий первый — позиционная борьба: обе ветви власти продолжают выяснять отношения между собой, но ни одна из них не отваживается на решительную атаку: и Президент, и депутаты стремятся «досидеть» свой срок до конца. При этом сценарий нового референдума в ближайшее время ожидать не следует, зато через год — полтора он достаточно вероятен. Предметом его, скорее всего, станет новая Конституция или блок конституционных вопросов, вызывающих несогласие между Парламентом и Президентом. Даже накануне истечения своих полномочий депутаты могут отказаться принимать Конституцию, разработанную президентской командой. И не потому, что в ней нет съезда — тогда это уже особенного значения иметь не будет, а потому, что, по мнению достаточного числа парламентариев, к которому принадлежит и автор этих строк, во всех президентских проектах нарушаются:

- а) баланс форм собственности в пользу частной,
- б) баланс полномочий федеральных властей — в пользу, естественно, Президента,
- в) баланс субъектов федерации.

Однако к весне 1995 г. если не будет принята новая Конституция или требуемые поправки к ней, лидеры исполнительной власти скорее всего попытаются воспрепятствовать новым выборам в прежние структуры. Тогда-то испытанное оружие плебисцита вновь будет расчехлено.

Сценарий второй — схватки. В случае реализации этого сценария инициатива подобного развития событий почти наверняка будет исходить от исполнительной власти либо в форме прямого роспуска Парламента и назначения досрочных выборов, либо в форме постоянных нарушений Конституции и законов, провоцирующих ответные действия.

В большинстве теоретически возможных вариантов борющимся сторонам для придания легитимности своим действиям потребуются новый плебисцит. Предположим, Президент распускает съезд народных депутатов и назначает (если назначит) выборы в постоянно действующий Парламент с функциями, которые сам же Президент и будет определять. Конституционный Суд, естественно, отменит это решение. Референдум останется единственным способом придать действиям Президента вид легитимности в глазах отечественной и международной

общественности.

Предположим, за нарушения Конституции, установленные Конституционным Судом, съезд народных депутатов отрешит Президента от должности. Президент наверняка не подчинится этому решению, ссылаясь на результаты референдума 25 апреля. И тогда уже Парламенту придется назначать новый плебисцит.

Вариант третий — компромисс. Законодательная и исполнительная власти договариваются между собой о совместных действиях в сфере социально-экономической политики и о согласованном ведении конституционного процесса. В этом случае вновь обращаться к населению необходимости нет, если, конечно, не воскреснет идея «проштамповаг» согласованный проект Конституции еще и всенародным голосованием.

Понимая, что политический прогноз, скорее, напоминает предсказания синоптика, нежели астронома, и не имея возможности дать подробную аргументацию, рискну высказать предположение: с позиций осени 1993 г. наименее вероятным представляется третий сценарий, наиболее вероятным — увы! — второй. При этом, однако, политическим группам, рассчитывающим в очередной раз прибегнуть к плебисциту как к средству утверждения собственного мнения, полезно иметь в виду два обстоятельства: во-первых, «маятник» общественных настроений близок к тому, чтобы качнуться если не влево, то, как минимум, в сторону от политики вообще, во-вторых, даже тот небольшой прорыв единого информационного «фронта», который представляет собой радио «Парламент» и «Парламентский час» на телевидении, заметно осложняет внушение населению иллюзий о безальтернативности нынешнего экономического и политического курса.

Итак, на вопрос, поставленный в заголовке статьи, с достаточной вероятностью можно ответить: Россию ждет новый референдум, и, возможно, не один. Однако уже следующая попытка политической элиты получить «отпущение грехов» может закончиться неудачей.

Усилиями революционеров из второго эшелона управления прежней системой Россия во второй раз в XX в. оказалась в ситуации двоевластия. Из этой ситуации история знает два наиболее вероятных выхода: досрочные выборы либо государственный переворот. Как специалист по политическим наукам, занимающийся теперь и практической политикой, уверен: одновременные или близкие по времени досрочные выборы законодательной и исполнительной власти, хотя они не гарантируют стабильности, несравненно лучше новых попыток переворота, новых ответных попыток импичмента и новых референдумов, результаты которых истолковываются теми, кому это выгодно, так, как им это выгодно, и реализуются тогда, когда им это выгодно. Чтобы иметь право утверждать: глас народа — глас Божий,— нынешние политические «пастыри» сами должны хоть немного верить в проповедуемую ими религию демократии, а не употреблять без конца имя Бога всуе, призывая спасать демократию с помощью «просвещенного» авторитаризма. Увы, в этом смысле остается лишь уповать на прекрасное далеко, ибо позиция правящей ныне в России политической элиты, несомненно, может быть выражена формулой: демократия — это когда «наши» у власти!..

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

ПРЕЗИДЕНТ И ПАРЛАМЕНТ В УСЛОВИЯХ НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СВЕРТЫВАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ФОРМИРОВАНИЕ АВТОРИТАРНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИИ: УГРОЗА ТОТАЛИТАРИЗМА ИЛИ ГАРАНТ ДЕМОКРАТИИ? *

* Подготовлено совместно с доцентом А. Е. Комаровым. Опубликовано на английском языке в сборнике «Левое и рабочее движение в бывшем СССР». Материалы информационного агентства «Экономика и демократия». — М., 1993. С. 11—29

«Что делать со съездом, который не вписывается в правовую государственность?», «Наша законодательная власть дожила до самого элементарного политического климакса», «Не съездить ли по съезду?» — такими и подобными им фразами пестрит сегодняшняя «независимая» «демократическая» печать. Еще перед VII съездом народных депутатов Российской Федерации (декабрь 1992 г.) С. Алексеев, бывший председатель Комитета Конституционного надзора (!) СССР и мэр Санкт-Петербурга, видный юрист-правовед (!) А. Собчак открыто предложили Президенту нарушить Конституцию и издать Указ о роспуске Гарламента, а сам Президент 20 марта попытался реализовать эту рекомендацию, объявив, что указы и распоряжения Президента выше любых решений съезда и Верховного Совета. При этом Б. Ельцин не раз заявлял, что позиция большинства депутатов — это «позиция дешевого популизма и откровенной демагогии, дезорганизации сложных преобразований и в конечном счете восстановления тоталитарной советской коммунистической системы».

Оставив на совести авторов вопрос о допустимости подобных призывов и действий в демократическом государстве, посмотрим, насколько обоснованны претензии к Парламенту? Действительно ли съезд и Верховный Совет консервативны, действительно ли они представляют собой силу, способную вновь качнуть маятник исторического развития России до отказа «влево»?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует, на наш взгляд, обратиться к недолгой, но бурной истории российского Парламента и проанализировать нынешнее соотношение партийных и фракционных сил (что, как будет показано ниже, не всегда совпадает). Но прежде о самих понятиях «левые» и «правые» в современной России, так как у нас на самом деле если не все наоборот, то, по крайней мере, многое не так, как на Западе.

Приблизительно до 1989 г. оценка тех или иных политических ориентаций в России (тогда еще в Советском Союзе) совпадала с общепринятой в цивилизованном мире: социал-демократы, социалисты и коммунисты признавались левыми; противники социалистической идеи в любых ее формах — правыми. Иначе говоря, как и во всем мире, критерием деления на правых и левых служило

отношение политических течений к идее социального равенства и, соответственно, ориентация на интересы общественных групп, выступающих в большей или меньшей степени либо его сторонниками, либо противниками.

Однако в 1989 г. эти общепринятые оценки общественных движений резко сменились на противоположные. В качестве ведущего, а зачастую единственного, ориентира на оси «право» — «лево» на словах было провозглашено отношение к демократии, а на деле — отношение к существовавшей тогда власти: левыми стали называть всех противников режима (и чем радикальнее, тем «левее»), правыми же — его сторонников.

Оставляя в стороне теоретические и социальные предпосылки такого сальто мортале, отметим лишь одно обстоятельство, в известной мере помогающее понять и ситуацию в Парламенте. Официальная пропаганда десятилетиями укрепляла в общественном сознании стереотип: лево — всегда хорошо, право — плохо. Теперь этот стереотип был использован против создавшего его режима. Вообще, ирония истории так называемой «второй русской революции» (точнее, реставрации) состоит в том, что «казарменно-коммунистические» идеи и представления сплошь и рядом используются для разрушения «казарменно-коммунистических» отношений. Последний пример — всеобщая ваучеризация, когда уравнительный раздел собственности будет иметь своим следствием скачкообразный рост социального и имущественного неравенства.

Испорченный политический компас облегчил новой элите (точнее, пополненному второму эшелону старой элиты) завоевание власти, но стал подводить при использовании властных полномочий. В результате началась «новая» переориентация, и ныне, весной 1993 г., все смешалось в отечественной политической пропаганде: на страницах одной и той же газеты, из уст представителей одной и той же партии или фракции Парламента те или иные политические движения называются то «левыми», то «правыми». Авторы данной статьи, как, уже надеемся, понял читатель, придерживаются общепринятого в политологии критерия деления политических течений на левые и правые.

Но вернемся к вопросу о российском Парламенте. Напомним, что идея двухступенчатого Парламента (Съезд — Верховный Совет) родилась в период перестройки и отражала объективную реальность переходного периода. В условиях рождавшегося многообразия социальных интересов и отсутствия классической многопартийной системы именно эта двухступенчатость позволяла (и позволяет, по нашему мнению, до сих пор), с одной стороны, учитывать доминирующие общественные настроения (за счет всего состава депутатского корпуса, работающего на местах), с другой стороны — законодательно обеспечить курс реформ (за счет работающего на профессиональной основе Верховного Совета).

Отражая вектор общественных настроений, Парламент России в первые два года своей деятельности шаг за шагом смещался вправо. В экономической сфере это проявилось в обосновании и законодательном закреплении курса на господство частной собственности, в политической — в передаче все новых и новых полномочий по управлению обществом от представительной власти к исполнительной под флагом разделения властей. В связи с этим уместно напомнить, что принцип разделения властей был сформулирован в период борьбы с абсолютной монархией. Считалось, что представительная власть — это власть,

отражающая интересы различных слоев народа, в то время как исполнительная — власть, представляющая правящую элиту. Разделение властей родилось, следовательно, из стремления ограничить власть элиты, ввести ее в законные рамки. Сейчас в России об этом забывают, и не случайно.

Свою, и немалую, долю ответственности несет Парламент России и за развал Советского Союза. Напомним, что именно I съезд народных депутатов принял «Декларацию о государственном суверенитете РСФСР», провозгласившую верховенство Конституции и Законов РСФСР над законодательными актами Союза; что Российская Федерация раньше западных стран признала в сентябре 1991 г. независимость Прибалтики; что Верховный Совет республики под аплодисменты ратифицировал Беловежские соглашения.

Результаты этих шагов хорошо известны. Проводимая новой правящей элитой политика неизбежно вела и продолжает вести к неуправляемому спаду производства, массовой безработице, обнищанию народа, разрушению всего хозяйственного механизма и, как следствие, к широкомасштабным социальным и межнациональным конфликтам. Под угрозой оказались не только перспективы оздоровления и реформирования экономики, но и демократические институты, целостность Российской Федерации.

В этих условиях в массовом общественном сознании все активнее стала намечаться «переоценка ценностей». Конечно, коренного перелома не наступило, но движение «вправо» если и не прекратилось, то, во всяком случае, резко замедлилось. Это не могло не сказаться как на деятельности Парламента в целом, так и на позиции отдельных его фракций.

В настоящее время в российском Парламенте насчитывается 15 политических фракций. Как уже отмечалось, фракции российского Парламента — совсем не то же самое, что фракции в парламентах развитых стран Запада (или развитых стран Востока).

Во-первых, они были созданы не перед выборами и не для них, а после выборов, задним числом, в большинстве случаев из бывших членов КПСС. В настоящее время большинство депутатов, входящих во фракции, беспартийны. Более или менее приближаются к однопартийности лишь фракции «Свободная Россия», которая объединяет членов Народной партии Свободной России, и «Коммунисты России». Довольно часто в рамках одной фракции сотрудничают депутаты, принадлежащие к партиям, отнюдь не находящимся в блоке, а иногда отмежевывающимся друг от друга. Например, в группе «Смена — Новая политика», по словам ее координатора О. Плотникова, состоят представители около десяти партий. Несмотря на провозглашение принципа, согласно которому каждый депутат может быть членом только одной политической фракции, некоторые сотрудничают в двух и более, а в начале деятельности Парламента находились даже такие, кто состоял одновременно в двух основных соперничающих фракциях: «Коммунисты России» и «Демократическая Россия».

Во-вторых, фракции весьма неустойчивы, постоянно происходят расколы, слияния и т. п. Ряд фракций, ярко заявив о себе на одном—двух съездах, сходят с политической арены («Объединенная фракция республиканцев и социал-демократов», «Гражданское общество», «Беспартийные депутаты») и на их месте появляются новые депутатские объединения (в конце 1992 — начале 1993 г.

зарегистрированы три новые фракции: «Родина», «Согласие ради прогресса» и «Свобода слова»). Численность фракций систематически меняется. Так, от фракции «Коммунисты России», которая первоначально насчитывала 355 депутатов, осталось на декабрь 1992 г. 68 депутатов. Среди покинувших эту фракцию и ныне, судя по официальным данным, числящихся в списке депутатов, не участвующих во фракциях, бывший Председатель Совета Министров РСФСР А. В. Власов, бывший секретарь ЦК КПСС Ю. А. Манаенков, другие бывшие партийные функционеры.

В-третьих, вследствие этих и других обстоятельств анализ результатов голосования членов различных фракций выявляет крайне низкие индексы групповой сплоченности. Исключение составляют, пожалуй, лишь «Демократическая Россия», «Радикальные демократы», отчасти «Коммунисты России», наиболее близкие к фракциям парламентских партий. Координаторы фракции «Демократическая Россия», подобно парламентским организаторам на Западе, регулярно анализируют результаты голосования своих членов и проводят с ними «разъяснительную» работу. Напротив, индексы групповой сплоченности в таких фракциях, как «Смена — Новая политика», «Россия», «Родина», сильно колеблются в зависимости от вопросов, по которым идет голосование.

В качестве примера можно привести результаты поименного голосования по президентскому проекту Постановления VII съезда «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации»:

Напомним, что в качестве альтернативных на голосование выносилось еще два проекта — от редакционной комиссии съезда и от субъектов Федерации. При этом 72 депутата (из 934 принявших участие в голосовании), или 7,7%, проголосовали за все три проекта!

В-четвертых, большинство фракций до сих пор не имеют четких платформ. Программные установки многих фракций, особенно правого фланга политического спектра, были сформулированы еще в период борьбы с КПСС и отражали лишь самую общую ориентацию их деятельности. Многих депутатов объединяют не столько эти платформы, сколько симпатии к определенным политическим лидерам и сформировавшиеся уже личные связи.

Например, «Левый центр — Сотрудничество» — это фракция генерал-полковника Дмитрия Волкогонова. Поэтому многие военные депутаты, а также депутаты, оказавшиеся в комитетах соответствующего профиля, стали членами этой фракции, хотя по своим «кулуарным» позициям они гораздо левее либеральных устремлений своего лидера.

Приведем несколько сокращенных самохарактеристик фракций российского Парламента.

«Коммунисты России»

Группа создана 19 мая 1990 г. на I съезде народных депутатов РСФСР, еще до организационного оформления Компартии Российской Федерации. В программном заявлении отмечается, что эта фракция социалистической ориентации, выражающая и отстаивающая конкретные жизненные интересы различных слоев населения России: наемных работников умственного и физического труда, коллективных и индивидуальных производителей, источником доходов которых являются личный труд и собственность, а также студентов, пенсионеров, других малоимущих граждан. Группа ставит целью сохранять и развивать достижения

советской формы власти, соединяя ее преимущества с выгодами парламентаризма. Главной целью провозглашается создание социального строя, основанного на преобладании коллективной и индивидуальной собственности, на идеалах свободы личности и демократии, способного обеспечить справедливость и благосостояние для большинства россиян.

«Аграрный союз»

Фракция была создана до открытия заседаний I съезда народных депутатов РСФСР, зарегистрирована 17 мая 1990 г. как группа «Продовольствие и здоровье». По настоянию группы на I съезде был решен вопрос о списании задолженности с колхозов и совхозов, созван II (внеочередной) съезд, утвердивший программу возрождения российской деревни. На V съезде группа перерегистрировалась во фракцию «Аграрный союз». Основными целями и задачами фракция считает законодательную защиту агропромышленного комплекса России, утверждение подлинного приоритета АПК, законодательное развитие решений II съезда народных депутатов о возрождении российской деревни. Фракция выступает за многоукладность сельской экономики, равенство всех форм собственности, за право крестьянина самому выбирать форму собственности и хозяйствования.

Фракция «Россия»

Возникла осенью 1990 г. как альтернативная «Демократической России» и «Коммунистам России». Члены фракции выступили не с позиций России в границах РСФСР, а той России, которая складывалась на протяжении тысячи лет. Программные положения фракции:

1. Россия — суверенное государство, созданное многонациональным российским народом, обеспечивающее достойную жизнь каждому советскому гражданину, свободное развитие всех наций, их культур, традиций и обычаев.
2. Добровольный союз суверенных государств как единое экономическое, социальное и политическое сообщество.
3. Духовное и нравственное возрождение народа.
4. Рыночная экономика. Развитие всех типов и форм собственности, прежде всего народных предприятий.
5. Социальная защищенность и социальная справедливость.
6. Правовое государство. Самоуправление народа, верховенство закона, разделение властей, многопартийность.

«Смена — Новая политика»

Организационно оформилась еще до I съезда народных депутатов как группа политиков нового поколения. Вначале поддерживала движение «Демократическая Россия», позже выделилась организационно, затем идейно. На VI и VII съездах выступила с резкой критикой Правительства, требовала коррекции программы реформ и осуществления антикризисных мер. Своими целями декларирует:

1. Стабильное демократическое государство, основанное на разделении законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, разграничении полномочий между различными уровнями государственного управления и местного самоуправления.
2. Развитое гражданское общество.

3. Цивилизованный рынок.
4. Национально ориентированное и социально ответственное предпринимательство.
5. Приоритет прав личности над правами наций и государства.
6. Интегрирование республики в мировое сообщество.

«Свободная Россия»

Фракция возникла в апреле 1991 г. по инициативе А. Руцкого, первоначальное название — «Коммунисты за демократию». В своей деятельности руководствуется программными документами Народной партии «Свободная Россия». Фракция заявляет о поддержке радикальных реформ при обеспечении социальной защиты населения, о политическом союзе с Президентом, оставляя одновременно за собой право конструктивной критики, коррекции решений и методов деятельности Президента и Правительства.

«Демократическая Россия»

Фракция зарегистрирована 23 мая 1990 г. и представляет собой одноименное движение. Своими программными установками определяет:

1. Становление и развитие гражданского общества, приоритет прав личности перед интересами групп (классов).
2. Всемерное развитие и приоритет частной собственности в условиях свободной конкуренции. Последовательная поддержка мер по приватизации, освобождению государства от функций монопольного производителя, распределителя и собственника.
3. Решительное противодействие попыткам реставрации тоталитарного военного коммунистического режима, росту влияния неофашистских, националистических и прокоммунистических сил.
4. Установление верховенства норм международного права над нормами внутреннего законодательства, за исключением Конституции и конституционных законов.
5. Поддержка тех шагов Президента и Правительства, которые направлены на реальные широкомасштабные экономические, социальные и политические реформы.

Представленные программные документы дают возможность утверждать, что спектр провозглашаемых фракциями российского Парламента экономических и политических позиций охватывает ориентации, характерные для более или менее левой социал-демократии, правой социал-демократии, социал-либерализма, леволиберальные и ярко выраженные праволиберальные взгляды. Уже платформа ЦК КПСС к XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, а еще более проект новой Программы КПСС были выдержаны в социал-демократическом духе. Социал-демократическая же партия Российской Федерации тяготеет, скорее, к социал-либерализму. И далее все политические течения как бы сдвинуты на одну ступень вправо.

В этих условиях традиционное деление на левых и правых не исчезает, но на первый план выдвигаются другие критерии, по которым различаются основные парламентские блоки.

Анализ расстановки политических сил в Парламенте позволяет выделить три

основные ориентации.

Во-первых, оппозиционный блок «Российское единство», объединяющий фракции «Отчизна», «Аграрный союз», «Россия», «Коммунисты России». Блок нельзя однозначно относить к «левым», в него входит широкий спектр политических объединений, от коммунистов до кадетов и христианских демократов.

Во-вторых, центристы, входящие в два блока: «Созидательные силы», объединяющий фракции «Смена — Новая политика», «Промышленный союз», «Рабочий союз — Реформы без шока» и «Демократический центр», в который вошли члены фракций «Левый центр — Сотрудничество», «Свободная Россия», «Суверенитет и равенство». Стратегические цели и практические действия этих двух блоков в настоящее время совпадают, хотя между ними и есть разногласия относительно глубины и формы предлагаемых изменений в осуществляемом Президентом и Правительством курсе реформ.

В-третьих, парламентская коалиция реформ, основу которой составляют «Радикальные демократы» и «Демократическая Россия». Хотя эта коалиция, образованная в апреле 1992 г. на основе индивидуального членства, на VII съезде не прошла перерегистрацию и формально перестала существовать, фактически она продолжает свою деятельность.

Вне стен Парламента эти политические направления поддерживаются, соответственно, объединенной оппозицией, «Гражданским союзом», блоком «Демократический выбор». С известной долей условности эти направления можно различать по следующим основным позициям.

Первое и главное — отношение к государственным интересам России. Блок «Российское единство» объединяет по преимуществу радикальных государственников, патриотов, а также национал-патриотов. Блоки центристских сил — умеренных государственников. Депутаты, входящие ныне в коалицию реформ, при наличии союзного Центра занимали ярко выраженную антигосударственную («антиимперскую») позицию. В настоящее время большая часть из них продолжает отождествлять государственническую позицию с «имперской» и при этом по-прежнему уповает на лозунг «Запад нам поможет». Меньшая часть пытается переосмыслить этот вопрос, что привело к созданию в Парламенте фракции «Согласие ради прогресса».

Катастрофические последствия разрушения Союза, ослабление хозяйственных связей между республиками в составе Российской Федерации, малый объем и неэффективность использования иностранной помощи, слепое следование Правительства рекомендациям МВФ привели к тому, что в обществе все яснее стала осознаваться необходимость опоры на собственные силы, интеграции республик СНГ. Это не могло не сказаться на депутатском корпусе, и позиции государственников, несомненно, укрепились.

Доказательством тому может служить, например, создание фракции «Родина», объединившей умеренно-правых государственников, которые прежде в большинстве своем входили в «Демократическую Россию». Еще более симптоматичны ностальгия по Союзу и стремление снять с себя ответственность за его разрушение, отчетливо прозвучавшие на VIII и IX съездах в речах не только Р. Хасбулатова, но даже и Б. Ельцина.

Второй критерий — отношение к методам и темпам преобразований. Именно к методам и темпам, потому что основное направление реформ — к рынку — оспаривается относительно редко.

В условиях России либерализация цен, а именно с этого начали Президент и Правительство, неизбежно вылилась в легализацию спекуляции как нового распределительного механизма, что, в свою очередь, привело к разорению основной части населения. Широко рекламируемая «приватизация через ваучеризацию», будучи по видимости разделом собственности, в действительности представляет собой ее передел и вследствие заниженной цены ваучеров позволяет обладателям торгово-бюрократического капитала купить предприятия даже дешевле, чем это можно было бы сделать напрямую, с аукционов.

Естественно, что в этих условиях коалиция реформ, выступающая за «шоковую терапию», жесткую монетаристскую политику, ускоренную приватизацию с упором на классическую частную собственность, минимальную («адресную») социальную защиту, стала утрачивать влияние в депутатском корпусе, «Российское единство» по этому поводу не имеет однозначной позиции, но в большинстве случаев ратует за восстановление государственного заказа и государственного регулирования экономики в переходный период, за приватизацию с широкими правами трудовых коллективов и более постепенную, более высокий уровень социальной защиты для малообеспеченных, хотя бы и ценой инфляции. Блок центристских сил занимает промежуточную позицию, как правило, акцентируя интересы производителей.

Таким образом, суть разногласий в Парламенте состоит не в том, двигаться или нет дальше по пути реформ (как пытаются представить дело Президент и его команда), а в выборе между неолиберальной и социально ориентированной (социал-демократической) моделями рыночной экономики. Число сторонников последней действительно увеличилось, о чем свидетельствуют цифры опроса народных депутатов в период VII съезда.

На вопросы анкеты ответило 317 депутатов, представляющих все парламентские фракции, что позволяет говорить о достаточной степени представительности полученных данных.

Третий критерий, по которому могут быть выявлены различия между основными парламентскими блоками, состоит в их отношении к демократии вообще, к конституционности и законности — в частности. И особенность нынешней ситуации состоит в том, что те, кого в России обычно называют демократами, действительно имели некоторые основания на это почетное наименование пока находились в оппозиции, когда страна переживала полосу демократического романтизма.

Символом романтических иллюзий этого периода, пожалуй, может служить требование народного депутата СССР Б. Ельцина образца 1989 г. ежегодно проводить референдумы о доверии политическому лидеру страны (тогда им был М. Горбачев).

В настоящее время, однако, ситуация поменялась коренным образом: именно из рядов «Демократического выбора» то и дело раздаются требования об установлении «просвещенного» авторитаризма, а депутаты, принадлежащие к

коалиции реформ, регулярно голосуют за дополнительные полномочия Президенту, а при случае — за роспуск или приостановку деятельности Советов. Аргументация такой позиции имеет, конечно, чисто идеологический характер — Советы клеймятся как «гнезда партократии». Символом нового этапа политической истории России, связанного с поворотом к авторитаризму, может служить заявление все того же Б. Ельцина, но теперь уже Президента Российской Федерации, о том, что снять его с должности может только Господь Бог,— заявление, свидетельствующее, что от прежнего имиджа демократического романтика не осталось более ничего.

Впрочем, дело в данном случае отнюдь не сводится к смене оппозиционной политической роли на властную. Корень проблемы глубже. Как известно, именно правым либералам досталась в России роль революционеров, разрушающих прежнюю систему, так сказать, «до основанья, а затем...». И как бы ни ругала нынешняя печать марксистов, жизнь в данном случае показывает их правоту: наиболее вероятным типом политического режима при смене общественных отношений является, конечно, авторитарный.

Надо иметь в виду — и в этом особенность российского политического спектра по сравнению с западным,— что сторонники жесткой власти, «железной руки» и т. п. как в стране, так и в Парламенте имеются у нас не только на краях политической палитры, но также и среди течений, более или менее близких к центру. Однако, во-первых, среди центристов их значительно меньше; во-вторых, оказавшись в оппозиции, бывшие приверженцы псевдокоммунистического авторитаризма активно используют те же антиавторитарные лозунги, которые некогда привели к власти «Демократическую Россию»; в-третьих, благодаря «своему» Президенту, формирующему «силовые» структуры исполнительной власти, именно бывшие демократы, как никто другой, располагают возможностями реализации своих новых авторитаристских тенденций и поэтому превратились в главную угрозу для демократии в России. Впрочем, подобными метаморфозами мировую политическую практику не удивишь. Достаточно напомнить, что прогрессивный либерал Клинтон, став Президентом, активно вмешивается в политическую ситуацию в России на стороне своего коллеги, тогда как ярко выраженный консерватор Киссинджер предупреждает Правительство США об опасности такого вмешательства.

Излишне говорить о том, что эта новая ситуация не только не фиксируется российскими средствами массовой информации, но в их кривом зеркале выворачивается наизнанку. Так, стоило Председателю Верховного Совета Р. Хасбулатову предложить альтернативную правительственную программу экономической реформы, предполагающую большую роль государства, как он тотчас был обвинен в том, что пытается вернуть Россию к временам тоталитаризма, и, естественно, в измене демократии. Вообще в России сначала «отлучили» от демократии коммунистов (среди которых есть, безусловно, разные группы), затем социалистов, социал-демократов, а в последнее время «отлучают» и умеренных либералов. Если бы движение «маятника» вправо продолжалось, от демократии, не исключено, были бы «отлучены» Б. Ельцин и Е. Гайдар, а «истинными демократами» предстали бы только сторонники восстановления династии Романовых.

Четвертая позиция, разъединяющая политические блоки, характеризует их

отношение к социальным группам, составляющим новую экономическую и политическую элиту. Если блок созидательных сил вообще, а «Промышленный союз» в особенности, ориентируются на так называемый «директорский капитализм», на то, чтобы преимущественное положение среди новых собственников заняли бывшие руководители, прежде всего хозяйственные, то коалиция реформ, провозглашающая себя приверженцем либерального капитализма, на самом деле обеспечивает большую свободу нуворишам — новым предпринимательским структурам в значительной степени криминального характера. Впрочем, финал в обоих случаях будет одинаков — криминально-бюрократический капитализм. В одном варианте более бюрократический и менее криминальный, в другом — наоборот. Думаю, в этом аспекте борьба блоков будет ослабевать, а единство — нарастать. И закончится дело сращиванием теневого и бюрократического капиталов, как это происходило во многих странах третьего мира. Правда, правая часть «Российского единства» и блок созидательных сил отдают предпочтение национальному предпринимательству, а коалиция реформ сознательно или неосознанно работают в интересах компрадорского капитала. Поэтому с точки зрения экономического будущего страны победа линии «Промышленного союза» представляется меньшим злом.

Подведем некоторые итоги. Совершенно очевидно, что кочующие по страницам печати, волнам эфира и телеэкрана обвинения съезда народных депутатов России в антиреформизме и коммунистическом тоталитаризме представляют собой политические агитки не слишком высокой пробы. Во-первых, среди народных депутатов в настоящее время почти не осталось ортодоксальных коммунистов. Преобладают же в Парламенте правые социал-демократы, либералы и псевдолибералы разных мастей. Во-вторых, до недавнего времени съезд и Верховный Совет не только не мешали попыткам проведения экономических реформ по рецептам неоконсервативной чикагской школы, но, напротив, дали под эти реформы чрезвычайные полномочия Президенту. В-третьих, из истории хорошо известно, что угроза установления тоталитарного или авторитарного режима исходила, за крайне редким исключением, не от представительной, а от исполнительной власти. Представительная власть чаще всего и выступала как основа демократии. Несмотря на все реальные и мнимые недостатки нынешнего съезда народных депутатов России, это утверждение относится и к нему. Действительные же пороки Парламента, позволившие политическим лидерам в большинстве случаев успешно им манипулировать и сделавшие его соавтором политической трагедии страны, во многом связаны с его квазифракционной структурой, о которой подробно говорилось выше.

Совершенно очевидно, что в ближайшем будущем создание в российском Парламенте фракций по типу развитых стран Запада практически невозможно. Идея о том, чтобы разбиться, наконец, на коммунистов, социалистов, социал-демократов, либералов и неоконсерваторов, не раз высказывалась в парламентских кулуарах, в том числе и автором, однако не находила поддержки. Приверженность лидерам и личным связям оказывалась сильнее. Видимо, псевдофракционная структура российского Парламента будет сохраняться до самого конца, облегчая манипулирование им и ослабляя левый фланг политического спектра.

Но и после новых выборов, которые представляются необходимыми, вряд ли

можно ожидать возникновение Парламента с небольшим числом партийных фракций. Наиболее вероятный вариант — Парламент польского типа с множеством микрофракций, не способный принять сколько-нибудь кардинальных решений. Множество мелких враждующих парламентских группировок позволяет исполнительной власти бесконтрольно проводить собственную линию и при этом, во-первых, сохранять легитимность, а во-вторых, списывать провалы экономической и социальной политики на мешающий ей Парламент, превращая его в «козла отпущения» и объект ненависти широких слоев народа. В случае необходимости это даст возможность ввести «по просьбам трудящихся» авторитарный режим.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА IV СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР

21 МАЯ 1991 г. *

- Опубликовано: Четвертый съезд народных депутатов РСФСР. 21—25 мая 1991 года. Стеногр. отчет. Т. 1.— М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1991. С. 80—82

Уважаемые Уважаемые коллеги! Безусловно, вопрос, который мы сегодня обсуждаем,— один из важнейших. Я не был поклонником президентской власти ни тогда, когда она вводилась в Союзе, ни тогда, когда она вводилась в России. Но теперь прошел референдум, и вопроса, вводить ли президентство в России, больше нет. Воля народа выражена однозначно: Президент в России будет. Вопрос только в том, каким будет этот Президент.

Я должен сказать, что концепция закона, который принят Верховным Советом, в целом меня устраивает. Вместе с тем при всем уважении к Верховному Совету мне представляется, что Закон «О Президенте РСФСР» не свободен от серьезных недостатков. На один из этих недостатков я уже указал, когда задавал вопрос уважаемому Сергею Михайловичу Шахраю. Действительно, приостанавливая членство будущего Президента в любой политической партии, мы не заботимся о том, чтобы он не занимался коммерческой деятельностью. В принципе, не нарушая Конституцию и закон, наш Президент может стать, скажем, банкиром или заодно президентом какой-либо компании, что запрещено во всех цивилизованных странах. Объяснения уважаемого Сергея Михайловича Шахрая меня не вполне убедили, поэтому мне представляется, что поправка к статье 1 законопроекта абсолютна необходима.

Посмотрим теперь на статью 8, которая предусматривает, что съезд или Верховный Совет Российской Федерации может отменить указы и распоряжения Президента лишь по представлению Конституционного Суда. Однако хорошо известно, что бывают решения, вполне законные с точки зрения права, но неверные по существу. Например, недавнее применение войск в Баку, видимо, законно, но я совсем не уверен, что оно правильно. В таком случае ни Верховный Совет, ни съезд народных депутатов исправить ошибку не смогут. Надо обязательно в статью добавить, что отменять решения, распоряжения и указы Президента Верховный Совет может и по заключению Конституционного Суда.

Обратимся далее к статье 5, пункту 5. Этот пункт представляется мне

неприемлемым, потому что он почти полностью выводит Правительство из-под контроля Верховного Совета. Депутаты смогут повлиять на Правительство практически два раза за пять лет. Один раз, когда дадут согласие о назначении премьера, второй раз, когда дадут такое же согласие на отставку Правительства. Наш Парламент в этом случае превратится по преимуществу в Гайд-парк. Случись, скажем, новое дело о каких-нибудь новых миллиардах, депутаты не смогут отправить в отставку провинившегося министра, если этого не захочет Президент.

Мне кажется, что при наших генсековских традициях снимать контроль с исполнительной власти очень опасно, мы можем легко получить новый вариант авторитарного режима.

Поэтому я призываю всех, кто действительно заботится о демократии в России, о ее демократическом будущем, не принимать некоторых положений Закона. Мне представляется, что надо поручить соответствующей редакционной комиссии принимать поправки к законопроекту и Конституции, надо провести нормальное по-статейное обсуждение. Если уж мы приняли неудачное решение: сначала Закон, а потом Конституцию, то в постановлении надо было лишь в основном одобрить концепцию Закона, а затем внести в него изменения, которые пройдут в Конституцию, и только по-статейно.

И последнее — о сроке. Конечно, 22 дня от регистрации кандидата до выборов Президента — это слишком мало, это ненормальная гонка. Она ставит известных кандидатов (в данном случае это наш Председатель, а также бывший премьер Союза) в неравное положение с кандидатами менее известными. Уже много раз говорилось на съезде о кризисе лидерства. А президентские выборы — это хороший путь для выявления новых лидеров. Жаль, что авторы законов, стремясь ослабить и без того слабую конкуренцию, лишили Россию такой возможности. Поэтому, мне кажется, что, по крайней мере на будущее, в Законе надо было бы указать, что от регистрации кандидатов до выборов должно пройти не менее трех—четырёх месяцев, как в цивилизованных странах. Я заканчиваю. Прошу учесть эти предложения и нормально, спокойно принять Закон о президентстве на этом съезде. Спасибо за внимание.

МИФЫ ПЯТОГО СЪЕЗДА *

* Опубликовано: Вечерний Омск.— 1991.— 9 августа. С. 1—2

Отшумел торжественный акт приведения к присяге первого Президента Российской Федерации. Отзвучали холостые выстрелы политических батальонов V съезда российских депутатов. И хотя съезд не завершен, а всего лишь прерван, время, как говорится, собирать камни.

Объективный политологический анализ результатов (точнее, причин безрезультативности) съезда необходим, тем более что революционные моменты человеческой истории всегда отличаются обилием мифов. Старая мифология

содержится больше, чем в прежних, но отнюдь не всегда. Эти новые мифы частью возникают потому, что люди не могут с абсолютной достоверностью предсказать, какой именно вариант исторического развития их ожидает после рушится, на смену ей приходит новая. Как правило, в новых мифах зерен истины завершения революции, и заменяют недостаток знания гаданиями, пророчествами и т. п. Частью же мифы создаются сознательно борющимися политическими силами, причем чем более общественное сознание отвернулось от старых мифов, тем скорее оно склонно верить новым, особенно если они имеют правдоподобный вид. Не зря говорится: лучшие сорта лжи приготавливаются из полуправды.

Но довольно общих замечаний. Обратимся теперь к богатой мифологии, которую породили ход и исход V съезда народных депутатов России.

Полумиф первый: причина безрезультативности съезда — великорусский национализм. Другими словами, основной кандидат — Руслан Хасбулатов — не получил большинства голосов, поскольку по национальности он не великоросс. Легко догадаться, что авторы версии — депутаты от северокавказских республик, которые на встречах с кандидатом ставили вопрос ребром: поскольку Президент — русский, вице-президент — тоже, место Председателя Верховного Совета должно принадлежать человеку нерусской национальности. Нередко говорилось прямо: «Вы должны отдать это место нам!»

Думаю, национальный аспект выборов Председателя не то, чтобы целиком выдуман, но, мягко говоря, сильно преувеличен. Возможно, он играл какую-то роль для небольшой части депутатов с невысоким общекультурным уровнем. Вероятно, если бы выборы Председателя были превращены в общенародные, как предлагали некоторые депутаты, роль этого фактора была бы весьма значительной. Однако объяснять национальностью претендента недобор им 120 с лишним голосов, необходимых для избрания, конечно, несерьезно. Кто-кто, а депутаты хорошо знают Руслана Хасбулатова как противника сверхсуверенизации республик в составе РСФСР, как сторонника единой и неделимой Российской Федерации. В конце концов, как показала история, именно обрусевшие инородцы могут стать более твердыми, нежели великороссы, проводниками идей российской «державности».

Таким образом, национальный фактор не столько мешал избранию Хасбулатова, сколько использовался его сторонниками как средство дополнительного морального воздействия. Ведь хорошо известно, что уважение к людям другой национальности на протяжении многих десятилетий является одной из наиболее характерных черт русской демократической интеллигенции. Так что «национальная гипотеза» — это даже не полу-, а, скорее, чертвертьправда.

Мы заметно приблизимся к правде, если к национальному фактору добавим личностный. Вспомним хотя бы диалог Руслана Хасбулатова и Сергея Шахрая, когда на обвинение в расколе демократических сил Шахрай жестко ответил, что дело не в раскольниках, а в кандидатуре. Действительно, при всем своем уме, силе характера и работоспособности Руслан Хасбулатов обладает и качествами, способными оттолкнуть даже принципиальных союзников. Иллюстрацией может служить следующий эпизод.

В последний день работы съезда Комиссия по соблюдению регламента в лице депутата Г. Задонского (кстати, известного деятеля блока «Демократическая

Россия») сделала первому заместителю Председателя Верховного Совета обоснованное замечание за нарушение процедурных норм. Реакция была столь же быстрой, сколь и недемократичной: Руслан Хасбулатов пригрозил Задонскому поставить на голосование вопрос о доверии Комиссии по регламенту. Этот случай, отнюдь не единичный, проливает свет на то, почему часть депутатов блока «Демократическая Россия» упорно вычеркивала обоих основных претендентов, а некоторые голосовали за Сергея Бабурина.

Уверен: личностный фактор сыграл в избрании Председателя Верховного Совета РСФСР значительно большую роль, чем национальный. Однако в споре Сергея Шахрая и Руслана Хасбулатова ближе к истине был все же последний: дело не столько в кандидатуре, сколько в расколе блока. Но об этом речь ниже.

Полумиф второй: съезд блокировала оппозиция, т. е. группы, выдвинувшие или поддержавшие кандидатуру Сергея Бабурина («Россия», «Аграрный союз», «Коммунисты России», «Отчизна»). Согласно этой версии, именно оппозиция не желала идти на компромиссы, тогда как правящий блок «Демократическая Россия» был к ним готов. «Упрямые» факты, однако, говорят об ином.

Во-первых, в условиях, когда голоса депутатов на съезде разделены примерно поровну, а соглашение о коалиционном руководстве не достигнуто, любой из кандидатов мог победить лишь с очень небольшим перевесом. В такой ситуации блокировать выборы способны всего лишь несколько десятков депутатов, что и происходило на практике. Действительно, несложные подсчеты показывают, что 5 человек, получив избирательные бюллетени, регулярно уносили их с собой, так сказать, «на память», а от 53 до 90 — вычеркивали обоих основных претендентов, когда те в очередной раз оставались вдвоем. Как скоро увидит читатель, в большинстве это были депутаты не парламентской оппозиции, которая поддерживала Бабурина, а правящего блока «Демократическая Россия». Цели такой линии не обнародовались, но в коридорах и курилках о них говорили открыто. Чаще всего о том, что нужно перенести выборы на осень, а за это время либо найти другую, более подходящую кандидатуру, либо оказать давление на несговорчивых, угрожая отзывом. Некоторые же хотели как можно больше дискредитировать съезд, чтобы быстрее его распустить.

Одно такое предложение было сделано с трибуны бывшим «радикальным демократом» (как сам он себя называл) В. Мироновым. Он предлагал распустить съезд народных депутатов и передать всю полноту законодательной и исполнительной власти Президенту Российской Федерации. Несмотря на неоднократные повторения, это предложение на голосование не было поставлено, а жаль: ведь тогда бы мы узнали, сколько российских депутатов жаждут авторитарного режима (попросту говоря, полудиктатуры) и в каких политических группах они находятся.

Во-вторых, компромисс, соглашение о дележе власти между парламентскими блоками действительно могли стать выходом из тупика. Однако винить в несговорчивости и упрямстве одну лишь политическую оппозицию было бы несправедливо. Пусть читатель обратит внимание на следующие факты.

1. Идею «большой коалиции» (т. е. выдвижение в Президиум представителей различных политических групп) на V съезде первым высказал Сергей Бабурин. Но Руслан Хасбулатов ясно дал понять, что в замык Бабурина не пойдет и будет либо

Председателем Верховного Совета России, либо профессором на кафедре. По крайней мере, таково было публичное заявление.

2. Сергей Бабурин лидировал на протяжении всего выборного марафона с разницей от 3 до 103 голосов. Но Руслан Хасбулатов лишь под занавес предложил ему место первого заместителя, да и то без гарантий и с многочисленными оговорками, затрудняющими создание коалиции.

3. Перед последним туром выборов Сергей Бабурин дал понять, что готов работать там, куда его выберет съезд, иначе говоря, и первым замом у Хасбулатова в том числе. Связку «Хасбулатов — Бабурин» поддержал Президент России Б. Ельцин, заявив, что это была бы очень хорошая пара. Однако вслед за тем выступил координатор группы «Россия» Н. Павлов и, выражая позицию части группы, заявил, что если Бабурин пойдет в заместители Хасбулатову, он, Павлов, не подаст ему руки. Кандидат оппозиции оказался, таким образом, заблокирован своей собственной группой. В ответ такой же ультиматум Хасбулатову был предъявлен одним из депутатов группы «Демократическая Россия». Крайности сомкнулись к удовольствию всех, кто хотел бы убедить народ в недееспособности съезда.

4. Наконец, под самый занавес съезда Сергей Бабурин сделал заявление, что постарается убедить своих сторонников не выдвигать больше его кандидатуру, но поздно. Руслан Хасбулатов расценил заявление своего соперника как слабость, однако, скорее, это была последняя попытка остановить падение престижа съезда народных депутатов России в общественном мнении и открыть дорогу избранию Председателя Верховного Совета.

Итак, сам Сергей Бабурин и большинство его сторонников были готовы к компромиссу не в меньшей, а в большей степени, нежели противники. Блокировали же съезд «непримиримые» «фундаменталисты» всех мастей из самых различных политических групп.

Полумиф третий, и главный: Руслан Хасбулатов — кандидат демократических сил, Сергей Бабурин — «Старой площади». Эта версия выглядит тем более правдоподобной, что Руслана Хасбулатова действительно выдвинула группа «Демократическая Россия» и поддержало большинство других групп, входящих в блок с таким же названием. Напротив, среди тех, кто поддерживал Сергея Бабурина, значится и группа «Коммунисты России». Все так, да не совсем, а может быть, и совсем не так.

Начнем опять с цифр. В первом туре выборов приняли участие пять кандидатов, получивших следующее количество голосов: Сергей Бабурин — 435, Руслан Хасбулатов — 342, Сергей Шахрай — 124, Владимир Лукин — 71, Василий Аржанников — 4. Сложив голоса последних четырех кандидатов, принадлежащих к блоку «Демократическая Россия», получаем 541 — вполне достаточно для победы во втором туре. Однако Руслан Хасбулатов набирает в этом туре 387 голосов против 485 у Бабурина. При этом 96 депутатов блока «Демократическая Россия» активно или пассивно бойкотируют выборы, а 50 даже предпочитают Бабурина Хасбулатову.

Вывод очевиден: блок «Демократическая Россия» по вопросу о кандидатуре на пост Председателя раскололся, Руслан Хасбулатов — кандидат не всего блока, а его основной части (около 75%).

Замечу, кстати, что раскол «Демократической России» — явление закономерное и предсказанное мною более года назад по опыту польской «Солидарности». Разница лишь в том, что «Солидарность» сначала взяла власть на всех уровнях, а потом начала делиться, тогда как «Демократическая Россия» правит пока лишь на республиканском уровне и в некоторых городах, в Союзе же и в большинстве областей выступает в качестве оппозиции. Иными словами, раскол начался несколько преждевременно. Впрочем, фактором, скрепляющим блок, по-прежнему остается его отношение к коммунистам и другим более или менее левым течениям.

В каких же депутатских группах следует искать «отступников», «белых ворон», нарушивших блоковую дисциплину? С трибуны съезда и в радикальной прессе в «измене» обвинялись две партии: Демократическая партия России (партия Травкина) и Социал-демократическая партия Российской Федерации. О последней было публично заявлено, что социал-демократы — почти такие же «бьяки», как и коммунисты, разве что парткомов не имеют. Как уже упоминалось, Руслан Хасбулатов обвинил в раскольнической деятельности Сергея Шахрая.

Основанием для упреков Демократической партии России и Николая Травкина послужило его резкое выступление на съезде, в котором и Хасбулатов, и Шахрай были обвинены, мягко говоря, в двойственности: поскольку они, с одной стороны, радикальные демократы, а с другой — члены КПСС, за их политические «грехи» отвечать будет некому. В случае чего радикальные демократы скажут, что они — члены КПСС, а КПСС — что они радикальные демократы.

Судить не берусь, насколько достоверна информация о поддержке Сергея Бабурина Демократической партией России и социал-демократами. Лидер последних О.Румянцев, по одной версии, рассказанной очевидцами, демонстративно уносил со съезда бюллетени для голосования, не желая поддерживать никого из кандидатов. Отмечу лишь в порядке курьеза политическую ситуацию, достойную пера Жванецкого: в Москве радикальные депутаты и газеты обвиняют социал-демократическую партию в поддержке Сергея Бабурина, а в Омске отделение той же партии пытается организовать его отзыв!

Приведу некоторые малоизвестные факты, проливающие дополнительный свет на поставленный выше вопрос о нарушителях блоковой дисциплины.

1. По свидетельству депутата М. М. — члена Комитета по правам человека, — часть либеральных депутатов этого комитета, возглавляемого С. А. Ковалевым, голосовала за Сергея Бабурина.

2. Депутатская группа «Смена — Новая политика» распространила на съезде документ, смысл которого состоял в критике руководства Верховным Советом со стороны Хасбулатова. Автор этих строк стал невольным свидетелем того, как координаторы этой группы предлагали Сергею Бабурина свою поддержку в обмен на отказ от того, чтобы в случае победы сделать Хасбулатова первым замом. Бабурин не согласился, считая, что за Хасбулатовым стоит большинство депутатов от республик в составе России, и тем самым лишил себя шанса быть избранным.

3. Координатор группы «Левый центр» С. С., выступая перед группой «Россия», предлагал снять с голосования обе кандидатуры. Однако он настаивал на том, чтобы Сергей Бабурин выдвигался до тех пор, пока «не снимется» Руслан Хасбулатов. Депутат той же группы, ленинградский рабочий и бывший социал-демократ Б. Б. активно агитировал депутатов против обеих кандидатур с тем,

чтобы открыть дорогу третьей — Юрию Ярову.

4. Депутат В. Пименов с трибуны объявил о разрыве с группой радикальных демократов после того, как она отказалась официально поддержать кандидатуру Хасбулатова.

Таким образом, депутаты блока «Демократическая Россия», не поддержавшие Хасбулатова, представляют по преимуществу группы «Смена», «Левый центр», «Российский союз» и «Радикальные демократы». Это те, кто выдвигал кандидатуры Лукина, Шахрая, а затем Ярова.

Но главное, конечно, не в том, что кандидатуру Руслана Хасбулатова поддержали отнюдь не все «демороссы». Более важно другое: ее поддержали влиятельные круги в ЦК КПСС.

Когда на съезде об этом первыми заговорили депутаты отколовшейся части «Демократической России», я высказал серьезные сомнения. Действительно, эта информация могла быть следствием а) желания оправдать позицию «раскольников»; б) стремления дезориентировать часть депутатов-руководителей, привыкших выполнять указания сверху; в) обоих этих стремлений вместе. Однако вскоре была получена достоверная информация о том, что высокопоставленный работник ЦК КПСС В. Б. предлагал Сергею Бабурину снять свою кандидатуру и перенести выборы на осень, а секретарь ЦК КПСС Ю. М. требовал, чтобы коммунисты голосовали за Хасбулатова, поскольку надо следовать договоренности между М. Горбачевым и Б. Ельциным.

Точки над «і» расставил сам Руслан Хасбулатов, который дал ясно понять, что в связи с переговорами между центром и Россией, а также и с ЦК КПСС РСФСР было достигнуто соглашение о кандидатурах на посты руководителей Верховного Совета РСФСР (но это значит, что и о его собственной кандидатуре тоже). Однако, воспользовавшись расколом в «Демократической России», руководители коммунистов соглашение не выполнили. Прибавлю к этому, что сам Руслан Хасбулатов — член КПСС и официально поддержан группой «Коммунисты за демократию».

Оставим в стороне вопрос о том, насколько этично заключать соглашения за спиной депутатов, которые узнают о них лишь к концу съезда, да к тому же эти соглашения не выполнять. К подобного рода «аппаратным играм» мы в своем Отечестве, увы, приучены. Обратим внимание на другое: приведенные факты представляют борьбу народных депутатов на съезде в совершенно ином свете. Руслан Хасбулатов оказывается общим кандидатом политических сил, стоящих за двумя Президентами — Б. Ельциным и М. Горбачевым, иначе говоря, единым кандидатом доминирующих структур блока «Демократическая Россия» и «Старой площади» (ЦК КПСС). Все это подтверждает известное заявление советника Президента Александра Яковлева о том, что М. Горбачев и Б. Ельцин — это не антиподы, не противостоящие друг другу фигуры, что в принципе они проводят одну и ту же линию.

Но чей же в таком случае кандидат Сергей Бабурин, какие силы его поддержали? Очевидно, это весьма пестрый политический блок, который включает:

коммунистов, которые либо не знали о соглашении между президентскими «командами», либо не подчинились им. Вероятно, они были поддержаны

руководством Компартии РСФСР, хотя Сергей Бабурин был в числе нескольких депутатов — членов КПСС, подписавших резкое письмо с критикой как М. Горбачева, так и И. Полозкова;

беспартийных с более или менее левой политической позицией. Таких сравнительно много в группе «Россия»;

очень небольшую часть членов блока «Демократическая Россия», которые либо недовольны лично Хасбулатовым, либо опасаются, что сосредоточение всей власти в руках одной политической группы приведет к новому авторитаризму. Для того, чтобы показать, что такая позиция действительно существует, процитирую по памяти высказывание депутата М. В., весьма правого и притом весьма умного человека: «Я раз за разом голосую за Хасбулатова, но хорошо понимаю, что за этой командой нужен глаз да глаз. Поэтому было бы неплохо, если бы Бабурин оказался первым замом».

Наконец, миф четвертый: избрание Сергея Бабурина остановило бы реформы в Российской Федерации, связало руки исполнительной власти в лице Б. Ельцина и И. Силаева. Здесь мы имеем дело с самой обыкновенной «агиткой», весьма далекой от реальности.

Во-первых, Сергей Бабурин не противник, а сторонник реформ, но несколько иного толка, чем те, что предлагает «Демократическая Россия». Судя по статьям и программному заявлению на съезде, его разногласия с лидерами «Демократической России» состоят не в том, проводить или не проводить реформы, а в том, какие и как проводить. Иначе говоря, борьба на съезде шла не между реформаторской и антиреформаторской линиями, а между кандидатами, выступающими за разные варианты реформирования страны.

Во-вторых, нельзя забывать о том, что российский съезд и Верховный Совет уже приняли основные постановления и законы, определившие направление экономической реформы. Отменить их при существующем раскладе сил практически невозможно. Кроме того, принятый Закон и конституционные поправки делают Президента и Правительство России весьма мало зависимыми от Верховного Совета. Социал-демократ О. Румянцев справедливо назвал этот вариант президентской власти смесью французской и латиноамериканской систем. Даже если бы Парламент захотел «связать» руки Президенту, сделать это было бы весьма затруднительно.

В-третьих, и главное: нельзя не видеть, что Верховный Совет Союза, возглавляемый А. Лукьяновым, и Верховный Совет России, возглавляемый Б. Ельциным и Р. Хасбулатовым, принимают, в принципе, однотипные экономические законы, различающиеся преимущественно в деталях. Борьба идет главным образом по вопросу распределения власти: и союзные, и республиканские структуры стремятся замкнуть на себя побольше управленческих функций. Однако в главном направление реформ совпадает: все мы движемся туда, куда несет нас «рок событий», а именно вправо. Почему так происходит — отдельный и большой вопрос. Но совершенно ясно: даже если бы Сергей Бабурин, собрав сотню таких же, как он, молодых и способных депутатов, попытался остановить реформы, он был бы раздавлен «колесом истории». Поэтому его заявление на съезде о том, что вектор реформ задан и речь может лишь идти о некоторой корректировке, было совершенно справедливым. Удалась ли бы такая корректировка, смог ли бы вообще

Сергей Бабурин справиться с разношерстным и бурным российским съездом — это уже вопрос другой, выходящий за рамки этой статьи.

В заключение о перспективе. Их три.

Первая — большая коалиция в варианте связки, предложенной Ельциным (Хасбулатов — Бабурин), — вероятно, лучший из возможных вариантов. Однако шансы на его реализацию не слишком велики: напомним, что на съезде за такую связку проголосовали около 490 депутатов.

Вторая перспектива — «размен ферзей»: оба главных кандидата «снимаются» и проходит «темная лошадка». Такой вариант более вероятен, но он имеет два минуса: выход из игры явных лидеров и сравнительно невысокий авторитет Председателя Верховного Совета.

Перспектива третья — продолжение блокировки съезда. Вариант наиболее опасный, ибо создается соблазн реализации предложений в духе депутата Миронова: передать всю власть Президенту, распустив представительные органы. При нашей политической культуре это может быть даже поддержано широкими слоями народа, но, безусловно, будет означать конец демократии.

На вопрос о том, хватит ли у депутатов политической гибкости и здравого смысла, ответит только осень.

ПРИВЕТ, ДЕМОКРАТИЯ! *

Опубликовано: Омское время. Приложение к газете «Коммерческие вести». — 1992. — № 0

Теперь пришло время рассказать о том, как и почему на V съезде депутатов России победила линия чрезвычайщины и демократия в республике была основательно урезана.

Вообще говоря, ничего неожиданного в этом нет. Специалистам хорошо известно, что революции, меняющие тип общественной системы, в абсолютном большинстве случаев, если не всегда, сопровождаются авторитарными режимами: от сравнительно мягких до чисто диктаторских. К тому же многие отечественные политики, боровшиеся за власть под лозунгом демократии, получив ее, стали требовать «административного насилия», «железной руки», «демократической диктатуры» (все выражения принадлежат Гавриилу Попову). Теперь эти требования стали реальностью. Тем самым была подтверждена справедливость утверждения, что Россия живет вопреки Гегелю: здесь все неразумное — действительно, а все действительное — неразумно. Каждое новое правительство жалуется на недостаток власти, но как только получает ее в избытке, выясняется, что не хватало ему совсем другого. Думаю, читатель догадывается, чего именно.

Съезду были предложены от имени Президента два проекта постановлений, в которых за обычными с виду юридическими формулами скрывался по существу переворот во всей системе власти и в методах политического управления. Один из проектов предусматривал запрет на проведение выборов до 1 декабря 1992 г., за небольшим исключением, и вместо этого назначение Президентом всех руководителей исполнительной власти, вплоть до районного уровня. Учитывая уже упоминавшийся «синдром девичьей памяти», которым поражено наше общество,

хочу напомнить: когда полтора года назад Борис Гидаспов, имеющий репутацию архиконсерватора, предложил Президенту Горбачеву назначить в края и области своих представителей, у тогда еще демократов это вызвало бурю возмущения, а Гидаспова объявили сторонником диктатуры. Теперь представители Президента — уже реальность. Идет назначение глав местной администрации, но об угрозе диктатуры почти никто не вспоминает. Видимо, опять «Юпитеру» позволено то, что не позволено «Быку».

Второй проект давал право Президенту издавать Указы, противоречащие российскому законодательству, и если Верховный Совет в 7-дневный срок не успеет приостановить или отменить эти Указы, они автоматически становятся Законами. В перерывах между сессиями Верховного Совета его функции в этом отношении возлагались на Президиум. Кроме того, любые законопроекты по вопросам экономики и управления российской Парламент имел право рассматривать только по представлению Президента или по согласованию с ним. Иначе говоря, вся система власти переворачивается с ног на голову: Президент становится главным законодателем, а Верховный Совет превращается в своеобразный Конституционный Суд, которому остается лишь решать, мириться или не мириться с незаконными Указами Президента. Что в этой ситуации остается на долю Конституционного Суда — ведомо одному Богу.

В нормальном парламенте такие законопроекты вызвали бы бурю. У нас же как бывшие коммунисты, так и бывшие демократы в большинстве своем спокойно «проглотили» попытку превратить Парламент в «фиговый листок» исполнительной власти. Говорю — большинство, но, по счастью, не все. Против проектов решительно выступила группа «Смена», объединяющая депутатов до 40 лет. Московская радикальная печать тут же объявила «Смену» наследниками «Коммунистов России», чем оказала последним незаслуженную честь: оказывается, чтобы защищать демократию, нужно быть коммунистом! На самом деле все, конечно, не так. Во-первых, группа «Смена» объединяет вовсе не коммунистов и даже не социалистов, а, выражаясь традиционным марксистским языком, буржуазных демократов, но демократов! Во-вторых, бывшая группа «Коммунисты России» состояла в большинстве из руководителей различных регионов и, даже оказавшись в оппозиции, далеко не всегда отстаивала демократию. Теперь же окончательно сформировался антидемократический блок из бывших коммунистов и бывших демократов. Это и определило исход съезда.

Но вернемся к группе «Смена». Молодые романтики демократии и, может быть, последние ее защитники действовали квалифицированно и решительно. Они провели через редакционную комиссию проекты альтернативных постановлений, которые удерживали развитие страны в рамках нормальной демократической практики, не давая скатываться к чрезвычайщине. Выступление группы «Смена», которое произнес ее координатор Андрей Головин, отличалось яркостью и убедительностью. Представляю читателю судить об этом самостоятельно, приводя отрывки из этого выступления.

«Сегодня противостояние идет не по старым линиям «правые — левые», «радикалы — консерваторы», а по принципу «разрушитель — созидатель».

«По существу же можно сказать только следующее: отказаться от права законодательной инициативы на любой срок ни один демократически избранный в

истории человечества парламент не имеет права, не покончив в тот же самый день политическим и моральным самоубийством. Лучше уж разойтись или быть разогнанным».

«Почему исполнительная власть считает, что в лице Верховного Совета она имеет врага или, по крайней мере, тормоз? Почему вместо нормального взаимодействия она предпочитает провоцировать депутатский корпус, пытаясь принимать решение за спиной представительной власти? Складывается впечатление, что кому-то опять необходимо создать в массовом сознании образ врага взамен скончавшегося Центра и покойной КПСС, чтобы было на кого взвалить ответственность за собственное бездействие и непрофессионализм».

«Предложена ли нам сколько-нибудь конкретная программа, реализация которой требует чрезвычайных полномочий? Нет, нам предлагают санкционировать очередной эксперимент над Россией, авторы которого сами не очень хорошо представляют себе, что же они затеяли. Единственный смысл всего происходящего — в очередной раз возбудить общественное мнение и на его волне восстановить свою падающую популярность».

«Если действительно Президент хочет либерализовать цены, для этого дополнительные полномочия не нужны: существует статья 23 Закона «О предприятиях и предпринимательской деятельности», где сказано, что любое предприятие свободно устанавливает цены на свою продукцию, кроме тех, которые установлены перечнем Совета Министров. Так зачем же называть ликвидацию этого перечня ученым словом «либерализация?»

«Рынка в нашей стране нет не потому, что у Правительства не хватает полномочий, а потому, что их слишком много. Вся экономика сейчас под контролем Правительства. Чтобы создать рынок, следовало бы скорее отказаться от части своих полномочий по управлению экономикой: перестать диктовать предприятиям, банкам, местным организациям власти».

«Либерализация цен таит в себе угрозу резкого спада производства и разрушения производственного и научно-технического потенциала страны, разорение нерентабельных предприятий может привести в разряд «лишних людей» миллионы квалифицированных рабочих, инженеров специалистов. Необходимо ясно представлять себе угрозу утраты накопленного «человеческого капитала», восстановление которого потребует десятилетий».

«Мы призываем и всех депутатов обеспечить Правительству нормальные условия для решения стоящих перед ним задач. Правительство должно заниматься не политическими интригами, а экономическими реформами. Обеспечить ему поддержку — вот первейшая задача Президента и Верховного Совета».

«Мы предлагаем создать систему цивилизованных отношений между исполнительной и законодательной властью. Если Президент хочет стать «новым Рузвельтом», надо помнить, что тот 100 первых дней не вылезал из конгресса, работал с ним над принятием неотложного пакета антикризисных мер. Надо перенять этот американский опыт выхода из их «великой депрессии», и сделать это поздно, чем никогда».

Обсуждение проектов шло по законам одновременно двух жанров: драмы и комедии. Достаточно сказать, что за один из президентских проектов проголосовали 618 депутатов, а за проект редакционной комиссии, отражающий совершенно иную,

если не противоположную линию,— 576! Таким образом, как минимум полторы сотни депутатов голосовали за оба проекта сразу, демонстрируя тем самым либо полную некомпетентность, либо абсолютную бесхребетность. Честь Парламента и российской демократии пытались спасти одни лишь депутаты группы «Смена», раз за разом выходявшие к микрофону и предлагавшие поправки, направленные против чрезвычайщины. Однако Сергей Шахрай, который, перейдя в резидентскую структуру, окончательно забыл о своем демократическом прошлом, используя свой авторитет и квалификацию для того, чтобы эти поправки «похоронить». Когда неожиданно для всех съезд принял поправку Председателя Совета республики депутата Рябова, резко ограничивающую диктаторские замашки исполнительной власти, именно Сергей Шахрай пригрозил съезду снять президентский проект вообще. Испуганный своей победой депутат Рябов стал срочно пере-рекраивать собственный текст. Надо сказать, основания для испуга были: на съезде циркулировали упорные слухи о том, что команда Президента настроена на разгон Парламента, а все тот же Сергей Шахрай уже не раз призывал Верховный Совет не делать дальнейших самоубийственных шагов.

В итоге деятельности Согласительной комиссии Парламенту позволили сохранить хорошую мину при плохой игре — вернули право принимать законы не только по указке Президента, но и по собственной инициативе. Несколько ограничен и «беспредел» исполнительной власти в кадровых вопросах: теперь для назначения глав администраций требуется хотя бы формальное согласие органов местной власти и народных депутатов России от соответствующих округов. Иначе говоря, в результате «торжества демократии» мы вернулись к принципу: царь приказал, и бояре приговорили. Я голосовал за все поправки группы «Смена», хотя и понимал, что поделаться уже ничего невозможно: исход борьбы предопределен блоком старой и новой номенклатуры.

В итоге мы получили то, что лидер социал-демократов Олег Румянцев справедливо назвал своеобразным чрезвычайным положением. Более того, Закон о чрезвычайном положении не дает Президенту ни права подменять Президента России, ни права назначать всех начальников сверху донизу. Постановлением же съезда такие права предоставлены. Все это тем более опасно, что президентская команда, как показала история с Чечней, склонна к силовым методам — сказывается наследие партийного и военного прошлого. Правда, нам говорят, что все это временно, что демократию мы «усыпляем» ненадолго, всего лишь на год. Потом реанимируем — и будет краше прежней! Но, во-первых, нет ничего более постоянного, чем временные чрезвычайные меры, а во-вторых, не зря Сергей Шахрай выступал против поправок «Смены» о прекращении деятельности постановлений 1.12.92 г. Значит, ЧП намерены продлевать.

Вспоминаю, как, вернувшись с союзного съезда, где Президенту Горбачеву были предоставлены значительно меньшие полномочия, депутат А. В. Минжуренко, тогда еще мой коллега, говорил о том, что структуры для диктатуры уже созданы, дело только за диктатором. Сейчас уже нечего прибавить к этим словам. Так что в прошлом высокопоставленные руководители, а ныне подследственные по делу ГКЧП могут спать спокойно в своих камерах: в части зажима демократии их дело живет и побеждает. Оно в надежных руках.

ВСЕ НЕДОВОЛЬНЫ.., НО ГОЛОСУЮТ — «ЗА»! *

* Опубликовано: Омская правда.— 1992.— 21 мая. С. 2

Когда вечером 21 апреля после окончания VI съезда народных депутатов России мы выходили из ворот Спасской башни, уже привычная группа людей, проходившая на Красную площадь по пропускам, скандировала: «Позор съезду! Позор съезду!» Думаю, бывшие безоглядные сторонники демократии, борцы против ГКЧП, ныне превратившиеся в поклонников легитимной полудиктатуры, т. е. своеобразного «ГКЧП в Законе», сами не слишком понимали, в чем и насколько они правы. Свежие впечатления, которыми я хочу поделиться с читателями, не вдаваясь в глубокий теоретический анализ, как мне кажется, могут пролить свет на этот специально запутанный вопрос.

VI съезд народных депутатов России примечателен, как минимум, в двух отношениях. Во-первых, он был, пожалуй, вторым съездом в нашей истории (после I съезда депутатов Союза), от которого чего-то ждали. Но не дождались. Двусмысленные и половинчатые решения съезда не удовлетворили ни сторонников «шоковой терапии», продолжающих верить или делающих вид, что верят, будто вслед за ампутацией одного желудка у нас быстро вырастет другой, так и противников правительственного курса. С этим, в первую очередь, связано и широкое недовольство съездом и падение его рейтинга в массовом сознании.

Во-вторых, пожалуй, ни одна организация со времен запрета КПСС не подвергалась такой массивной атаке со стороны государственных средств массовой информации России, как высший орган ее государственной власти. Не думаю, что объясняется это только рвением в выполнении заказа Правительства, хотя, безусловно, было и это. Вспомним: заявление Михаила Полторанина в Южной Корее о том, что все газеты должны поддерживать правительственные реформы, вызвало 2-недельные язвительные комментарии по радио «Свобода» и другим зарубежным голосам. По сути дела это заявление означало стремление работать без оппозиции, что для демократического сознания Запада звучит дико.

Но дело, конечно, не только в командах начальства. Полтора века назад Александр Герцен описывал ситуацию в российском обществе после поражения восстания декабристов в таких приблизительно выражениях: стали появляться «фанатики рабства». Одни из подлости, другие хуже — бескорыстно. Тоска по «твердой руке» ощущается в России уже давно. В последнее время в пользу «просвещенного» авторитаризма стали открыто высказываться Геннадий Бурбулис и Сергей Шахрай, которые определяют по существу всю неэкономическую политику Президента Ельцина.

Журналисты — тоже люди, и потому они не могут не поддаться общей смене настроения. А поскольку в любой стране основа демократии — именно представительная власть, она и стала объектом травли со стороны бывших демократов. При этом немалое число журналистов и комментаторов не брезговали ни свертхтенденциозностью, ни примитивными стереотипами, ни даже прямой ложью. Приведу лишь два примера.

Первый пример касается как раз вопроса о средствах массовой информации. Сколько было потрачено чернил, газетных площадей, эфирного и экранного

времени для того, чтобы доказать, будто депутаты собираются надеть на «свободную» прессу узду, ввести цензуру и т. п. Не поручусь, конечно, что никто не имел таких мыслей: в семье не без урода, а депутаты, как и корреспонденты, бывают разные. Однако если обратиться к проектам постановлений, подготовленным различными депутатскими фракциями, то ничего подобного в них обнаружить не удастся. Эти проекты предлагали выразить недоверие министру печати и руководителям государственных — я подчеркиваю: государственных, а не «независимых» телерадиокомпаний. Другая ключевая идея — обеспечить доступ парламентской оппозиции опять же к государственным средствам массовой информации. Другими словами, выдвигались элементарные общедемократические требования. Напомню, что, например, в Англии доступ к телевидению имеют все партии, представленные в Парламенте или выдвигающие определенное число кандидатов на выборах в Парламент.

Итак, на съезде депутаты добивались не ограничения, а расширения свободы информации для граждан, не введения, а ограничения цензуры, фактически уже введенной высокопоставленными российскими чиновниками от журналистики. Однако в кривом отечественном телеэкране и радиоэфире, действующем по принципу «испорченного телефона», все оказалось представленным как раз наоборот.

Второй пример — версия «о неграмотных» депутатах, которые мешают «высокопрофессиональному» Правительству вести страну «через тернии — к звездам». Речь идет, понятно, о постановлении VI съезда, предусматривающем некоторые дополнительные меры социальной защиты граждан.

Слов нет, для обвинения депутатов в неграмотности, к сожалению, есть некоторые основания: усиливать социальную защиту, продолжая идти курсом «шоковой терапии», — это все равно что черпать воду решетом. Формулируя иначе, социальная защита и «шоковая терапия» — это как гений и злодейство, две вещи несовместные. «Шоковая терапия» проводится не для социальной защиты, а для того, чтобы сбалансировать бюджет, окончательно опустошая карманы тех, у кого они полупусты, и помогая еще плотнее наполнить те, в которых и без того уже нет места. При нынешнем курсе нормальной социальной защиты быть не может — тут Правительство право «на все сто». Но большинство народных депутатов и населения пока еще этого не понимают (опять же к счастью для Правительства).

Иное дело — насколько правильно и профессионально выбран нынешний курс, насколько реальный ход реформ соответствует ожиданиям Правительства. И вот здесь легенда о профессионализме, мягко говоря, трещит по всем швам.

Во-первых, Правительство устами Президента Ельцина и первого вице-премьера Гайдара призналось, что предполагало значительно меньший по масштабам и к тому же постепенный рост цен. Спрашивается: на чем строились такие прогнозы? Ведь и ребенку было понятно, что в условиях монопольной экономики как только цены будут «отпущены», они взлетят до небес. Если Правительство действительно не могло предусмотреть таких вещей, — это недомыслие; если оно не хочет сознаться, что заранее планировало катастрофическое падение жизненного уровня, — это двоемыслие. Что лучше — пусть решает читатель.

Во-вторых, нам все время с восторгом говорят о новом «плане Маршалла», о

«золотом дожде», которым Запад готов нас осыпать. Однако сравним две цифры. По словам Егора Гайдара, России обещано 24 млрд. долларов под проценты, а по сообщению председателя Высшего экономического совета Владимира Исправникова, утечка капитала из Российской Федерации за последний год составила около 25 млрд. долларов. Если это так, мы имеем элементарную школьную задачу, в которой вода в бассейн поступает через одну трубу и вытекает через другую. Причем задача настолько проста, что вычислить ответ может любой нормальный первоклассник. Почему «профессиональное» Правительство не установило меры по ограничению вывоза капитала — вот это задача посложнее. Решается она с помощью политического анализа, который должен дать ответ на вопрос о социальных силах, на которые опирается и которым служит Правительство.

В-третьих, особо хочу сказать о мерах по социальной защите бюджетных сфер. Напомню, что не депутаты, а Президент России издал Указ № 1, которым установил средние ставки оплаты труда педагогических работников на уровне не ниже средней заработной платы в промышленности; не депутаты, а опять же Президент издал Указ № 296, которым обязал индексировать заработную плату в бюджетных сферах с учетом роста ее в промышленности. Почему же как только съезд поручает Правительству премьера Ельцина выполнять Указ № 1 Президента Ельцина, Правительство грозит отставкой? Если эти Указы неграмотны — зачем они издавались? Если они издавались по политическим мотивам, то кто здесь популист? Если, издавая Указы, ошиблись, то не правильнее ли было об этом сказать и отменить их?

Здесь я должен сознаться перед омичами, и в особенности перед работниками бюджетных сфер, в одном грехе: на съезде я сыграл против Правительства по его же правилам, используя его же собственную «крапленую карту». А дело было так. Выступая перед нами с докладом, вице-премьер России Александр Шохин заявил, что Правительство не против выполнять Указ № 1 в несколько скорректированном виде и что намеченное повышение заработной платы работников бюджетных сфер на 80% во II квартале текущего года как раз и означает реализацию положений Указа. Эти рассуждения навели меня на мысль о том, что если логика бывает формальная, математическая и, извините, женская, то, очевидно, и математика у потребителя и министра тоже разная. Вот несложный подсчет. Согласно розданным нам официальным материалам, средняя заработная плата в промышленности в январе 1992 г. составляла 1801 рубль, в феврале, по предварительным оценкам, — 2400. Если экстраполировать рост на ближайшие месяцы, то получим в марте не менее 3000, в апреле — не менее 3500, в мае — не менее 4000 рублей. В реальности, думаю, будет больше. В то же время в январе в сфере образования средняя заработная плата составляла 1096 рублей, и это включая вузы, где, согласно Указу № 1, ставки должны быть равны не одной, а двум средним заработным платам в промышленности. Легко просчитать, что, прибавив к этой сумме обещанные 80%, мы получим менее 2000 рублей, т. е., по крайней мере, вдвое меньше, чем средняя по промышленности. По данным ЦК учительского профсоюза, средняя ставка учителя в мае будет составлять не более 30—40% от заработков в промышленности. Так что правительственная статистика, как видим, была и остается «третьей формой лжи».

Учитывая все это, я предложил к проекту постановления съезда три поправки, из которых прошли две. Наиболее важная из них требует от Правительства обеспечить нормальное функционирование бюджетных сфер, включая выполнение Указа № 1 Президента РФ в полном объеме. Процедура голосования поправок была принята своеобразная. Аргументировать «за» или «против» не давали никому, кроме редакционной комиссии, да иногда еще представителю Правительства. Авторам удавалось сказать не более двух фраз. Вот тут я и сказал: «Прошу поддержать. Правительство как будто не возражало, а учителя и медики уже бастуют». Другими словами, вице-премьер Александр Шохин сделал вид, что собирается выполнять Указ № 1, а я сделал вид, что ему поверил и сослался на его согласие перед съездом. Думаю, это сыграло немаловажную роль в том, что из всех аналогичных поправок к проекту постановления в конце концов прошла именно моя. К сожалению, в окончательном тексте документа редакция поправки была сильно испорчена, но поднимать вопрос о восстановлении справедливости я не стал, боясь, как бы возвращение к обсуждению текста не привело к исключению этого пункта вообще.

Думал ли я, что Правительство будет теперь выполнять Указ № 1? Нет, ни минуты. Но решение съезда дает работникам бюджетных сфер вообще и учительству в особенности мощную правовую основу для защиты своих законных интересов и не позволяет уже Президенту отменить раз изданные указы.

Итак, заявления о том, что съезд будто бы пытался восстановить прежнюю административно-бюрократическую систему,— это ложь. На самом деле наиболее разумные депутаты пытались придать реформам другое направление, которое бы отвечало интересам большинства, а не 10% обладателей торгово-бюрократического капитала. Эти попытки — не позор съезда, а его достижение. Позор же состоит в том, что, набрав обороты критики правительственного курса, съезд в решающие моменты «выпустил пар в свисток».

Три дня при обсуждении депутатами политики Правительства звучала уничтожающая критика в его адрес. Ему инкриминировался спад производства, обнищание 90% населения, разрушение образования и культуры, превращение бывших культурных центров Москвы и Питера в грандиозные барахолки, разгул спекуляции и коррупции. Председатель подкомиссии по бюджету Вениамин Соколов уличил Правительство в сокрытии от Верховного Совета 30 млрд. рублей бюджетных доходов, а председатель Комитета по науке и образованию Владимир Шорин предложил передать этот вопрос в суд. Кстати, даже по официальным правительственным данным, за I квартал 1992 г. на нуждах образования и культуры было сэкономлено 15 млрд. рублей по сравнению с намеченными цифрами. И это при том, что библиотеки закрываются, школы не ремонтируются, а иные школьники и недоедают. Все эти дни устами депутатов говорили их разоренные и униженные избиратели, но... Но поправка депутата Исакова о признании экономического курса Правительства неудовлетворительным набрала лишь 354 голоса, а поправка депутата Степанова о недоверии правительству — лишь 176.

Сидя в этот момент в зале, я вспомнил, как в году 1983-м разбирались студентами классический анекдот о противоречиях социализма. Подозреваю, что автором его является Жванецкий. Сейчас модно вспоминать анекдоты «эпохи застоя». Сделаю это и я: безработицы нет, а никто не работает. Никто не работает, а

план выполняют. План выполняют, а в магазинах ничего нет. В магазинах ничего нет, а у всех все есть. У всех все есть, а все недовольны. Все недовольны, а голосуют «за»!

С тех пор и планы ликвидировали, и безработица появилась, и в магазинах все есть, но только не купишь, но последнее противоречие звучит актуально, как прежде: «все недовольны, а голосуют «за»!» Почему же так происходит?

О главной социальной причине мне уже не раз приходилось говорить: на съезде сложился блок старой и новой номенклатуры — гегемон нашей бюрократической революции. Но известную роль сыграли и два ложных стереотипа, весьма распространенных как среди депутатов, так и в массовом сознании. О них хочу сказать особо.

Стереотип первый — незаменимость Правительства. На протяжении трех недель нам вбивали в голову, что отставка Правительства — это гибель реформ и что альтернативной программы ни у кого нет. Кстати, с легкой руки двух бывших депутатов бывшего Союза эта мысль внедряется и омскими средствами массовой информации. Между тем каждый, кто хотя бы читает газеты разных направлений, не говоря уже о серьезной литературе, знает, что альтернативные программы есть, и не одна. Так, съезду была представлена подготовленная Высшим экономическим советом России брошюра под названием «Реформа без шока», предлагающая более мягкий вариант рыночных реформ. Мною на съезде была распространена «Антикризисная стратегия Партии Труда», разработанная также с участием зарубежных специалистов с серьезными научными именами.

Что же касается персоналий, то я хотел бы спросить: кто, кроме читателей журнала «Коммунист» и газеты «Правда», несколько месяцев назад знал Егора Гайдара и его команду: Александра Шохина, Алексея Улюкаева и других? Почему сейчас эта команда рассматривается как единственно возможная? Думаю, достаточно легко назвать несколько старших научных сотрудников, желающих стать вице-премьерами, и пару десятков младших научных сотрудников, желающих стать министрами, и создать новую команду, новое правительство. Если же говорить серьезно, то проблема, конечно, есть. Но, на мой взгляд, смена коней на переправе все же меньшее зло по сравнению с продолжением скачки бешеным аллюром по направлению к пропасти. Уезжая на съезд, я отнюдь не жаждал ничьей крови. Но, убедившись, что Правительство не собирается принимать более мягкие по отношению к населению варианты реформ, вынужден был голосовать за недоверие.

Стереотип второй: курс Правительства плох, Президент — хорош. Остается только удивляться, что в конце XX в. отечественное массовое сознание поднялось до уровня политического сознания российского мужика 200-летней давности. Помните лозунги крестьянских войн? «Царь — хороший, бояре — плохие». Нечто в том же роде и сейчас. При этом упорно «забывают», что Президент у нас не только назначает Правительство, но и сам исполняет обязанности премьера. Напрасно средства массовой информации твердят нам о «непопулярных мерах Гайдара», «ценах по Гайдару» и т. п. На самом деле это меры и цены Ельцина. Гайдар играет в правительстве, самое большее, третью роль. Невозможно принимать курс Президента, не принимая курса Правительства, и наоборот. Все это от лукавого: от лисы или зайца. Но именно такую тактику на съезде выбрали

многие депутаты. Она и погубила репутацию съезда.

Впрочем, у этих депутатов есть известное оправдание. В своей заключительной речи Президент более чем прозрачно намекнул, что если бы съезд проявил характер, его постигла бы судьба перуанского Парламента. Сценарий разгона высшего органа законодательной власти с некоторым флером законности подробно расписан Сергеем Шахраем в «Аргументах и фактах». Боюсь, не слишком много людей в случае нового ГКЧП встанет грудью на защиту Парламента, да и по большому счету Парламент этого не заслуживает.

Однако надо понимать, что конец законодательной власти будет, скорее всего, означать и конец демократии. Реформы в этом случае окажутся, как шутят мои студенты, «культпросветом», т. е. просветом между двумя культурами. Думаю, распустив съезд и Верховный Совет, команда Президента, мягко говоря, не стала бы спешить с новыми выборами. Другой возможный вариант — латиноамериканский: новые выборы в условиях чрезвычайного положения. Конец в обоих случаях известен.

Да, нынешний Парламент довольно часто выступает в качестве «фигового листка» исполнительной власти. Но в известном смысле он ее все-таки ограничивает. С его исчезновением в стране наступит полный беспредел. О том, что делает исполнительная власть, когда она оказывается вне контроля, лучше всего свидетельствует заявление Гавриила Попова, помещенное в том же номере «Аргументов и фактов», где и сценарий Шахрая. Как ни стараюсь, не могу припомнить другой такой страны, где бы столичный мэр в популярнейшей газете по существу предложил ни больше ни меньше, как официально установить таксы на взятки. Депутатский запрос Президенту по этому поводу подан, под ним стоит и моя подпись.

Но не думаю, что можно будет получить вразумительный ответ.

* * *

На следующий день после окончания съезда проходило заседание Комитета Верховного Совета России по науке и образованию. На этом заседании секретарь Комитета депутат И. В. Виноградова требовала принятия жестких решений, а в противном случае обещала начать голодовку перед резиденцией Президента с требованием либо выполнить Указ № 1, либо публично от него отказаться. Вспомнив, как та же Ирина Викторовна бросилась на съезде на защиту Президента от депутата Слободкина, я подумал было о непостижимости и загадочности русской души, но тут же себя остановил. Все гораздо проще и все правильно: дружно проголосовав накануне «за», на следующий день все снова вспомнили, что «все недовольны!»

Впрочем, было на Комитете и другое. На мольбы чувашских учителей о помощи, на объявление об учительской стачке член группы «Смена» депутат Олег Плотников ответил приблизительно следующее: «Пока вы будете выдвигать только экономические требования, никто не обратит на вас внимания. Если же предъявите политические, в Москве, может быть, зашевелится». Депутата спросили, какие именно политические? И он ответил прямо: «Правительство Бурбулиса, Гайдара, Ельцина — в отставку!» Учителя были слегка напуганы, но по существу депутат

Плотников правильно ставил вопрос. Выбор сейчас невелик: либо терпеть и молчать, либо начинать политическую борьбу за изменение курса. Съезд этого не сделал. Добиться этого могут теперь только сами работники, если решатся.

НЕ ТОСКУЙТЕ ПО ПИНОЧЕТУ! *

* Опубликовано с сокращениями: Правда.—1992.— 28 ноября.— № 177. С. 2

Снова и снова на встречах с избирателями, в очереди, в автобусе и в застольной беседе слышу я одно и то же: «Когда же наконец кончится этот бедлам? Хватит липовой демократии, наелись! Остановить этот беспредел может только диктатура!» И так далее в том же духе. Налицо явный поворот массового сознания от демократических иллюзий периода очарования революцией к авторитарным иллюзиям этапа чуть ли не всеобщего разочарования в ней.

А разочароваться есть от чего. Почти все благородные, демократические и слегка прекраснотушные лозунги, с которых начиналась наша революция, сменились на совсем иные, порой прямо противоположные: вместо повышения жизненного уровня — «шоковая терапия»; вместо социальной справедливости — демонстративная роскошь нуворишей и верхушки бюрократии на фоне бедности или нищеты большинства; вместо свободного труда — свободное предпринимательство, причем сплошь и рядом свободное от труда; вместо права работника быть хозяином своего предприятия — право денежного магната купить это предприятие вместе с работниками; вместо шумной заботы о пенсионерах, инвалидах и многодетных — объявление социальной защиты чуть ли не главным тормозом реформ; вместо возрождения культуры — ее невиданное «обмассовление»; вместо демократии — проповедь «просвещенного» авторитаризма.

К счастью власть имущих, народ в эпоху кризиса страдает «синдромом девичьей памяти». Ныне мало кто вспоминает, что популярность в народе лидерам межрегионалов и «Демократической России» принесла именно борьба за демократию, заслуживающая всяческого уважения. Увы, ныне бывшие демократы с той же страстью требуют новых и новых дополнительных полномочий Президенту (ДДР, «Демократическая Россия», Республиканская партия), «авторитарной» президентской республике (Сергей Шахрай), «административного насилия», «железной руки» (Гавриил Попов) и т. п.

В свое время межрегиональная депутатская группа требовала избрания руководителей государственных средств массовой информации на съезде народных депутатов с тем, чтобы сделать их независимыми от любой номенклатуры, однако обязанными проводить в жизнь линию высшего органа государственной власти. Когда такое же предложение я внес на III съезде народных депутатов России, против него дружно проголосовали Борис Ельцин, Сергей Шахрай, Руслан Хасбулатов и ... Иван Полозков!

Когда Михаил Горбачев получил от союзного съезда право проводить в жизнь экономическую реформу посредством президентских Указов, пресса, претендуя быть демократической, трубила о наступлении реакции. Когда же гораздо большие полномочия были даны Борису Ельцину, реакционерами были объявлены все те,

кто этому противился.

Если говорить прямо, то решения V съезда народных депутатов России, предоставившего Президенту чрезвычайные полномочия, по существу означали введение в стране своеобразного чрезвычайного положения, некоего ЧП без ГКЧП. Тогда было заявлено, что это только на год, исключительно во имя стабилизации положения и сохранения демократии. С тех пор положение непрерывно дестабилизируется, а демократия свертывается. Однако теперь нам вновь ~~говоря~~ нужны ~~дополнительные полномочия~~, а ~~отмена ныне~~ действующих представляет угрозу демократии.

Еще весной 1992 г., накануне VI съезда российских депутатов, Сергей Шахрай сформулировал в «Аргументах и фактах» дилемму, с его точки зрения стоящую перед Россией: либо «авторитарная» президентская республика, либо фашизм. Дилемма эта примечательна в двух отношениях.

Во-первых, как видим, о демократии речь уже не идет. Она стала для нас «непозволительной роскошью». Но тогда спрашивается: за что боролись? Не лучше ли было в таком случае последовать рецептам А. Миграняна и законным путем сформировать авторитарный режим на уровне Советского Союза? По крайней мере, крови пролилось бы гораздо меньше.

Во-вторых, трудно поверить, чтобы такой квалифицированный человек, как С. Шахрай, не понимал: авторитарная президентская власть в наших условиях — это не спасение от диктатуры, а, скорее всего, путь к ней. Причем путь кратчайший при любом из двух возможных сценариев развития событий.

Сценарий первый — выборы. Можно допустить, хотя мне не кажется это особенно вероятным, что отчаявшийся в результате экономических экспериментов и разрушения государственности народ России проголосует на выборах за кандидата в Президенты, склонного к милому сердцу Гавриила Попова «административному насилию» (например, за В. Жириновского). В этом случае модель авторитарной президентской власти, вложенная в конституционный проект того же С. Шахрая, это как раз то, о чем только и может мечтать подобный лидер и что обеспечит ему установление крайне жесткого политического режима легитимным или полулегитимным путем.

Сценарий второй — переворот, опирающийся на военную или иную силу. Проправительственным средствам массовой информации угроза такого переворота видится то в так называемой «красно-коричневой» (на самом деле красно-белой) оппозиции, то в Руслане Хасбулатове. Слов нет, в рядах противников нынешнего Правительства наверняка есть люди, готовые в случае чего свергнуть его с помощью насильственных действий. Однако мало хотеть, надо мочь. Пожалуй, офицерское собрание как ни что другое показало полную неспособность нынешней армии к подобным действиям. Что же касается Р. Хасбулатова, то позволю себе напомнить, что он не является главнокомандующим, не назначает министров внутренних дел, безопасности и т. п. Президент России был абсолютно прав, когда на пресс-конференции, посвященной годовщине путча, жестко заявил, что в России нет сил, способных осуществить государственный переворот. Абсолютно прав, за одним исключением. И это исключение... «команда» самого Президента.

К установлению открыто авторитарного режима Президента России подталкивают: очевидный крах политики «шоковой терапии»; угроза частичного

разрушения российской государственности; рост социальной и национальной напряженности; неравномерное движение вправо различных ветвей власти (Парламент в этом смысле отстает от Правительства); наконец, авторитарные традиции, закрепленные в политической культуре общества и личной культуре его лидеров. В подтверждение последнего приведу лишь несколько примеров.

На Западе уход Правительства в отставку — обычное явление. В России же в преддверии съезда средства массовой информации с ужасом вещают о намерении депутатов «свергнуть Правительство». Иначе говоря, голосование за отставку Правительства приравнивается к вооруженному восстанию, а депутаты — к матросам «Авроры». Невозможно представить себе, чтобы президент Соединенных Штатов, Франции или какой-нибудь другой цивилизованной страны грозил депутатам высшего органа государственной власти, заявляя, что он им чего-либо никогда не забудет или что «их надо разогнать». Точно так же невозможно представить себе, чтобы приближенный Президента, занимающий государственный пост, которого нет в Конституции, угрожал «стереть в порошок», предположим, Конгресс или Национальное собрание. В России же все это не только в порядке вещей, но и к тому же люди, делающие подобные заявления, посрамляя Тартюфа, больше всего беспокоятся за судьбы демократии.

Наконец, невозможно представить себе, чтобы в мало-мальски правовом государстве министр обороны вмешивался в политические отношения между Президентом и Парламентом, заявляя, что армия на стороне Президента, и прозрачно намекая на желание «укоротить» век законодательной власти и превратить очередную оттепель в «культпросвет» (т. е. просвет между двумя культурами).

Таким образом, и при политическом сценарии государственного переворота наиболее вероятно установление авторитарного режима именно «командой» Президента. И тем вероятнее, чем большими полномочиями его наделяет Конституция. Именно Президенту подчинены силовые структуры власти; моральные преграды для нелегитимных действий, судя по всему, давно пройдены; что же касается правовых запретов на разгон законодательной власти, то все тот же Сергей Шахрай предложил обойти их путем вынесения незаконного решения о роспуске съезда и Верховного Совета на референдум. Есть, конечно, еще проблема: реакция официальных кругов и общественного мнения стран Запада. Однако общественное мнение уже пытаются формировать четыре самых «демократических» министра, а официальные круги, как показывает их отношение к государственному перевороту в Грузии, сквозь пальцы смотрят на «нарушение демократии во имя демократии». В конце концов всем известна характеристика Рузвельтом Сомосы-отца: конечно, сукин сын, но наш сукин сын.

Интересно отметить, что противоречия Парламента и Президента отнюдь не так велики, как их изображают. Это некий аналог различий в программах «Демократической России» и «Гражданского союза», стратегические цели которых почти целиком совпадают (рыночная капиталистическая экономика), различаются же средства и сроки их реализации, а также те социальные группы, которым отводится роль лидера реформ. В случае «Демократической России» это новые предпринимательские структуры («нувориши»), обладатели по преимуществу торгового компрадорского капитала; в случае же «Гражданского союза» это

директорский корпус («технобюрократия»), обладатели капитала по преимуществу промышленного, национального.

Совпадение стратегических целей «команды» Президента и лидеров Парламента, равно как и покладистость съезда народных депутатов, раз за разом дававшего Борису Ельцину все новые и новые полномочия, лишней раз доказывает, что российская законодательная власть в действительности не является помехой в проведении реформ по бурбулисовско-гайдаровскому сценарию и, следовательно, так называемое спасение реформ отнюдь не требует разгона Парламента. В большинстве своем не такие уж мы, депутаты, и хорошие, чтобы заслужить эту честь — пострадать за демократию. На самом деле стремление к такому разгону — это результат, с одной стороны, поисков очередного «козла отпущения», а с другой — обкомовского менталитета многих нынешних лидеров, привыкших стучать кулаком по столу и затыкать рты несогласным.

В таких условиях возможности выбора Парламента сводятся к старой альтернативе: «умереть стоя», снискав некоторую не вполне заслуженную репутацию защитника интересов народа, или «жить на коленях», все более превращаясь в простой придаток исполнительной власти, в механизм узаконивания ее незаконных решений наподобие доперестроечного Верховного Совета. Вероятно, оптимальным вариантом были бы перевыборы и Президента, и Парламента, причем сначала Президента, ибо, оставив без присмотра отечественную исполнительную власть, страна получает хороший шанс очень долго ожидать следующих парламентских выборов либо получить скорые парламентские выборы в условиях чрезвычайного положения. Что выберет Парламент — предсказать не берусь, но, скорее всего, интересы самосохранения возобладают, следствием чего будет окончательное падение рейтинга законодательной власти, а вместе с нею и демократии вообще.

Пора, однако, вернуться к началу. Поворот массового сознания от демократических иллюзий к авторитарным несказанно облегчает исполнительной власти процедуру освобождения от власти законодательной. В условиях, когда «говорильня» и почти неизбежные в Парламенте политические склоки на фоне всеобщего развала надоели большинству населения хуже горькой редьки, авторитарный режим можно ввести, так сказать, по просьбам трудящихся, манипулируя общественным мнением на референдуме. Можно, например, поставить вопрос так: кому вы больше доверяете — Президенту или Парламенту? И хотя опросы общественного мнения показывают, что большинство людей не верят уже никому, не думаю, чтобы на референдуме это большинство догадалось выразить недоверие обеим ветвям власти, требуя тем самым перевыборов и Президента, и депутатов. Скорее всего, торжество плебисцитарной демократии, как это уже не раз случалось в истории, будет означать конец демократии представительной, по крайней мере, на определенное время.

Введение в России режима личной власти облегчается еще и тем, что широкие слои населения почти не различают диктатуру левого и правого толка. Между тем, несмотря на сходство методов, различия между ними кардинальны. Если левый диктатор опирается на государственную собственность, подавляет предпринимательство вообще, «теневую» экономику и спекуляцию — в частности, вводит более или менее уравнительное распределение, то правый — наоборот:

опирается на частных собственников, поощряет любое предпринимательство (в том числе «теневую» экономику и спекуляцию), а неограниченное социальное неравенство объявляет нормой, естественным и главным условием прогресса. Примером наиболее жесткой левой диктатуры может служить режим Сталина, сравнительно мягкой — режим Андропова. Классический для XX в. пример правой диктатуры — режим Гитлера, более мягкий, хотя тоже кровавый ее вариант — режим Франко или Пиночета.

Когда «маятник» так называемой второй русской революции начинал двигаться вправо, ее лидеры прежде всего, естественно, развенчали сталинскую и вообще «коммунистическую» диктатуру. Однако когда этот «маятник» прошел центр и продолжал свое стремительное движение, те же лидеры стали прямо или косвенно восхвалять южнокорейских, чилийских и тому подобных диктаторов правого толка. На II съезде народных депутатов России, впервые услышав мимоходом брошенное Борисом Ельциным (тогда еще Председателем Верховного Совета) благожелательное замечание о Пиночете, я не придавал этому большого значения. На фоне восхваления тогдашним премьером российского Правительства и членом КПСС Иваном Силаевым политики Столыпина и провозглашения им (Силаевым) «святости» частной собственности удивить нас было невозможно уже ничем. Однако когда проклинаемый чилийскими демократами Аугусто Пиночет, неожиданно для себя, стал чуть ли не героем для демократов российских, стало ясно, что мы имеем дело не с казусом, а с явлением.

Итак, налицо две встречные тенденции: стремление «верхов» узаконить в более или менее приличных нормах диктатуру торгово-бюрократического капитала и тоска «низов» по «твердой руке», которая бы их от этого капитала защитила. Однако если первые знают, чего хотят, то вторые частью дезориентированы: они постоянно слышат, да к тому же и видят, что сталинская модель привела страну в конце концов к кризису, а вот Пиночет Чили из кризиса вывел. Правда им «забывают» напомнить, что, во-первых, при этом погибли тысячи людей; что, во-вторых, в первые годы правления Пиночета страна была доведена почти до полной нищеты; что, в-третьих, в настоящее время Чили преуспевает по меркам Латинской Америки, но отнюдь не по европейским или североамериканским, и, наконец, что, в-четвертых, модель «шоковой терапии», более или менее пригодная в маленькой Чили, совершенно неуместна в России, подобно тому как лекарство для кошки совсем не обязательно помогает слону.

*Некоторые социальные и экономические показатели Чили
Информация к размышлению*

Валовой внутренний продукт (ВВП): 1970 г.— 100%; 1985 г.— 126%; 1990 г.— 170 процентов. В расчете на душу населения ВВП в 1985 г. был ниже, чем в 1970 г.

Доля населения за чертой бедности: 1970 г.— 17%; 1987 г.— 38%; 1990 г.— 35 процентов.

Уровень безработицы: 1973 г.— 4,8%; 1982 г.— 20%; 1989 г.— 7,2 процента.

Уверен: поразительно устойчивая в сравнении с катастрофическими результатами деятельности популярность Президента Ельцина (если только можно верить опросам) в большей мере связана с тем, что многие «простые» люди все еще видят в нем борца за справедливость, некое улучшенное подобие Андропова, тогда

как по своей исторической роли он, скорее, Пиночет. Скажу больше: знаю людей, которые и самого Пиночета истолковывают наподобие Андропова, всерьез надеясь, что он (Пиночет), в отличие от Сталина, будет подлинным «отцом народа», а нуворишей прижмет к ногтю.

Нет, дорогие соотечественники, оставшиеся товарищи и новоиспеченные господа (дай Бог, если не господа нищие)! Поверьте противнику любой диктатуры и специалисту, невеселые прогнозы которого до сих пор, к несчастью, сбывались: все будет как раз наоборот. Демократия, даже в ее нынешнем оскопленном варианте, несравненно лучше крепкой и «здоровой» диктатуры торгово-бюрократического капитала. Отечественный же Пиночет может быть лишь новым изданием Сталина наизнанку. А тем правوليберальным демократам, которые помогут ему прийти к власти, придется, как в Чили, стать в оппозицию, если у них осталось хоть что-нибудь от демократических ценностей.

Не тоскуйте по Пиночету: он прольет кровь, окончательно разрушит экономику и превратит страну в задворки цивилизации. Выбираться же на ее столбовую дорожку придется потом несколько десятилетий, а сколько-нибудь приличную жизнь увидят — нет, не дети ваши, а в лучшем случае — внуки. Не тоскуйте по Пиночету: его тень и без того маячит над Россией. Если же ваши желания помогут ей обрести плоть и кровь и в конце концов вы увидите подлинное лицо того, на кого возлагалось столько надежд, то содрогнетесь от ужаса. Но будет уже слишком поздно...

* * *

Статья была уже написана, когда пришло известие о том, что новым Президентом Соединенных Штатов стал Билл Клинтон. По этому поводу в кругах российской политической элиты, ориентированных на Парламент, 4 и 5 ноября царил душевный подъем. В кулуарах Верховного Совета циркулировала, в частности, следующая информация: незадолго до выборов представители «Демократической России» встречались с людьми Буша и те будто бы обещали, что, став Президентом, он в случае разгона Парламента «закроет глаза» либо лишь для порядка пожурит своего российского коллегу; люди же Клинтона, напротив, будто бы заявляли о твердой поддержке демократии в России и давали понять, что новый Президент решительно осудит любые неправовые действия исполнительной власти. Выслушав все это в очередной раз от высокопоставленного российского депутата, который прямо сказал, что теперь разгон Парламента невозможен, я предложил ему такой способ проверки кулуарной информации: если в ближайшее время антипарламентская кампания пойдет на убыль, значит, все это правда.

С тех пор призывы к разгону съезда и Верховного Совета заметно ослабли, так что, вполне возможно, судьба российской демократии решилась за океаном!

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СОБРАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КООРДИНАЦИОННЫХ И ЗАБАСТОВОЧНЫХ КОМИТЕТОВ 28 ОКТЯБРЯ 1993 г.

Уважаемые товарищи, коллеги, господа, если кому-то так больше нравится! Я

из города Омска, депутат России и бывшим себя до новых выборов не считаю. Тем не менее я не собираюсь просто защищать российский Парламент. В конце концов он сам во многом виноват, и прежде всего в том, что породил систему бесконтрольной президентской власти, которая стала постоянной угрозой для демократии в России.

Я хочу вернуться к экономической ситуации. По различным данным, производство в России упало в 1991 г. на 10—15%, в 1992 — на 20—27%, в 1993 г. нам долго рассказывали сказки о стабилизации, но вот референдум прошел и мы узнали правду. По оценкам Международного валютного фонда, падение производства в России в нынешнем году составляет 13%, по данным Министерства экономики—16%, по данным Министерства финансов—17,5 процентов. Похоже, вместо стабилизации в экономике наступил полный «стабилизец».

А что же в будущем? Обратимся снова к официальному прогнозу. Министерство экономики России обещает подъем теперь только с 1996 г. по 3— % в год, в лучшем случае — по 7%. А это значит, что подниматься до уровня 1990 г. нам придется до 2005, самое меньшее — до 2000 г. Как тут не вспомнить китайский лозунг времен окончания «культурной революции» «Вперед — назад». Десять-пятнадцать лет из истории страны будут выброшены. Если это называется успехом реформ, пусть мне тогда объяснят, что такое провал. Повторяю, этот прогноз основывается на официальных данных. Есть прогнозы и гораздо хуже.

Само собой разумеется, что тяжесть экономического кризиса опять перекалдывают на работников. В то время как обладатели торгово-бюрократического капитала не только его накапливают с невиданной быстротой, но и увозят за границу. Обратимся опять к официальным данным. Министерство безопасности России сообщает, что только в прошлом году на счетах наших сограждан за рубежом осталось 2 миллиарда долларов. Умножьте это на курс доллара и вы получите практически весь дефицит государственного бюджета Российской Федерации. В то же время средний уровень жизни в России, по данным радио «Свобода» (радио России такого не передает), за два года упал приблизительно в три раза. Как тут не вспомнить известное изречение «Все правительства ошибаются, но почему-то все они ошибаются в пользу богатых».

Нам все время говорят, что в наших бедах виноваты мы сами — работники оборонки, которые требуют денег на конверсию, энергетики, которые настаивают на дотациях, учителя, врачи, работники культуры, которые хотят сколько-нибудь прилично жить. Но так ли это? Говорят, денег нет, но, по сообщению радио «Свобода», за прошлый год нувориши только в одной Москве купили больше шикарных «Мерседесов», чем во всей Западной Европе. Говорят, денег нет, но вот бывший советник Ельцина Михаил Малей сообщает в «Комсомольской правде», что бюрократический центральный аппарат в России вырос по сравнению с союзным на 80%, а ведь и там он был немалым. Вспомните, сколько мы критиковали бюрократию. О вывозе капитала я уже говорил.

Уверен: в любой цивилизованной стране профсоюзы не стали бы терпеть подобной политики.

Изменилось ли что-нибудь с началом антиконституционного переворота 21 сентября, как нам о том говорили? Если да, то только в худшую сторону. Во-первых, возвращение Егора Гайдара означает ужесточение курса экономической политики. Цены на хлеб и топливо будут отпущены, т. е. подняты, кредиты

прекращены, индексация зарплаты урезана. Во-вторых, скажу прямо: в случае победы организаторов переворота судьба профсоюзов окажется под большим вопросом. Проводить ваш намечаемый съезд и возглавить отодвинутые акции вполне возможно окажется некому.

Надо понять: профсоюзы кровно заинтересованы не только в социальных правах работников, но и в демократии. При диктаторских и полудиктаторских режимах старого либо нового толка независимым профсоюзам места нет. Им разрешают лишь быть бесплатным приложением при начальстве. Поэтому во время массовых акций экономические требования профсоюзов должны быть дополнены политическими. Я поддерживаю звучащие здесь предложения об одновременных досрочных выборах и Президента, и народных депутатов. Не надо иллюзий: при нынешнем Президенте и нынешнем Правительстве никакие требования профсоюзов не реализуются. Кстати, съезд уже принял решение об одновременных досрочных выборах. Президент от этого отказывается. В резолюцию надо включить требование о соблюдении Конституции и законов Российской Федерации, прав человека, свободы информации, доступа профсоюзов к информационным каналам и другие.

Уважаемые товарищи! В свое время я предупреждал депутатов о возможности разгона и предлагал самим назначить досрочные выборы и себя, и Президента. Тогда к этому не прислушались. Теперь результат известен. Теперь я хочу предупредить вас: в нынешней ситуации отсидеться не удастся, нужно готовить коллективные действия, бороться за экономические требования, а где люди созрели — за политические, за демократию. Призываю вас к действию.

ТРИ ТРАГЕДИИ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ *

* Опубликовано: Омское время.— 1993.— № 41. С. 1

Прежде всего, читатель, позвольте поздравить вас с «полной и окончательной победой демократии» в России: Парламент расстрелян; большинство Советов распущено; Конституционный Суд по существу ликвидирован; ряд общественно-политических движений и газет запрещены; радио и телевидение играют «в одни ворота»; создан новый бюрократический монстр под названием «Выбор России», объединяющий министров, глав администраций и прочее высокое и не очень высокое начальство. Давно обещанное светлое пиночетовское будущее наступило. Но, чтобы извлечь уроки и оценить перспективы, необходимо еще раз вернуться к трагедии 21 сентября — 4 октября, к трагедии российской демократии...

В августе—сентябре экономическая и политическая ситуация в России заметно обострилась. На смену примитивным агиткам времен референдума о том, что экономическая стабилизация уже наступила, что страна начинает выбираться из ямы и т. п., пришли холодные статистические данные. Международный валютный фонд оценил уровень падения производства в России в 1993 г. в 13%, Российское министерство экономики — в 16, Министерство финансов — в 17,5%. Таким образом, за три года (1991—1993) экономика России будет обрушена не менее чем наполовину. Подчеркну: я ссылаюсь не на данные оппозиции, а на оценки Правительства либо независимых экспертов, которым нет необходимости сгущать

краски. По мнению таких специалистов, собранных в одной из передач радио «Свобода», средний жизненный уровень в России с начала «шоковой терапии» до настоящего времени упал приблизительно в 3 раза, и даже знаменитому российскому терпению, кажется, приходил конец. Целый ряд профсоюзных организаций назначил на октябрь массовые коллективные действия в защиту социальных прав трудящихся.

Со своей стороны Борис Ельцин объявил август временем «артиллерийской подготовки» и назначил на сентябрь «решающую схватку». Полтора месяца часть страны иронически напевала: «Артиллеристы, Ельцин дал приказ», а другая часть этот приказ выполняла. Каюсь: я не поверил угрозам совершить переворот в сентябре, еще раз — и уже в последний — оценив Бориса Ельцина не так плохо, как он того заслуживает.

Однако 21 сентября последовал Указ № 1400. Той же ночью Конституционный Суд вынес решение о нарушении этим Указом полутора десятков статей Конституции и оценил эти нарушения как заслуживающие отрешения Президента от должности. На следующую ночь съезд народных депутатов России, десятый, чрезвычайный и последний, отрешил президента Ельцина от должности и назначил исполняющим обязанности президента Александра Руцкого. Спустя два дня съезд принял постановление о проведении одновременных досрочных выборов народных депутатов и президента Российской Федерации не позднее марта 1994 г.

Забегая вперед, хочу сказать, что не только съезд, но и Конституционный Суд жестоко поплатился за свою верность закону и демократии. После расстрела Парламента Председателю Конституционного Суда Валерию Зорькину стали звонить от Сергея Филатова, руководителя администрации президента. Раз за разом требовали отставки. Зорькин отказывался. Тогда запугали двух конституционных судей: Руткина и Олейника, — которые присоединились к Витруку, Аметистову, Кононову, и прежде защищавшим не Конституцию от Президента, а Президента от Конституции. Руткин и Олейник также стали требовать от Зорькина подать в отставку, чтобы спасти Конституционный Суд. Зорькин отказывался и объяснял, что с Конституционным Судом поступят так же, как с Генеральным прокурором Степанковым: сначала используют, а затем все равно уберут, и, кстати, оказался прав. В конце концов Валерия Зорькина довели до тяжелейшего гипертонического криза, но и тогда давления не прекратили. В то время, когда врач пытался оказать Зорькину помощь, снова позвонили от Филатова. Вопрос был тот же: «Будет ли Зорькин подавать в отставку?» Врач просил подождать хотя бы 3 часа, ссылаясь на тяжелое состояние пациента, ему ответили, что подавать в отставку можно в любом состоянии. В конце концов Зорькин написал заявление об отставке. Конституционный Суд собрали для того, чтобы отменить решение по Указу № 1400, но сделать этого не смогли. И тогда деятельность Конституционного Суда «приостановили», выразив пожелание его полностью ликвидировать, заменив Конституционной палатой в составе Верховного Суда. Думаю, читатель помнит, что Конституционный Суд был избран пожизненно.

И после всего этого блок «Выбор России» выдвигает своими лозунгами свободу, собственность и законность!.. Имей эти господа хоть какие-то жалкие остатки морали, они должны были написать: «Расстрелянная свобода! Краденая

собственность! Беззаконие!»

Но вернемся к событиям в Москве, где трагедия неминуемо двигалась к кровавой развязке. На мой взгляд, события эти четко подразделяются на три этапа.

Первый этап — 21-27 сентября — можно было бы назвать этапом малого насилия, или иначе «мягкого кнута и большого пряника». В этот период организаторы переворота действовали в основном как политические сантехники. В здании Парламента отключались вода, свет, канализация и, конечно, телефоны. Уже на этом этапе Дом Советов был оцеплен милицией, так что сказки о том, будто оцепление связано с появлением в Парламенте вооруженных боевиков, власти могут рассказывать только абсолютно несведущим людям, которые воспринимают мир исключительно с экрана брагинско-носовецкого телевидения. А телевидение это давно уже превратилось, по словам Высоцкого, в «ящик для идиота».

Правда, и в этот период были уже отдельные столкновения, а тактика властей по отношению к защитникам Парламента выглядела более чем двуличной: официальные заявления — «никакого штурма» плюс угрозы по неофициальным каналам. Первого штурма в Парламенте ожидали с воскресенья 26 на понедельник 27 сентября.

Что касается «пряника», то его обещали как народным депутатам, так и работникам аппарата. Еще накануне первого же голосования на съезде был распространен текст президентского Указа, по которому нам предлагали годовую зарплату с большими «накрутками» (по разным оценкам, от двух до трех миллионов рублей), московские квартиры в частную собственность, высокооплачиваемые и непыльные должности в структуре исполнительной власти. Могу сказать прямо: никогда, ни до, ни после, я не испытывал и, конечно, уже не испытаю такой нежной заботы родного правительства, как в тот период. В московскую служебную квартиру, в которой я за эту первую неделю провел несколько часов, звонили из Министерства образования, из Министерства труда, оставляли телефоны моему помощнику. Не знаю, что собирались обещать, но внимание было трогательным.

За прошедшие три года мне не раз приходилось критиковать депутатский корпус России за недалекость, за послушание и другие грехи. Но справедливости ради надо сказать: своим поведением в критический момент большинство депутатов эти грехи искупили. На 2 октября «купленными» оказались 96 человек, в подавляющем большинстве своем — бывшие демократы. Поэтому, когда институтский коллега и бывший секретарь райкома партии заявил мне, что в «Белом доме» депутаты защищали не демократию, а привилегии, я всерьез подумал о том, что в обществе произошел какой-то сдвиг по фазе морали: ведь больших привилегий чем те, что обещал господин Ельцин, придумать было просто невозможно.

Особо хочу сказать о работниках аппарата Верховного Совета, большинство которых составляют женщины. Им под двери тоже подкладывали текст президентского Указа с обещаниями больших выплат, с правом уйти в отпуск с полным сохранением заработной платы, однако каждое утро они проходили сквозь цепи ОМОНа, иногда перелезали через заборы, сидели в холодном и темном «Белом доме», мыли посуду холодной водой и одному Богу известно, как умудрялись поддерживать жизнь в осажденном Парламенте. Честь вам и хвала,

русские женщины! Когда-нибудь при другом парламенте и другом президенте, но не ранее как через несколько лет, история рассудит, кто на самом деле совершал преступление, а кто пытался им помешать.

Что касается моей личной судьбы, то весь первый этап я провел в стенах Парламента. Однако во вторник, 28 сентября (кстати, в день 70-летия моего отца, фронтовика-коммуниста, а затем директора школы, известного в прошлом своей непокорностью высокому наробразовскому начальству), я покинул «Белый дом» для того, чтобы участвовать во Всероссийском совещании представителей стачечных комитетов, которое проводилось Федерацией независимых профсоюзов России. Думаю, читатель понимает, к чему я как председатель Совета Партии Труда призывал профсоюзных лидеров на совещании: бороться за экономические интересы наемных работников, а там, где люди «созрели», — и за демократию. Выступление было встречено с сочувствием, некоторые предложения вошли в итоговый документ, однако вернуться обратно в Парламент было невозможно.

Начался второй акт драмы — этап массового, по преимуществу вооруженного насилия. Он охватывает период с 28 сентября по 2 октября. 28 сентября Парламент был окружен колючей проволокой, бронетранспортерами, грузовиками с солдатами внутренних войск. Цепи ОМОНа стали плотными, а тактика его — сверхжесткой. С этого времени часть народных депутатов, которые не могли вернуться в «Белый дом», в том числе и я, работали в Краснопресненском райсовете, примерно в 20 минутах ходьбы от здания Парламента.

Сверхжесткая блокада Парламента имела своим следствием резкую эскалацию напряженности и насилия, причем, как минимум, по двум причинам. Во-первых, если прежде оцепление Дома Советов было настроено более или менее благодушно, смотрело сквозь пальцы на проходящих людей, иногда пропускало массовые колонны демонстрантов к зданию Парламента, то теперь оцеплению была предписана, повторю, так называемая сверхжесткая тактика. Суть ее проста: не подпускать к себе никого, разгонять всех, кто приближается к цепям.

Об этой тактике я знаю отнюдь не с чужих слов. 29 сентября группа депутатов Московского Совета, которые, в отличие от нас, признавались депутатами и по ельцинскому Указу № 1400, решила пройти в «Белый дом» для того, чтобы лучше понять сложившуюся там ситуацию и, возможно, выступить посредниками между Парламентом и московской мэрией, на которую Виктор Черномырдин валил все грехи за блокаду. Излишне говорить, что депутаты шли не с камнями, не с железными прутьями, а с удостоверениями, значками и мегафоном. В мегафон они сообщали омовцам, что по президентскому Указу сохраняют свои полномочия, а значит — депутатскую неприкосновенность и право входить на любой объект на территории Москвы. Несколько депутатов России, в том числе и я, естественно, к колонне пристроились. Однако оказалось, что уничтожить демократию наполовину нельзя. Как только Ельцин частично отменил Конституцию и законы, принятые Верховным Советом, ОМОН точно так же отменил те законы, которые оставил в силе Ельцин. Вооруженные парни из оцепления «Белого дома» не только не реагировали на депутатские права моссветовской колонны, но, напротив, предъявили собственные права в виде резиновых дубинок. То и дело разъяренные опричники нового царя выскакивали из шеренги и били людей дубинкой по чему попало и как попало. Говорят, по инструкции бить по голове дубинками

запрещено, но если президенту закон не писан, о выполнении каких инструкций может идти речь! В числе прочих преимущества новой демократии на собственном затылке ощутил и я, впрочем, отделался легче многих других. Например, депутат из Татарстана Владимир Морокин, который бросился защищать Раузу Низметдинову — председателя Комитета по делам семьи, материнства и детства — от разъяренного омоновца, получил гораздо больше и с переломанными ребрами лежал в больнице.

Вторым драматическим последствием жестокого оцепления «Белого дома» стала невозможность управлять из него митинговыми страстями. Прежде защитники Парламента неизменно придерживались тактики ненасильственного сопротивления перевороту. Именно эту тактику все время внушал Руслану Хасбулатову известный политолог, режиссер «Театра на досках» Сергей Кургинян. Он призывал митинговать, петь песни, зажигать костры, ходить с флагами и иконами, но ни в коем случае не отвечать насилием на насилие. И в первый период, повторю, это, безусловно, удавалось. Сам я много раз слышал призывы с балкона «Белого дома» не поддаваться на провокации, гнать с митинга пьяных, если такие появляются, и т. п.

Ситуация резко изменилась, когда митинговые страсти выплеснулись на улицы Москвы. Сначала люди пытались митинговать поблизости от оцепления «Белого дома», у станций метро «Баррикадная» или «Улица 1905 года». Однако ОМОН быстро разгонял эти летучие митинги, применяя все ту же сверхжесткую тактику. Тогда Моссоветом была разрешена серия митингов на площадях Москвы.

2 октября один из таких митингов проходил на Смоленской площади. Когда ОМОН начал теснить собравшихся демонстрантов, те сначала кричали, что они здесь на законном основании, а затем взялись за булыжники и железные прутья. ОМОН открыл огонь, был убит человек — инвалид без ноги. После этого митингующие построили баррикады и отбили несколько атак ОМОНа. Судя по радиоперехватам, атакующие были в полной растерянности. Применить оружие они больше не решились, а разогнать толпу другими средствами не смогли. В 9 часов вечера на площадь пришел депутат Илья Константинов и увел митингующих от баррикад.

В этот же день к нам в Краснопресненский райсовет звонили участники митинга и говорили о том, что движение идет на спад. Людей избивают, применяется тактика индивидуального террора, когда омоновцам показывают, кого именно надо бить (именно так был избит Виктор Алкснис). Говорили нам и о том, что в следующий выходной день ожидать массового движения не приходится, что нужны иные политические решения. Я рассказываю все это для того, чтобы было понятно: по крайней мере, в Краснопресненском райсовете того, что произошло третьего, а потом четвертого октября, никто не ожидал. Официальная версия, будто защитники «Белого дома» затягивали переговоры, ожидая насилия на улицах, представляет собой грубую ложь.

День 3 октября я провел в Краснопресненском райсовете, на периферии главных событий — так решили руководители координационного совета депутатов в изгнании. Поэтому, не пересказывая фактов, большинство из которых уже известно, изложу версию, которая пришла мне в голову через 2 часа после начала кровопролития. Эта версия получает все больше доказательств и уже

высказывалась в таких изданиях, как «Независимая газета» и «Московские новости», которые даже ныне правящая номенклатура не решается объявить «красно-коричневыми». Суть версии проста: законное по большому счету руководство страны в лице Александра Руцкого и Руслана Хасбулатова, приняв решение о штурме мэрии и «Останкино», совершило трагическую ошибку и попало в расставленную ему ловушку, по существу ускорив разгром Парламента. В пользу этой версии говорят следующие факты.

1. Участники митингов на Смоленской и Октябрьской площадях, в том числе мой товарищ по исполкому Партии Труда профессор Московского университета Александр Бузгалин, человек с международным именем, организатор многих конференций ученых левой ориентации, сообщают о том, что омоновцы в этот день как бы раздраживали толпу. Против демонстрантов применялось немного газа, немного дубинок, резиновые пули, стрельба, по преимуществу поверх голов. Когда же толпа в ответ начинала двигаться на омоновские оцепления, они, как правило, не оказывали большого сопротивления, передислоцируясь на заранее известные места и обеспечивая возможность движения митингующих лишь в определенном направлении — к Дому Советов. Кстати, ОМОНа в этот день и на Октябрьской, и на Смоленской площадях, и у Дома Советов было меньше, чем обычно, а главный организатор убийств Виктор Ерин в интервью радио России подтвердил, что ОМОН был не столько прорван, сколько передислоцирован.

2. Когда защитников «Белого дома» обвиняют в том, что они первыми применили насилие, это опятьтаки ложь. Огонь по толпе демонстрантов открыл ОМОН около «Белого дома». Два человека были убиты немедленно, многие ранены, и когда толпа приблизилась к зданию Парламента, из мэрии продолжали по ней стрелять. И даже у здания «Останкино», по сообщению радио «Свобода», огонь первыми открыли охранявшие его части. Одна из первых пуль попала в ногу гранатометчику, в ответ на первый этаж здания полетела граната. И тогда открылась беспорядочная стрельба со всех сторон, от которой погибли, главным образом, не вооруженные люди, а демонстранты, пришедшие к «Останкино» требовать прямого эфира для Александра Руцкого.

3. Указ Бориса Ельцина о чрезвычайном положении в Москве вводился в действие с 16 часов 3 октября. Если учесть, что митингующие подошли к зданию Парламента не ранее чем без пятнадцати или без десяти четыре, легко понять, что Указ этот был подготовлен заранее и лишь ждал своей очереди.

4. Утром и днем 4 октября московские радиостанции передавали противоречивые сообщения. С одной стороны, они призывали москвичей сдавать кровь, медикаменты и бинты для помощи раненым, с другой — официальные чиновники от здравоохранения объявляли, что ничего этого делать не надо, что всего припасено в достатке. Спрашивается: когда и для чего?

5. По сообщению все того же радио «Свобода», Сергей Филатов, уезжая с переговоров из Свято-Данилова монастыря в 12 часов дня 3 октября, продолжать переговоры явно не собирался. Следовательно, команда Ельцина делала именно то, в чем сейчас обвиняет своих противников. Затягивала переговоры, ожидая повода, чтобы применить насилие, и провоцируя этот повод. Напомню, что многие советники президента, включая Анатолия Ракитова, руководителя одного из исследовательских центров при нем, давным-давно уже заявили о том, что другого

выхода, кроме штурма Дома Советов, нет. Принятие о штурме мэрии и «Останкино», А. Рудой и Р. Хасбулатов против своей воли помогли Ельцину оправдать кровь в глазах российского и мирового общественного мнения.

Финал трагедии известен и неизвестен. Мы до сих пор не знаем, сколько вооруженных и невооруженных людей погибли в здании Парламента, сколько их вывезли через подземные тоннели и станции метро и тайно захоронили. Попытки узнать что-то о судьбе этих людей не имели никакого результата. Хоронят и награждают лишь тех, кто расстреливал. Малая гражданская война в столице тенью прошла по регионам, коллективам и семьям. Главная проблема сейчас, чтобы она не превратилась в большую гражданскую войну. Кстати, в последнем обращении расстрелянного съезда народных депутатов России, написанном Сергеем Бабуриным, нет призыва к мести, в нем есть призыв сохранить в стране гражданский мир, несмотря на преступление власти. Всю правду о событиях в Москве мы узнаем очень не скоро, если вообще узнаем. Сейчас можно подвести лишь некоторые предварительные итоги, которые я и хочу обозначить как 3 трагедии российской демократии.

Первая — трагедия самоуничтожения. Российский Парламент, как любили говорить прежде, породил своего собственного могильщика. Именно съезд народных депутатов России избрал Б. Ельцина Председателем Верховного Совета, он много раз давал ему чрезвычайные полномочия, принял поправки к Конституции, выводящие президента и правительство из-под контроля Верховного Совета, без конца прощал такие заявления и указы, за которые в любой цивилизованной стране президент не только лишился бы должности, но и пошел под суд. С другой стороны, Б. Ельцин расстрелял Верховный Совет, в котором изначально большинство составляли его сторонники.

Вторая трагедия — трагедия защитников. Я говорю сейчас не о гибели сотен людей, в большинстве безоружных, которые пришли защищать Закон. Перед их памятью слова кажутся лишними, можно лишь склонить голову. Я говорю о том, что в решающий момент сил, готовых защищать демократию, оказалось в России удивительно мало. Ни для кого не секрет, что демократию в России удушили именно бывшие демократы, а среди защитников «Белого дома» отнюдь не все действительно хотели демократической перспективы.

Рамки статьи не позволяют мне подробно проанализировать ошибки Парламента, да и время сейчас не то, но об одном надо сказать особо. А именно о том, что на экранах телевизоров среди защитников «Белого дома» мелькали люди со стилизованной свастикой на рукаве — члены «Русского национального единства», попросту баркашовцы. Когда эти ребята появились в Краснопресненском райсовете, мы с друзьями настояли, чтобы они оттуда были удалены: лучше не иметь защитников вовсе или иметь их меньше, чем оказаться под охраной людей, у которых на рукаве свастика. К сожалению, то же самое не было сделано руководством Верховного Совета. Считаю это принципиальной и грубой ошибкой. Кстати, именно баркашовцы увели из здания Парламента Сергея Кургиняна, постоянно внушавшего Руслану Хасбулатову тактику ненасильственного сопротивления перевороту. В решающий момент у руководства Верховного Совета толковых советников не оказалось.

Теперь всех без разбора сторонников парламентской демократии именуют

«красно-коричневыми», как будто не замечая, что самая националистическая организация — васильевская «Память» — уже скоро год как поддерживает Бориса Ельцина.

Третья трагедия — трагедия перспективы, причем как экономической, так и политической. Победа сторонников «шоковой терапии», «команды» Гайдара приведет к тому, что страна получит еще один шок. Уже отпущены цены на хлеб, принято решение о резком повышении квартирной платы, а также об отказе от индексации пенсий пропорционально росту цен и замене ее равными для всех минимальными компенсациями. На очереди урезание индексации заработной платы в бюджетных сферах, возможно, отказ от выплаты пенсий работающим, вероятно, массовое банкротство предприятий. По некоторым данным, в Омске уже имеется список на кандидатов в банкроты.

В политической области ближайшие перспективы также не сулят ничего хорошего. Ни о каких свободных выборах речи быть не может. «Положение о выборах» меняется чуть ли не каждую неделю, в будущем Парламенте, как некогда в брежневском Верховном Совете, большинство будут составлять назначенные президентом начальники, которым разрешено совмещать свою должность с парламентскими обязанностями. На всякий случай функции этого Парламента еще предельно ограничены. Смысл же нового проекта конституции может быть коротко выражен фразой: «И это все о нем (президенте) и немного обо всех остальных!»

И тем не менее у оппозиции нет выбора: на выборы без выбора надо идти. Даже усеченный, полупридушенный Парламент лучше, чем полное отсутствие Парламента. Весьма вероятно, что этот Парламент хотя бы отчасти повторит историю прежнего Верховного Совета: начнет петь Борису Ельцину за здоровье, а закончит — за упокой. Никому, в том числе и парламентариям, не нравится, когда их держат, как говорил один популярный герой, «за болвана в старом польском преферансе».

Бойкотировать выборы бессмысленно. Об этом позаботились авторы «Положения». Выборы будут признаны действительными, если на них явятся всего 25 процентов избирателей, чего, разумеется, в цивилизованных странах не делают. Впрочем, мы уже привыкли догонять цивилизацию задом наперед.

Впереди, судя по всему, годы реакции. И тем не менее надо приниматься за работу. Пусть глаза боятся, а руки делают.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПРОМИСС ИЛИ НОВЫЕ ПОТЯСЕНИЯ? *

* Написано в период предвыборной кампании 1993 г. Опубликовано: Коммерческие вести.— 1993.— 24 ноября. С. 9

Именно этот вопрос со всей остротой встал в стране после малой гражданской войны 21 сентября — 4 октября, которая, судя по всему, подвела черту под советской эпохой нашей истории. Напомню: спустя месяц после московской трагедии даже Президент Ельцин признал, что защищать Парламент пришли не только так называемые «красно-коричневые», но и немало граждан, доведенных до отчаяния политикой «шоковой терапии». Действительно, причин для недовольства

ситуацией у различных слоев населения более чем достаточно. Приведу лишь некоторые факты. Согласно заявлению премьера Черномырдина, спад промышленного производства в России в этом году составит около 16%. Многочисленные официальные заявления накануне референдума о начале стабилизации оказались служебной агитацией. Если учесть, что в 1991 г. спад производства составил 10—15%, а в 1992 — 20—27%, то в сумме за три года получится никак не меньше 50%, чего в мирное время в России никогда не бывало и что превосходит показатели «великой депрессии» в Соединенных Штатах 1929—1933 гг. Если будут официальные прогнозы Министерства экономики, промышленный подъем ожидает страну в 1996 г., а наиболее вероятные темпы его составят 3—4% в год. Таким образом, достичь уровня «предшокового» 1990 г. удастся не ранее чем через 10 лет.

Само собой разумеется, что вместе с производственным падает и жизненный уровень. По мнению специалистов из российских министерств, которых радио «Свобода» собрало на «круглый стол» в передаче «Контакты», средний жизненный уровень с осени 1991 до осени 1993 г. упал в России приблизительно в 3 раза. Вполне возможно, что эти данные учитывают лишь официальные доходы, которые сейчас для значительной части людей перестали быть основными: не случайно вновь популярным стало проклятье: «Чтоб тебе жить на одну зарплату». Однако сам факт падения жизненного уровня большинства населения сомнений не вызывает. Согласно официальным данным, в октябре минимальная потребительская корзина (черта бедности) составляла в Российской Федерации примерно 75 тысяч рублей на человека, в Омске около 78 тысяч рублей, в том числе на работающего примерно 92 тысячи. По разным оценкам, доходы 70—80% граждан страны и области были ниже этого уровня.

В следующем, 1994, году Егор Гайдар обещает нам «голодный» бюджет, спад инфляции, но рост безработицы, свободные цены на жилье и целый ряд подобных вещей, которые вряд ли вызовут восторг у широких слоев населения.

Отнюдь не однозначно оценивается современный экономический курс и формирующимся классом предпринимателей. Мелкий и средний бизнес обеспокоен невиданным размахом коррупции чиновничества и рэкетом, порой доходящим до 25% прибыли. Обладатели капитала, не связанного с внешнеэкономическими операциями, недовольны тем, что национальное производство, национальные банки плохо защищены от иностранной конкуренции, а по существу поставлены в неравноправные условия. Политологи считают, что принятие Верховным Советом России поправок к Закону о банковской деятельности, ограничивающих возможности иностранных банков на территории России, стало одной из причин роспуска Парламента. Наконец, почти все предприниматели недовольны налоговой политикой правительства, которая делает инвестиции в производство более чем проблематичными. Точно так же недовольны они ростом бюрократического аппарата, который, по свидетельству советника Президента Михаила Малая, увеличился в 2,8 раза по сравнению с союзным и наверняка «съедает» изрядную часть всех налоговых поступлений.

Можно ли в этих условиях сохранить гражданский мир? Может быть и да, Не зря говорят, что пределов терпению русского народа нет. Вспомним хотя бы Сталина, который на приеме по случаю победы над Германией поднял тост за

долготерпение русского народа и прибавил: «Ни один другой народ не стал бы терпеть такое правительство». Однако вряд ли кто-то решится дать гарантии от новых потрясений. Не случайно бывший коммунистический, а ныне, как водится у нас, антикоммунистический журналист Отто Лацис с предельной откровенностью призывал в «Известиях» насколько возможно облегчить Президенту роспуск Государственной Думы и пояснял: ведь не открывать же стрельбу каждый раз, когда произойдет осечка на выборах!

Похоже, многие отечественные политики не сделали выводов из истории России XX в. и продолжают искать покой в бурях, тогда как на деле едва ли не единственный достойный извлечения урок гражданской войны состоит в том, что народ до нее не следует доводить, все время отыскивая баланс интересов общественных групп, а главное — принципиально отказываясь от революционной тактики «до основанья, а затем...».

Иначе говоря, если мы хотим спокойно жить, если мы намерены сохранить в стране хоть какой-нибудь мир, необходим исторический компромисс между трудом и цивилизованным бизнесом. Именно из этой идеи исходит формирующаяся Партия Труда — партия отечественных лейбористов. Та же идея была и остается основой моей предвыборной платформы. Разумеется, основное внимание в ней уделено защите прав работников, причем как наемного труда, так и работников-собственников, защите образования и культуры, а также малообеспеченных слоев населения. Однако все это немыслимо без защиты национального производства вообще. Вот почему в этой программе значатся: стимулирующие налоги и льготные кредиты — товаропроизводителям; конверсия с сохранением кадров и уровня технологий, в том числе за счет продажи оружия за рубеж; валюта за хлеб — российским крестьянам, а не американским фермерам; защита национального производства от разрушения зарубежными конкурентами; Запад — не враг, но, конечно, не кормилец России; взаимный зачет долгов предприятий; мы против искусственно вызванного банкротства отечественной промышленности; смешанная экономика, где каждая форма собственности занимает свою экономическую «нишу»; стимулирование государственных и частных предприятий, которые превращают работников в совладельцев производства, вкладывают средства в образование, культуру, экологию, медицину; ограничение вывоза капитала из России, который составляет, по оценкам международных экспертов, 15—40 миллиардов долларов в год, и т. п.

Социальный вектор программы выражен формулой: мы не против честного богатства и богатых, мы за то, чтобы не было бедных! Это и есть формула исторического компромисса, который, как любой компромисс, предполагает взаимные уступки.

Суть дела очень проста: тяжесть переходного периода нельзя перевалить исключительно на плечи работников и малообеспеченных слоев населения. Разумеется, куда приятнее быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Однако надо понять: роскошь одних на фоне нищеты других — это плохо для обеих сторон и для страны в целом.

Если мы хотим сохранить гражданский мир в стране, господствующая ныне идеология всеобщего разворовывания собственности по принципу «деньги не пахнут» должна быть заменена протестантской этикой честного, трудового

стяжательства, накопления капитала.

На вопрос о том, чем может обернуться для предпринимателей приход к власти людей близкой мне ориентации, я бы ответил, что часть предпринимателей от этого выиграет, им будут созданы лучшие условия, чем при Правительстве Ельцина—Гайдара. К этой части относятся те, кто: вкладывает капитал в производство в России, а не в дорогие «Мерседесы» или небоскребы за рубежом; инвестирует создание новых рабочих мест, социальные программы, экологию, образование и культуру; заботится о нормальных условиях труда и жизни для собственных работников. Короче, выиграл бы почти весь цивилизованный, национально и социально ориентированный бизнес. Другим, извините, улучшений обещать не могу.

Напомню: экономическая программа, ориентированная на исторический компромисс, уже предлагалась околоцентристскими силами между февралем и октябрём 1917 г. Она включала среди прочих позиций ограничение роста заработной платы при одновременном введении прогрессивных налогов на крупный капитал. Однако реализована не была. Финал известен. Вообще, история России XX века была удивительно богата потрясениями: революция 1905 года, две революции 1917 г., гражданская война, сталинский перелом и вот, наконец, сентябрьско—октябрьская трагедия в Москве. Может быть, пора остановиться? Неужели всего этого нам мало, чтобы понять: худой мир лучше доброй ссоры!..

СЕНАТ РЕСПУБЛИКИ ИЛИ ИМПЕРАТОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ? *

О расстановке сил и перспективах российского Совета Федерации

Написано в соавторстве с А. Е. Комаровым. Опубликовано: *Позиция.*— 1994.— № 5 (под заголовком «Совет Федерации: будет ли он карманным»)

Предлагаемый анализ основывается на опыте первого заседания верхней палаты Федерального Собрания России и потому неизбежно имеет предварительный характер. Дальнейшая работа Совета Федерации, несомненно, потребует корректировки сделанных здесь выводов.

Верхнюю палату российского Парламента нередко рассматривают как некий аналог американского Сената, а депутатов, соответственно, именуют сенаторами. И действительно, главная функция той и другой палаты состоит в том, чтобы представлять в высшем органе законодательной власти интересы регионов независимо от численности населения, а в России еще и интересы национально-государственных образований. Однако на этом аналогия заканчивается, и начинаются оригинальные российские изобретения, которые вряд ли можно отнести к завоеваниям демократии.

Во-первых, согласно статьям 95 и 96 новой Конституции, Совет Федерации не избирается, а формируется. В него должны войти по одному представителю от законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации. Хотя Конституция напрямую этого не утверждает, предполагается, что членами Совета Федерации станут председатели областных и республиканских законодательных собраний, а также главы администраций и президенты республик в составе России.

Совмещение в одном лице должностей губернаторов и сенаторов — это первая новация современной российской политической системы, насколько можно судить, не имеющая аналогов в мире. Последнее вполне естественно, ибо российский вариант грубо нарушает систему разделения властей, о которой так много шумела российская политическая публицистика.

Для характеристики последствий подобного совмещения может быть использован следующий образ: в любом государстве представители исполнительной власти — это, так сказать, «волки» по должности; законодателям же отводится функция «егерей», расставляющих «флажки», за которые «волкам» выходить не положено (как известно, принцип публичного права, в отличие от частного — разрешено только то, что разрешено). В таком случае, превращать губернаторов в сенаторов — все равно что назначать волков егерями.

Во-вторых, в соответствии с пунктом 9 заключительных и переходных положений Конституции депутаты Совета Федерации первого созыва осуществляют свои полномочия на непостоянной основе. Сенатор по совместительству — нечто вроде хирурга-любителя — еще одна российская новация, вряд ли способствующая продуктивной работе Парламента. Особенно нетерпимым подобный статус становится в отношении Председателя палаты, его заместителей, руководителей комитетов и т. п. Не случайно уже на первом заседании Совета Федерации мучительно решался вопрос о том, как обойти данные нормы только что принятой Конституции.

В-третьих, отсюда следует, что Совет Федерации задумывался разработчиками Конституции отнюдь не как аналог американского Сената, а как нечто среднее между Императорским Государственным Советом дореволюционной России и Верховным Советом советской эпохи. От первого он унаследовал принцип назначения части членов (главы администраций), от второго — процедуру «законотворчества», сводящуюся к одобрению кадровых назначений и юридических актов собравшимися на короткое время «представителями народа».

Однако по сравнению с Верховным Советом эпохи Сталина или Брежнева Совет Федерации выполняет и новые функции. Например, функцию одного из трех фильтров на пути утверждения законопроекта. Напомню, что, согласно статье 104 новой российской Конституции, законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства. При этом обязанность Правительства давать такое заключение не оговаривается. Во-вторых, Совет Федерации может отклонить законопроект, принятый Думой, и тогда это вето преодолевается двумя третями голосов. Наконец, право вето на принятый обеими палатами законопроект принадлежит Президенту и преодолеть его можно лишь двумя третями голосов каждой из палат.

Несмотря на всю ущемленность и двусмысленность положения верхней палаты российского Парламента, опыт ее первого заседания позволяет утверждать, что расчеты разработчиков Конституции оправдались не вполне. Совет Федерации, по видимому, будет заметно лояльнее режиму, нежели Государственная Дума, но, скорее всего, не станет слепым проводником политики исполнительной власти.

Лояльность Совета Федерации предопределена его социально-профессиональным составом. По данным мандатной комиссии, 11 депутатов представляют структуры президентской власти, 7 — федеральное Правительство, 71 — территориальные и местные органы исполнительной власти. Итого 89 из 171 избранного к настоящему времени депутата Совета Федерации.

Правда, далеко не все представители исполнительной власти связаны формальной политической принадлежностью. К «Выбору России» среди членов Совета Федерации принадлежит 6, к другим политическим течениям правой половины спектра — 4. Однако вполне естественно, что должностные лица, либо непосредственно назначенные Президентом как главы областных администраций, либо подчиненные ему через вертикаль исполнительной власти, при открытом голосовании по абсолютному большинству вопросов будут поддерживать того, кто их назначил. Проведение президентской линии через Совет Федерации облегчается и тем, что главы администраций изначально связаны должностным статусом и личными знакомствами. Им предлагается жить в специальной гостинице, отдельно от других депутатов встречаться с премьер-министром, другими руководителями Правительства, в том числе в неофициальной обстановке.

Тем не менее «президентская машина голосования», в качестве которой задуман Совет Федерации, уже в первые дни работы несколько раз дала сбой. Так, явный фаворит, «человек Президента» Владимир Шумейко не прошел на должность Председателя Совета при первом выдвижении и, более того, во втором туре получил 81 голос против 79 у представителя оппозиции Петра Романова. Победу Шумейко при втором выдвижении обеспечили голоса все тех же глав администраций, с которыми была проведена соответствующая работа, а также, по-видимому, голоса представителей национальных республик, после того как выяснилось, что Петр Романов был одним из основателей Русского национального собора. Хотя сам Романов какого-либо национализма на заседаниях не проявил, репутация этой организации явно пошла ему во вред.

Второй сбой едва не произошел при утверждении председателя Комитета по обороне и безопасности. Всего трех голосов не хватило для занятия этой должности генералу Петру Ширшову, который не просто поддержал решение Конституционного Суда по Указу Президента Бориса Ельцина № 1400 о роспуске российского съезда народных депутатов, но 4 октября 1993 г., когда танковые пушки стреляли по зданию Парламента, снял с себя генеральскую форму. Если кворум в зале в этот момент не был близок к предельно допустимому, Ширшов, несомненно, возглавил бы важнейший комитет Совета Федерации.

Не располагая достаточным для анализа статистическим материалом, по общему тону можно утверждать, что в Совете Федерации радикальные настроения как правого, так и левого толка представлены крайне слабо. Официально о своей принадлежности к левым политическим течениям заявили 14 депутатов, в том числе к Коммунистической партии Российской Федерации 11, к Союзу коммунистов Карелии — 1, к Аграрной партии — 1, к Партии Труда — 1. Большинство депутатов стремятся продемонстрировать околоцентристские позиции и, в частности, дистанцироваться от радикальных рыночников гайдаровского толка. Преобладающая позиция может быть определена как правоцентристская.

Очень отчетливо обнаружилась в верхней палате российского Парламента и другая нарастающая в России тенденция — тенденция если не национализма, то государственных настроений. Большинство выступающих, включая недавних сторонников разрушения Советского Союза, апеллируют к национальным российским чувствам, ратуют за великую Россию, призывают «собирать камни», которые они же совсем недавно разбрасывали, выступают за тесную интеграцию с республиками бывшего Союза. Если к тому же учесть, что значительная часть представителей новой номенклатуры принадлежала к номенклатуре и в прежние времена и часто недовольна вторжением нуворишей в экономику и политическую жизнь, можно предположить, что общей латентной целью деятельности Совета Федерации будет некая модель государственного капитализма национального толка.

Последующая работа верхней палаты российского Парламента должна подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

ПАКТ О ВСЕОБЩЕМ СОГЛАСИИ... С ПРЕЗИДЕНТОМ! *

* Опубликовано: Позиция.— № 18.— 1994.— 30 апреля—6 мая. С. 3 (под заголовком «Давайте согласимся согласиться»); Правда.— № 72.— 1994.— 28 апреля. С. 1—2 (под заголовком «Капкан готов»)

Едва ли не центральным внутривнутриполитическим событием апреля стало обсуждение предложенного от имени Президента «Соглашения о достижении гражданского согласия в России». Подписать его предложено обеим палатам российского Парламента, политическим и религиозным движениям, профсоюзам, средствам массовой информации, субъектам Федерации.

Слов нет, в России все устали от политических «разборок», да и танки, стреляющие по зданию Парламента, у многих стоят перед глазами. Тоска по гражданскому миру, нормальной, спокойной жизни в обществе, безусловно, нарастает. Однако прежде чем единодушно согласиться, полезно посмотреть, с чем именно и в какой форме. При этом предложенный проект может оцениваться с трех позиций: формально-юридической, содержательной и общеполитической.

С формально-юридической точки зрения Соглашение явно не выдерживает критики, и прежде всего по составу предполагаемых подписантов. Разумеется, в подобном проекте могут участвовать, если они того захотят, политические партии, общественные и религиозные организации, профсоюзы и т. п. Однако это не дело органов власти. Каждому мало-мальски юридически грамотному человеку известно, что отношения между ветвями власти определены Конституцией и другими законодательными актами. Если предполагаемое Соглашение повторяет Конституцию, в нем нет необходимости. Если выходит за рамки Конституции — тем более.

Скажу прямо: я никогда не принадлежал к поклонникам прежней Конституции, недостаточно демократической, тем более не являюсь сторонником нынешней — вполне авторитарной. Но всем очевидно, что несовершенное право лучше беззакония.

Вообще, история всякого рода неконституционных соглашений началась не

сегодня и должна бы, кажется, кое-чему нас научить. Вспомним хотя бы, как расстрелянный Верховный Совет все время призывал президентскую сторону: давайте соблюдать Конституцию! И все время слышал в ответ: нет, давайте поговорим о том, как мы будем ее нарушать! Результат известен. Похожая история повторяется, но на сей раз не с так называемой «брежневской» Конституцией, а с Конституцией, писанной по указанию Президента, людьми Президента, для Президента.

Вообще, если Совет Федерации и Государственная Дума хотят выразить свою приверженность гражданскому миру, гораздо разумнее было бы принять соответствующее обращение к народам России, политическим движениям, конфессиям, органам власти, включая самого Президента. Последнее хочу подчеркнуть особо, ибо факты заставляют сомневаться в том, насколько серьезно относятся авторы предлагаемого Соглашения о согласии не только к Конституции, но и к самому этому Соглашению.

Как известно, статья 5 Конституции предусматривает равенство субъектов Федерации в отношении федеральных органов власти, а предложенный проект Соглашения предполагает мораторий на заключение двусторонних договоров о разграничении полномочий между этими органами и субъектами. И что же? Одновременно благополучно заключается договор между Российской Федерацией и Татарстаном и объявляется о подготовке аналогичного договора с Чечней. Оценка целесообразности этих договоров — вопрос особый, но то, что они идут вразрез с Конституцией и проектом Соглашения — это, как говорится, медицинский факт. Однако более чем сомнительно, что инициаторы Соглашения стали наказывать самих себя за это нарушение.

В содержательном плане предложенный документ вызывает серьезные сомнения. И вот почему. Если всем-всем-всем предлагается некое Соглашение о согласии, то совершенно очевидно, что оно, как любое соглашение, может основываться только на взаимных уступках. Однако никаких реальных шагов навстречу требованиям «несогласных» в документе обнаружить не удастся. В лучшем случае встречаются только декларации.

Например, профсоюзам вменяется в обязанность отказ от организации забастовок, связанных с перераспределением бюджетных средств. Казалось бы, в ответ можно было ожидать усиление социальных гарантий для работников. Ничуть не бывало! Президент и Правительство «вбрасывают» в Думу проект бюджета, который нельзя оценить не иначе, как антисоциальный, антиобразовательный, антикультурный. Даже фракция Гайдара при всем ее монетаризме требует корректировки бюджета по этим позициям.

Недавно на совместном заседании комитетов Государственной Думы и Совета Федерации, занимающихся вопросами образования, науки и культуры, было принято решение голосовать против проекта бюджета. В условиях, когда Президент не выполняет свой собственный Указ № 1, а правительство — Указ Президента и законодательство Российской Федерации об образовании и культуре, совесть не позволяет мне призывать моих коллег — работников образования — отказываться от борьбы за свои законные требования всеми законными способами. Подписывать Соглашение о согласии при «драконовском» бюджете для профсоюзов — все равно что делать себе политическое хакари!

Другой пример: от оппозиции и депутатов Федерального Собрания требуют, чтобы они отказались от идеи досрочных выборов Президента. И это после того, как сам Президент назначил собственные выборы на 12 июня, представительные органы в центре и на местах были распущены, а то и просто разогнаны, полномочия же новых представительных органов урезаны до декоративного уровня. Впрочем, господин Президент всегда был хозяином своего слова: хочет — даст, хочет — возьмет обратно. Что касается новой представительной власти, то отношение к ней лучше всего проявляется в том, что руководителей законодательных собраний субъектов Федерации не намереваются приглашать к подписанию все того же Соглашения, предпочитая назначенных губернаторов. Число подобных примеров можно множить без труда. Однако и приведенных достаточно для того, чтобы понять: стране представлен не документ о взаимном согласии политических сил, а документ о всеобщем согласии с Президентом! Скорее всего, результат в очередной раз окажется противоположным первоначальным намерениям. Вместо того чтобы объединиться, страна расколется на 2 лагеря: согласных и несогласных с согласием. Не исключено, что после подписания Соглашения на «несогласных» начнется охота. «Кары» для них в документе уже предусмотрены.

Если президентская сторона на самом деле думает о гражданском мире, а не о пропагандистских кампаниях, ей следовало предложить оппозиции реальные встречные шаги: новый курс — в экономике, правительство национального доверия — в политике. Без этого документ выглядит как веревка, которой оппозиция сама себе должна связать руки, оставляя полную свободу маневра для оппонентов.

И, наконец, общеполитическая оценка документа должна основываться на реальности или нереальности практического воплощения заложенной в ней идей. По этому поводу любой объективный специалист по социальным и политическим наукам без долгих размышлений может сказать, что условий, на которых держится относительное гражданское согласие в развитых странах Запада, в России в настоящее время нет. Назовем эти условия:

1. Высокий или хотя бы приемлемый для большинства населения уровень жизни. Не менее 1/3 населения России имеют доходы ниже физиологического минимума, 75—80% — ниже минимальной потребительской корзины.

2. Умеренное или хотя бы контролируемое социальное неравенство.— По словам вице-преьера Александра Шохина, еще 3 года назад по этому показателю мы были на уровне развитых стран, теперь «догнали» и «перегнали» их в 3—4 раза!

3. Уважение к праву, реформирование общества правовым путем, а не его революционное разрушение.— После малой гражданской войны 21 сентября — 4 октября 1993 г. комментарии здесь вообще излишни.

Нынешнюю президентскую инициативу часто сравнивают с пактом Монклоа, однако забывают, что она опоздала, как минимум, на целый исторический период. Этот пакт, напомню, подписывался вскоре после смерти Франко именно для того, чтобы направить процесс в русло реформ, не допустив революционного разрушения системы со всеми его неизбежными бедами. В Испании плохие франкистские законы действовали до тех пор, пока не отменились законным

порядком. К помощи гениальной музыкальной фразы «да—да—нет—да» и уж тем более — танковых орудий, там не прибегали.

Что же делают у нас? Сначала разрушают страну «до основания», устраивают «великую депрессию» в экономике, равной которой ни одно государство в мирное время не знало, но затем предлагают: давайте с этим согласимся!

Поздно, господа. Аналогом пакта Монклоа в Советском Союзе мог быть лишь пакт Горбачева — Ельцина в 1990—1991 гг. Теперь же «процесс пошел» и остановить его призывами «давайте жить дружно» вряд ли возможно. Вообще, революционерам новейшего образца полезно вспомнить о том, что революция пожирает своих детей.

Попытка найти согласие при продолжении прежнего курса напоминает мне лечение симптомов вместо самой болезни. Когда у больного температура 40 градусов, ему прописывают сильные средства. И никакое согласие врачей на консилиуме считать эту температуру нормальной помочь не может. Без нового экономического курса и правительства национального доверия пакт о гражданском согласии в России — это или очередная утопия, или ловушка для всех, кто не согласен с разрушением своей страны.

«ИМПИЧМЕНТ» БЕЗ ОТРЕШЕНИЯ: ПОПЫТКА ЧЕТВЕРТАЯ — И ПОСЛЕДНЯЯ

К итогам работы Государственной Думы второго созыва

1. «Полуправный» Парламент: стереотипы и действительность

Драматические события 12—19 мая 1999 г. и в особенности их кульминация — голосование по вопросу об отрешении от должности Президента Б. Н. Ельцина 15 мая — знаменовали не просто окончание предыдущего и начало очередного этапа постновойшей политической истории России (если сохранить за советским периодом наименование новейшей истории), но и фактическое подведение политических итогов работы Государственной Думы второго созыва. И даже если Думе суждено «дожить» до установленного Конституцией окончания срока депутатских полномочий, ее историческое время прошло. При этом то, что должно было стать звездным часом Парламента, обернулось днем его поражения, а для части депутатов — годами позора!

Восторженный шум (чуть не сказал: радостный лай), которым встретили итоги думского голосования контролируемые Правительством и «олигархами» средства массовой информации, исключал, разумеется, возможность сколько-нибудь серьезного анализа, а нередко вступал в противоречие со всеми системами логики, известными человечеству. Так, Станислав Кучер — известный ведущий программы «Обозреватель» — посылал в адрес депутатов, так сказать, «из двух стволов» проклятия, суть которых можно свести к риторическим вопросам: 1) Как посмели поднять руку на Президента? и 2) Почему продались? Очевидная любому старшему школьнику мысль о том, что если ты развенчиваешь тех, кто «продались», надо, по крайней мере, с уважением относиться к тем, кто «поднял руку», и, наоборот, если ты критикуешь «поднявших руку», следует восхвалять «продавшихся» — эта мысль «обозревателю» в голову так и не пришла. И это не удивительно: Уголовный Кодекс не предусматривает статьи за насилие над

логикой!

Подобные замечания вовсе не означают попытки оправдания Государственной Думы, а тем более — самооправдания. Задача этой статьи совершенно иная, а именно: попытаться понять характер исторической драмы, пережитой нижней палатой российского Парламента и, более того, в какой-то степени исторической драмы российского парламентаризма в период после принятия Конституции 1993 г. Это, в свою очередь, предполагает отказ от ряда стереотипов, постоянно внедряемых в массовое сознание на протяжении всего срока работы Государственной Думы второго созыва.

Стереотип первый — о «коммунистической Думе» или в более культурном варианте — о «левом думском большинстве». Интересно, что известный вклад в создание этого стереотипа внесли сами левые депутаты, переоценившие успех коммунистов и их союзников на выборах 1995 г., а равным образом, и историческое значение избрания члена КПРФ Геннадия Селезнева председателем нижней палаты Парламента. Вербальным знаком легкой эйфории, царившей в левых кругах в начале 1996 г., может служить популярный тогда анекдот.

Вопрос: Какой товар стал в России самым дефицитным?

Ответ: Лопаты. Бывшие коммунисты выстраиваются за ними в очередь, чтобы откапывать партбилеты, зарытые на огородах!

Разумеется, анекдот «канул в лету» вместе с эйфорией, зато стереотип был подхвачен и использован проправительственной пропагандой, организаторы которой быстро сообразили, что провалы «политики реформ» можно будет теперь списывать не только на «проклятое коммунистическое прошлое», но и на думское «коммунистическое большинство».

Между тем после регистрации фракций и групп расклад политических сил в Государственной Думе второго созыва в начале 1996 г. выглядел следующим образом:

Достаточно математических знаний среднего ученика 2-го класса, чтобы убедиться: фракция КПРФ вместе с союзными ей Аграрной группой и группой «Народовластие» имели в начале срока полномочий второй Государственной Думы 210 голосов. С учетом того, что, во-первых, для принятия Федерального Закона и даже любого Постановления Государственной Думы требуется 226 голосов, что, во-вторых, важнейшие думские решения, включая поправки к Конституции, федеральные конституционные законы, выдвижение обвинений против Президента Российской Федерации, принимаются большинством в 300 голосов, что, в-третьих, союзники коммунистов не связаны партийной дисциплиной, а потому не все и не всегда голосовали солидарно, искусственный характер стереотипа о «коммунистической Думе» должен был быть с самого начала очевиден любому добросовестному аналитику.

В действительности же, поскольку вторая по численности фракция в Государственной Думе (НДР) изначально была проправительственной, а значительная часть «независимых» (внефракционных) депутатов принадлежала к партиям и движениям праволиберальной ориентации, левые в Государственной Думе не могли принять ни одного решения без поддержки либо ЛДПР, либо «Яблока», либо группы «Российские регионы». Что же касается решений, требующих конституционного большинства в 2/3, то они могли приниматься лишь

при поддержке левых со стороны, по крайней мере, двух отнюдь не союзных им фракций или групп. Не имея в Думе большинства, необходимого для принятия решений, левые вместе с тем обладали меньшинством, достаточным для того, чтобы ни одно серьезное решение не могло быть принято без их прямого или косвенного согласия, так сказать, блокирующим пакетом голосов. Впрочем, об этом речь впереди.

Возможно, формирование стереотипа о «левом думском большинстве» в пропрезидентских средствах массовой информации в какой-то степени стало результатом верности традиции, а также самоотравления пропагандой: к левому большинству по инерции и из идеологических соображений продолжали относиться Жириновского («деталище КПСС и КГБ»), тогда как на самом деле ЛДПР от позиции беспринципного качающегося Центра в начале срока полномочий Государственной Думы к концу этого срока нередко занимала нишу правее НДР. Эта позиция, с одной стороны, сделала ее рупором пропрезидентского окружения (что у «Семьи» на уме, то у Жириновского на языке), а с другой — предопределила формирование по целому ряду вопросов жирино-эндэровских или жирино-яблочных коалиций, которые еще 3 года назад казались невозможными и противоестественными. Основой формирования таких коалиций периодически выступают то прочерномырдинские, то антикоммунистические настроения.

Стоит заметить, что и к концу срока полномочий Государственной Думы второго созыва ее фракционно-групповой состав принципиально не изменился, о чем свидетельствуют следующие данные:

Стереотип второй — об ответственности Государственной Думы за срыв процесса «реформ», а тем самым — за дальнейшее ухудшение положения большинства народа. Широкий резонанс вызвало, в частности, «озвучивание» этого стереотипа Президентом во время выступления перед депутатами Федерального Собрания с ежегодным президентским посланием «Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» 30 марта 1999 г. В отличие от первого, второй стереотип имеет сложную структуру и включает в себя, по крайней мере, три составляющих, которые можно сформулировать следующим образом:

в России происходят реформы;

эти реформы призваны и способны улучшить жизнь большинства населения России;

Государственная Дума в состоянии изменить ход и исход реформ.

Каждый из этих постулатов, безусловно, заслуживает того, чтобы стать предметом специальной работы, хотя все они представляются мне либо сомнительными, либо откровенно ложными.

Для начала замечу, что тезис о российских реформах, равно как и реформаторах, представляется мне весьма удивительным на фоне заявлений этих самых реформаторов о том, что коммунистическая система по самой своей природе была нерепформируема. Как можно реформировать то, что реформированию не поддается, знают, очевидно, только «ночь глубокая» да теоретики, умудрившиеся соединить в одну концепцию два столь несовместимых положения.

На самом деле совершенно очевидно, что в первой половине 90-х гг. в России произошла очередная революция со всеми неизбежными ее признаками, включая,

по крайней мере, пять революционных катастроф: экономическую, социальную, демографическую, нравственную и геополитическую. После победы Бориса Ельцина на выборах 1996 г. (действительной или мнимой — это вопрос другой) наступило время реформ. Но это реформы не вместо, а вместе с революцией, не взамен ее, а в ее завершение, не избавляющие систему от разрушения, но довершающие разрушение системы, не реконструктивные, но деструктивные и т. п.

Когда в уже упоминавшемся Послании Федеральному Собранию Президент России говорил, что Россия застряла где-то посередине между капитализмом и социализмом, он был одновременно прав и неправ. Прав — поскольку в стране от советских времен действительно сохранились остатки системы социальных гарантий: низкий пенсионный возраст, сравнительно низкие цены за аренду жилья и коммунальные услуги, преобладание бесплатного и «малооплатного» образования, «пережитки» бесплатной медицины и т. п. Неправ — поскольку ликвидация этих «родимых пятен» социализма под лозунгом завершения «радикальных реформ» приведет страну не к современному «социализированному» капитализму, какой мы наблюдаем в большинстве развитых стран, но к полной и окончательной победе «бандитского капитализма», по выражению Бориса Немцова и Анатолия Чубайса, которые, будучи одними из главных вдохновителей такого капитализма, в последнее время ведут против него шумную словесную борьбу.

Отсюда совершенно очевидно, что «реформы» социальной сферы по-российски не только не способны улучшить жизнь большинства населения, но никогда для этого и не предназначались. В этом смысле Е. М. Примаков совершенно справедливо именовал их «реформами без населения». Напротив, правая печать потому и именуется подобные меры «непопулярными», а их противников клеймит как «популистов», что суть новейших «социальных реформ» заключена в непрерывном «обрезании» социальных гарантий под непрерывно тающие, словно «шагреновая кожа», бюджеты. Правда, в отличие от бальзаковской, бюджетная «шагреновая кожа» сокращается под действием не одного, а сразу двух факторов: экономического кризиса и «предпринимательской» деятельности «новых русских» из числа бывших государственных чиновников совместно с государственными чиновниками из числа «новых русских».

Интересно, что факт подобного «предпринимательства» не оспаривается не только левыми, но и правыми, однако странным образом никак не увязывается с характером «социальных реформ». То Григорий Явлинский вдруг заявляет (цитирую по памяти): во всем мире банки собирают деньги у населения и вкладывают их в производство, а в России они забирают деньги из бюджета и отправляют их за рубеж; то профессор Стенфордского университета Михаил Берштам вещает по «Свободе» о необходимости приватизации остатков российской промышленности при одновременной национализации государственных финансов, в настоящее время приватизированных «олигархами»; то, наконец, уже упоминавшиеся основоположники «бандитского капитализма» требуют заменить его капитализмом «народным», понимая под этим равный доступ всех компаний к дележу «бюджетного пирога» (по-видимому, «народ» в России в их понимании состоит исключительно из владельцев компаний!). Разумеется, при столь своеобразном понимании можно утверждать, что «российские социальные реформы» направлены на улучшение жизни «народа»,

поскольку они никак не ограничивают свободу бизнесменов от бюджета. При любой же другой, менее экзотической, трактовке понятия «народ» направленность социальных реформ против этого самого народа вряд ли может быть опровергнута самой изощренной логической эквилибристикой. В самом деле, как можно оценить следующие предложения «молодых (и не очень молодых) реформаторов»:

о повышении пенсионного возраста — при невиданном в мирное время снижении средней продолжительности жизни, особенно у мужчин;

о том, чтобы работающие пенсионеры не имели права одновременно получать заработную плату и пенсию — в ситуации, когда сумма их обеих сплошь и рядом оказывается ниже прожиточного минимума;

о всеобщем введении платного или, по крайней мере, частично платного образования, а равно и медицины — при условии, что 3/4 населения принадлежат, по меркам индустриально-развитых стран, к различным группам «низшего класса»;

о перенесении основной тяжести налогового бремени с предприятий на граждан — когда эти самые граждане в значительном своем большинстве месяцами не получают заработную плату, а долги по ней исчисляются рекордными астрономическими цифрами и т. д. и т. п.

С любой точки зрения, кроме чисто идеологической или «радикально-экономической», срыв планов подобного «реформирования» должен быть поставлен в заслугу, но никак не в вину Государственной Думе. Впрочем, нельзя забывать, что, с одной стороны, названные выше «реформы» были сорваны лишь отчасти, а с другой — в российской исторической ситуации 90х годов с помощью массивной обработки общественного сознания немалое число граждан сумели убедить в том, что им выворачивают карманы для их же собственного блага!

Наконец, по поводу способности Государственной Думы определяющим образом повлиять на ход и исход российских реформ необходимо заметить следующее.

Нижняя палата российского Парламента по своему конституционному статусу действительно способна помочь либо помешать законодательному — подчеркиваю: законодательному — «запуску» тех или иных нововведений и, более того, почти непрерывно этим занималась. Вспомнив еще раз многочисленные президентские либо правительственные проекты, отметим, что именно благодаря позиции Парламента пенсионный возраст в России все еще один из самых низких в мире, работающие пенсионеры получают полную пенсию, образование и даже медицина по закону в основном бесплатны, а из всех законопроектов Правительства Кириенко, призванных переложить тяжесть налогов с юридических лиц на граждан, принят только один — налог с продаж, да и тот вводится по усмотрению субъектов Российской Федерации.

Однако драма российского парламентаризма во многом тем и определяется, что основная палата Парламента представляет собой орган, скорее, законосовещательный, чем законодательный, не полноправный, а бесправный, или, как иногда говорят, «полуправный». Она подобна человеку, который пытается бороться со своим противником, имея связанные руки. Сами наименования «дума» и «думцы» ассоциируются с образом людей, которым позволено сколько угодно думать, но не действовать, вызывают в памяти строки из Некрасовского «Рыцаря на час»:

Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

В справедливости этих утверждений легко убедится каждый, кто внимательно прочтет российскую Конституцию и задумается над проблемой исполнения федеральных законов. При этом становится очевидным, что новый российский Парламент хотя, в отличие от Верховного Совета, и не является репрессированным, зато, как минимум, пятикратно «поражен в правах».

Во-первых, депутаты Государственной Думы, да и сама нижняя палата Парламента, по крайней мере, дважды ограничены в праве законодательной инициативы. С одной стороны, согласно статье 104 Конституции РФ, «законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации». До принятия федерального конституционного Закона о Правительстве сроки представления Правительством заключений на проекты федеральных законов нигде не оговаривались, и таких заключений нередко приходилось ждать многими месяцами. К тому же нередко документы, направленные из Правительства в Парламент, именовались не заключениями Правительства РФ, а замечаниями Правительства РФ на такой-то законопроект, что давало представителю Президента право утверждать на пленарных заседаниях, что Закон принимается в нарушение 104-й статьи Конституции!

С другой стороны, проект федерального бюджета на очередной год, в котором выражена квинтэссенция экономической политики, не может быть внесен в Государственную Думу никем, кроме Правительства, и, следовательно, парламентским комитетам волей-неволей приходится искать варианты частичного исправления, а то и просто ретуширования праволиберального экономического курса вместо того, чтобы принципиально поменять этот курс.

Во-вторых, за редким исключением Государственная Дума не в состоянии добиться того, чтобы законопроект стал законом без согласия Президента. Президент же в большинстве случаев отклоняет законы, направленные на расширение социальных прав граждан. Так, новая редакция статьи 7 Закона «О ветеранах», предусматривающая право стать ветераном труда для мужчин, имеющих трудовой стаж 40 лет и женщин — 35 лет, четырежды принималась Государственной Думой второго созыва, но ни разу не была подписана Президентом. За три срока депутатских полномочий автора из 9 законов в области образования, доходивших до Президента, с первого раза подписан лишь один! В свое время получали президентское вето обе редакции Закона РФ «Об образовании», Федеральный Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», Федеральный Закон «О выплате пенсии за выслугу лет работникам образования, занятым педагогической деятельностью в школах и других учреждениях образования для детей», Федеральный Закон «О социальной защите инвалидов», Федеральный Закон «О государственной поддержке начального профессионального образования» и т. д. и т. п. Сколько раз за тот же период отклонялись законы, предусматривающие повышение

минимальной заработной платы или минимального размера пенсий, просто не счесть.

Нередко высокий процент отклоненных Президентом законов выдается за показатель низкого качества их юридической проработки. Слов нет, в каких-то случаях и это, наверное, имеет место. Однако гораздо чаще за юридической казуистикой президентских писем об отклонении законов скрывается простое, как три рубля, желание не допустить увеличения или даже поддержания на прежнем уровне бюджетных расходов на социальную сферу. Примером тому может служить полуанекдотический случай о том, как дважды отклонялся Президентом Федеральный Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». После первого вето мы сочли, что на конфликт идти не стоит и текст с президентской стороны можно согласовать. Приняв практически все замечания представителя Президента в Государственной Думе, мы приняли закон повторно и спокойно ожидали его подписания, когда неожиданно на согласованный текст последовало... повторное вето! Думаю, в американской или французской прессе при такой ситуации был бы крупный скандал. У нас же на такие «мелочи» никто не обращает внимания. Как выяснилось, представитель Президента просто был в командировке и не успел оповестить своих коллег из главного ГПУ при Президенте о том, что все согласовано. Они же в соответствии с общей установкой на отклонение написали повторные замечания о несоответствии закона Конституции, Гражданскому Кодексу и т. д. и т. п. и пр., причем длиннее прежних. От законодателя требовали, например, объяснить в Законе, что такое факультативные курсы! Число таких примеров можно множить без труда.

Вернемся, однако, к главному. Для того, чтобы преодолеть вето Президента, требуется 2/3 голосов в обеих палатах Парламента. Как уже говорилось, в Государственной Думе это возможно лишь при условии поддержки левого блока со стороны, как минимум, двух не союзных ему фракций и групп (ЛДПР, НДР, «Яблока», «Российских регионов» — в любом сочетании). Такая поддержка сама по себе — сравнительная редкость. Именно из-за ее отсутствия Государственная Дума не смогла, например, принять ни одной из подготовленных поправок к Конституции, направленных на устранение дисбаланса полномочий между Президентом и Парламентом, в том числе на превращение нижней палаты из «думы» в настоящий законодательный орган.

Еще реже набирается 2/3 голосов за преодоление президентского вето в верхней палате Парламента — Совете Федерации, нынешний состав которого, в отличие от Совета Федерации первого созыва, формируется уже не путем прямого избрания, но по должности — из руководителей законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации. Понятно, что региональные лидеры, и в особенности губернаторы, без особой нужды не хотят «ссориться» с Президентом, в то же время испытывая гораздо более слабое давление избирателей по сравнению с депутатами Государственной Думы. Помимо всего прочего, у Президента и Правительства всегда есть «рычаг» давления на регионы в виде трансфертов и субвенций. Работая в Совете Федерации первого созыва, лично слышал от руководителя законодательного собрания одной из областей, а ныне ее губернатора, следующие рассуждения (цитирую близко к тексту): «Мужики! Я-то понимаю, что бюджет никуда не годится! Но если я за него

не проголосую, моей области не дадут ни рубля!» В условиях, когда подавляющее большинство российских регионов и республик является дотационным, подобный «рычаг» влияния оказался исключительно действенным.

Справедливости ради к этому следует добавить, что в большинстве законов социальной направленности, принимаемых Государственной Думой, по крайней мере, часть расходов отнесена не к федеральному, но к региональным и местным бюджетам. Соответственно главам законодательной и исполнительной власти субъектов федерации, составляющим верхнюю палату Парламента, приходится семь раз подумать перед голосованием, способен ли региональный бюджет принять на себя соответствующие расходы. По важности этот фактор вполне сопоставим с президентско-правительственными механизмами воздействия на членов Совета Федерации и еще более затрудняет принятие федеральных законов, направленных на социальную поддержку граждан, а в особенности на преодоление вето Президента по таким законам.

В-третьих, даже в случаях, когда в обеих палатах Парламента набирались необходимые для преодоления вето 2/3 голосов, долгое время «гаранта Конституции» было невозможно заставить выполнить ее элементарное требование — подписать соответствующий закон. В ход шли регламентные ухищрения: депутатов обвиняли то в неоднократном возвращении к одному и тому же вопросу, то в неточности формулировок при постановке его на голосование, то в голосовании бюллетенями «не такими, как надо», то вообще считали «по головам». В последнем, как известно, особенно преуспел представитель Президента в Государственной Думе А. А. Котенков. При этом не помню ни одного случая, когда бы подобный «поголовный учет» производился при рассмотрении в зале законопроектов, внесенных Президентом либо Правительством. Зато эта сомнительная процедура каждый раз пускалась в ход, когда Парламент пытался преодолеть вето Президента либо рассматривал «неудобный» для него федеральный конституционный закон.

Быть может, наиболее драматический для страны «регламентный» сюжет был связан с Федеральным Законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и относился к рубежу 1995—1996 гг. Тогда и Государственная Дума, и Совет Федерации первого созыва сумели преодолеть вето Президента по названному выше Закону в редакции, предусматривавшей установление размера минимальной заработной платы, пенсий и пособий не ниже прожиточного минимума в Российской Федерации. Даже в тогдашнем, выборном, Совете Федерации обсуждение Закона шло трудно: депутаты трижды возвращались к голосованию и лишь с последней попытки набрали необходимые 2/3 голосов. Не скрою: наряду с другими, мне также пришлось убеждать и удалось убедить часть депутатов голосовать за это решение. Действующая Конституция — и позднее это было подтверждено Конституционным Судом — не оставляла Президенту никакого другого выбора, кроме как подписать Закон, а в случае сомнений в чистоте соблюдения процедурных норм — обжаловать действия Парламента в том же Конституционном Суде. Президент же, не сделав ни первого, ни второго, без рассмотрения вернул Закон в Совет Федерации, указав верхней палате Парламента на нарушение ею ее же собственного регламента.

Вместо того, чтобы немедленно обратиться в Конституционный Суд, Совет

Федерации по инициативе тогдашнего председателя палаты В. Ф. Шумейко вступил с Президентом в переписку. Суть письма, направленного В. Ф. Шумейко в адрес главы государства, можно свести к формуле: не царское это дело — заниматься мелочами вроде парламентского регламента! В ответ была получена грозная отповедь, суть которой заключалась в том, что Президент — сам себе голова, лучше всех знает свои полномочия и не потерпит, чтобы кто-то указывал ему на нарушение Конституции.

Пока автор этих строк, избранный к тому времени депутатом Государственной Думы второго созыва, совместно с коллегами готовил проект обращения в Конституционный Суд, новый, формируемый по должности, Совет Федерации отменил решение своих предшественников, но когда попытался повторно принять Закон в прежней редакции, за него было подано всего 44 голоса против 120 голосов в выборном Совете Федерации первого созыва!

В результате согласительных процедур Закон был подвергнут «секвестру», что и требовалось президентской стороне. Теперь в нем записано: «Минимальный размер оплаты труда и минимальный размер пенсии по старости в Российской Федерации поэтапно повышаются до величины прожиточного минимума. Соотношение между минимальным размером оплаты труда, минимальным размером пенсии по старости и величиной прожиточного минимума на очередной финансовый год устанавливается федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год». Кстати сказать, даже эти нормы Закона, мало что дающие рядовому гражданину (ибо приближать минимальные зарплаты и пенсии к прожиточному минимуму можно десятилетиями!), не выполнены Правительством при подготовке федерального бюджета на 1999 г. и, скорее всего, несмотря на запрос автора этих строк на имя премьера С. В. Степашина, не будут выполнены и при представлении бюджета 2000 г.

Один из многочисленных парадоксов революционной России 90-х гг. заключается в том, что юридический фетишизм и юридический нигилизм поразительным образом не только сочетаются, но и взаимно обуславливают друг друга. По поводу любой из бесчисленных проблем в средствах массовой информации, а то и от Президента можно услышать: это потому, что Дума не приняла необходимых законов! Но лишь только закон подписан Президентом и вступает в силу, как те же лица начинают «петь» по-другому: закон плохой — мы его исполнять не будем!

Стараясь избегать как юридического фетишизма, так и юридического нигилизма, не будем преувеличивать значение того факта, что Президент не исполнил свою собственную Конституцию и не подписал Федеральный Закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Скорее всего, даже если бы Закон был подписан, он вошел бы в число хронически не исполняемых. Однако вступление Закона в силу стало бы бесспорным основанием для выдвижения требований о повышении минимальных размеров оплаты труда, пенсий, пособий со стороны профсоюзных, ветеранских и иных общественных организаций социальной направленности, а также со стороны политической оппозиции. Не исключено, что это хотя бы отчасти заставило бы президентскую команду пересмотреть курс экономической политики в направлении большего баланса интересов между «новыми русскими» как социально-политической опорой власти

и подавляющим большинством народа.

В-четвертых, согласно действующей Конституции, Государственная Дума не наделена правом толкования не только основного закона страны, но также принимаемых Парламентом федеральных конституционных законов и федеральных законов. Подобная ситуация в парламентской практике более или менее развитых стран — крайняя редкость: по общему правилу толкование законов дают те, кто их принимает. В России же правом официального толкования законов наделен лишь Конституционный Суд, а по факту законы трактуются Президентом и его окружением, причем сплошь и рядом совершенно произвольно. Конституционный же Суд в лучшем случае подтверждает либо опровергает президентскую трактовку по запросам Парламента, иногда спустя годы. Так было с запросом о правомерности действий Президента в период чеченской войны, когда Конституционный Суд, за исключением четырех своих членов, к удивлению всей страны признал, что Президент действовал в пределах своих полномочий. Так было и с законом «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации», который был возвращен Президентом в Парламент без рассмотрения на основании нарушения Госдумой и Советом Федерации, по мнению Президента, регламентных норм — в этом случае Конституционный Суд признал действия Президента неправомерными.

Излишне говорить о том, что попытки Государственной Думы ввести в различные законопроекты нормы о праве Парламента толковать принимаемые им законы неизменно отклонялись Президентом России.

В-пятых, ни российский Парламент в целом, ни Государственная Дума — в частности, не наделены правом контроля над исполнением законов — и это тоже уникальная ситуация в мировой парламентской практике. Обычно контрольная функция входит, так сказать, в «джентльменский набор» полномочий любого законодательного органа в условиях сколько-нибудь демократической системы. Автор этих строк входил в число разработчиков поправки к 102-й статье Конституции, предполагавшей наделение контрольной функцией для начала хотя бы верхней палаты российского Парламента — Совета Федерации. Впрочем, эта попытка расширить полномочия Парламента, как и все другие, закончилась ничем.

Подводя итоги сказанному, следует заметить, что при действующей Конституции и существующей политико-юридической практике Российская Государственная Дума никак не может претендовать на статус ведущей палаты полноценного Парламента. Соответственно и российский политический режим 90-х гг., согласно азбуке политической науки, никак не может характеризоваться как режим демократический, но в лучшем случае — как авторитарно-демократический, т. е. авторитарный — по существу, демократический — по форме легитимации власти. Политическая наука, включая ее классика Макса Вебера, давным-давно выработала для подобных режимов специальный термин — мнимый конституционализм.

2. Государственная Дума второго созыва: вина и беды

Итак, стереотипы российской официальной пропаганды в отношении работы Государственной Думы второго созыва либо содержат истину в незначительных

дозах, либо просто являются ложными. Однако это отнюдь не означает, что нижняя палата Российского Парламента и, в частности, фракция и депутатские группы левой ориентации оказались в положении «без вины виноватых» и не могли сделать ничего другого, кроме того, что делали. Напротив, могли и должны были — если не для спасения страны, то, по крайней мере, для спасения собственной политической чести, для будущего левого движения, а тем самым — и для подготовки будущих перемен к лучшему, будущего возрождения отечества. Вот только вина Государственной Думы и представленных в ней левых депутатов совсем не такова, как ее изображают средства массовой информации, а подчас прямо противоположна. В целом слабости в работе Госдумы и ее левого крыла, которые могут быть поставлены в вину нижней палате Парламента, сводятся к трем основным.

«Перфектофобия» — испуг перед призраком прошлого

Читателю, воспитанному на агитках и «страшилках» на тему о намерении левых вернуть страну к Сталину и Брежневу, подобное утверждение наверняка покажется нелепым, если не абсурдным. И тем более нелепым, что в выступлениях последнего времени лидеры КПРФ и других левопатриотических организаций чаще упоминают Сталина, чем Ленина, а лидеры рангом ниже в средствах массовой информации и на митингах постоянно ностальгируют по прошлому, доказывая, что в Советском Союзе все было «лучшее в мире». Тем не менее берусь утверждать: синдром революционного отрицания вкупе с антикоммунистической пропагандой настолько сильно подействовал на лидеров левого движения, вызвал столь сильный испуг, что они, как правило, не отваживаются не только делать решительных шагов, но даже и предлагать те меры по усилению государственного регулирования экономики, которыми пользовались в свое время Франклин Рузвельт, послевоенные правительства европейских стран и без которых выход из глубочайшего российского экономического кризиса представляется невозможным. Вот лишь несколько «упрямых» фактов.

Во-первых, вспомните, уважаемый читатель, кто в России, кроме Виктора Анпилова и аналогичных ему левых радикалов, публично требует пересмотра результатов ваучерной приватизации, называя ее крупнейшей экономической аферой XX в.? Это отнюдь не Геннадий Зюганов, но руководитель «образцового капиталистического города» Юрий Лужков! И причина здесь не только в том, что за Лужковым стоят конкуренты нынешних «олигархов», а равным образом и часть самих «олигархов», чувствующих себя обделенными в период великого передела созданной другими собственности, но и в том, что Лужков не боится обвинений в попытке вернуть страну к Брежневу и Сталину, хотя сам он, кстати сказать, гораздо авторитарнее Геннадия Зюганова. Что же касается Сталина, имя которого столь часто упоминается лидерами НПСР и других патриотических организаций, то во второй половине 90-х гг. его дух тревожит не только левых, но и правых (В. Жириновский и даже В. Черномырдин), причем не только антикоммунисты, но и коммунисты отдают ему дань уважения не в качестве одного из «классиков марксизма», но как раз напротив — в качестве государственника, который ценою колоссальных жертв воссоздал и укрепил, по одной терминологии, Российскую империю, а по другой — Великую Россию.

Во-вторых, предвыборная платформа Геннадия Зюганова в 1996 г., — та самая, по поводу которой средства массовой информации, захлебываясь от подлинного или притворного ужаса, дружно кричали, что как только он придет к власти, так у всех все отберет, — эта предвыборная платформа была никак не партийной, но общенациональной и, более того, не только не содержала ничего специфически коммунистического или вообще радикального, но, напротив, была весьма, а может быть, даже слишком умеренной. Ни национализации, ни рабочего контроля, даже никаких мер в духе «нового курса» Рузвельта — ничего подобного в этой программе записано не было.

Вспоминаю свой разговор в канун выборов с лидером левого крыла британских лейбористов Кеном Ливингстоном, приехавшим в Москву, чтобы на месте ознакомиться с президентской кампанией по-русски. Мало того, что видный политик был просто поражен абсолютным неравенством возможностей, созданных для кандидатов в Президенты в российском эфире и печати, и утверждал, что ничего общего с европейской демократией эта практика не имеет. Изучив все ту же предвыборную платформу Геннадия Зюганова, Кен Ливингстон прямо заявил, что его хоть сейчас можно принимать в лейбористскую партию и, более того, что эта платформа недостаточно радикальна для условий рекордного российского кризиса.

В-третьих, несмотря на то, что в Государственной Думе второго созыва левые имели крупнейшую фракцию, две депутатских группы, а Юрий Маслюков возглавлял один из ведущих экономических комитетов — Комитет по экономической политике; несмотря на то, что в канун президентских выборов 1996 г. печать была полна сообщениями о подготовленном левыми законопроекте, предусматривавшем выкуп государством наиболее доходных предприятий по цене их продажи либо переоценку их стоимости и уменьшение доли акций, принадлежащих негосударственным акционерам, в соответствии с реально затраченными ими средствами; несмотря на убийственные оценки результатов приватизации, данные специальной думской комиссией, — несмотря на все это ни один закон, требующий принципиального пересмотра результатов приватизации, на пленарном заседании Государственной Думы второго созыва не рассматривался!

Впрочем, как минимум, однажды эта проблема была поставлена, но поставили ее не левые экономисты, а автор этих строк в специальном Федеральном Законе «О государственной поддержке начального профессионального образования». Этот Закон, принятый Государственной Думой и Советом Федерации в 1996 г., но отклоненный, как почти все законы в области образования, Президентом Российской Федерации, предусматривал среди прочего возвращение в федеральную собственность решением суда учреждений начального профессионального образования, созданных на государственные деньги до 1992 г., приватизированных вместе с предприятиями и не используемых по назначению. Государственная Дума пыталась преодолеть вето Президента, но не смогла. Приведенный ниже отрывок из стенограммы пленарного заседания Государственной Думы, на котором обсуждался вопрос, дает представление о том, какую ярость и негодование со стороны представителя Президента вызвала эта, кажется, единственная попытка Государственной Думы посягнуть на «святая святых» — итоги приватизации.

А. А. Котенков: «Закон нарушает положение Конституции о правах собственника. Я прошу обратить ваше внимание на пункт 3 статьи 1, в котором предписывается: «Находящиеся в собственности...» — я пропускаю там другие показатели — «... негосударственных организаций и не используемые для образовательных целей в системе начального профессионального образования объекты учебной, производственной и социальной инфраструктуры... созданные до 1992 года, подлежат передаче в федеральную собственность решением суда». Простите меня, мы прекрасно знаем о том, что многие учебные заведения профессионального образования были расформированы и их инфраструктура сменила собственника. Извините меня, иначе, как экспроприацией это назвать нельзя».

О. Н. Смолин: «Нарушения статьи 35 Конституции и так называемой экспроприации в законе нет и в помине. Цитирую часть 3 статьи 35: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Уважаемые коллеги! Откройте наш закон, статья 1, пункт 2, часть вторая: там так и написано — «судебным решением». В 1992—1993 годах законодательной и исполнительной властью было издано несколько актов, запрещавших приватизацию образовательных учреждений вместе с соответствующими предприятиями. У меня на руках один из таких документов — это постановление Правительства № 312 от 13 мая 1992 года, подписанное Борисом Николаевичем Ельциным. Могу прочитать пункт 8, если хотите: «Установить, что не допускается изъятие или изменение служебного назначения зданий и сооружений, используемых учреждениями, предприятиями и организациями системы образования, предоставленных им земельных участков без согласования с Министерством образования...» и так далее по тексту. Никаких экспроприаций мы вообще не проводим. Речь идет только о том, чтобы суды спокойно разобрались, что было сделано законно, а что нет» (Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.— 16 октября 1996 г.; Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.— 23 октября 1996 г.).

В дальнейшем единственный, кто на памяти автора на пленарном заседании Государственной Думы ставил вопрос о необходимости Закона о национализации, был, как ни странно, печально известный Альфред Кох! Вероятно, с его стороны подобная постановка вопроса имела тройкий смысл:

а) косвенное признание того, что приватизация в России по объему, а особенно по темпам и механизмам, вышла за сколько-нибудь рациональные рамки;

б) своеобразный упреждающий удар (пусть лучше Госкомимущество само подготовит удобный для него Закон о реприватизации, чем это сделают левые);

в) отражение настроений некоторых новых собственников, которые, сняв «финансовые» сливки с неожиданно обретенных предприятий, не имея способности к управлению и не желая делать серьезные инвестиции, хотели бы повторно обогатиться за счет государства, вернув ему на выгодных для них условиях то, что совсем недавно получили практически даром.

Повторю: левые в Государственной Думе ни разу не довели проект закона о национализации (либо шире — о пересмотре результатов приватизации) до

пленарного заседания Государственной Думы, и это лучшее доказательство того, как сильно подействовало на их лидеров шельмование в средствах массовой информации и обвинения в намерении вернуть прошлое.

На самом деле, отказавшись по ключевому направлению от попытки сдвинуть влево курс экономической политики и сосредоточившись преимущественно на символах (гимн, герб, флаг, попытка восстановления памятника Дзержинскому и т. п.), левые в Государственной Думе совершили ошибку, по крайней мере, тройкого рода: с одной стороны, они отдали Лужкову лозунг, который должен был стать одним из основных в их собственной программе; с другой — вызвали недовольство лево-радикальной части избирателей, у которых усилилось ощущение, что Государственная Дума занимается исключительно разговорами и парламентскими играми; наконец, в-третьих, сохранили для официальной пропаганды возможность пугать народ все тем же лозунгом: «Все отберут», тогда как из законопроекта сразу стало бы ясно, что речь может идти лишь о частичной национализации, о возвращении в государственную собственность наиболее доходных предприятий, приватизированных с нарушением закона и по бросовым ценам. Разумеется, подготовленный левыми проект закона о национализации не имел никаких шансов на подписание Президентом и достаточно мало шансов — на прохождение через Совет Федерации. Однако даже обсуждение закона в Государственной Думе и обнародование связанных с ним ожидаемых доходов в бюджет стали бы доказательством серьезных намерений левой оппозиции, наличия у нее внятной экономической программы и в конце концов укрепили бы влияние левых среди избирателей.

Дефицит кадров и идей в области экономики

Наряду с испугом перед призраком прошлого, этот дефицит во многом объясняет сравнительно низкую эффективность,— не скажу: результатов, поскольку они зависят в основном от Президента,— но самой законотворческой деятельности Государственной Думы. Причем совершенно очевидно, что дефицит этот имеет две составляющие: кадровую и концептуальную. Начнем с первой.

Дефицит кадров, в свою очередь, выражается двояким образом: с одной стороны, большинство квалифицированных экономистов в современной России принадлежат не к левым, но к правым или центристским движениям; с другой — большинство квалифицированных экономистов в составе левых политических движений принадлежат не к левому, но к правому их крылу, оказываются, так сказать, самыми правыми среди левых.

Вспоминаю свой разговор с одним из лидеров фракции КПРФ в Государственной Думе второго созыва в самом начале ее работы. Спрашиваю: почему левые добровольно отдают правым ключевые экономические комитеты (в том числе бюджетный и комитет по собственности)? Слышу в ответ: при нынешнем Президенте сделать в экономике все равно ничего нельзя, а если возьмем под себя комитеты, придется за политику этого Президента еще и отвечать; пусть уж это делают «Яблоко» и НДР. Подобная аргументация не лишена оснований, однако есть в ней и невысказанные опасения, что, оказавшись у руля экономических комитетов, думские экономисты из числа левых фракций окажутся не слишком способными продуцировать идеи и законопроекты, направленные на

качественное изменение курса экономической политики. И это опасение в целом подтвердилось: во второй Государственной Думе крупномасштабные инициативы левых в области экономической политики сравнительно немногочисленны и относятся, главным образом, к 1998 и 1999 гг. (идеи бюджета развития, повышения налога на верхнюю часть супердоходов физических лиц, слабые попытки регулирования вывоза капитала, включая усиление уголовной ответственности за нарушение законодательства в этой сфере и т. п.).

Разумеется, дефицит экономических кадров и концепций должен быть поставлен в вину левым, и в особенности тем, кто формировал предвыборные списки КПРФ — единственной левой партии, которой удалось преодолеть 5-процентный барьер. Однако справедливость требует признать, что это не только вина левых, но в еще большей степени их беда. Говорю: беда, поскольку проблема имеет свои корни не только в кадровой политике, но и в объективных процессах. Таких корней, как минимум, два.

Во-первых, среди трех наиболее эффективных методов управления народом: насилие, подкуп и обман (манипулирование с помощью средств массовой информации), — новейшая российская революция, в отличие от своей предшественницы — революции Октябрьской, явно отдавала предпочтение двум последним, впрочем, не избегая и первого. Буржуазный характер революции и ее бюрократическая форма заведомо предполагали привлечение с помощью подкупа на ее сторону не только всякого рода начальства, которому почти даром передавалась собственность, созданная усилиями всего народа, но также и верхних слоев интеллигенции, которые в новых условиях получили возможность «капитализировать» свои способности. Среди первых ушли в бизнес очень многие способные экономисты, вместе с бытием срочно поменяв и свое сознание, некогда сформированное догматизированным марксизмом. Это во многом объясняет дефицит экономических кадров среди левых законодателей.

Во-вторых, характерный для любой революции феномен «маятника», общие тенденции эпохи сказываются не только на массовом сознании, но и на сознании теоретиков. Когда-то Фридрих Август Хайек удивлялся тому, что большинство современных ему политиков и экономистов видели перспективу развития цивилизации в усилении государственного регулирования, плановых начал, ограничении рыночной стихии, что для него во всех случаях было равнозначно социализму. Теперь ситуация прямо обратная: подавляющее большинство экономистов, за исключением немногочисленных левых радикалов и сторонников самоуправленческих моделей, которые оказались в положении политических маргиналов, не видят иных перспектив, кроме рыночной экономики (что в данном случае равнозначно капитализму). В рамках же этой модели наиболее логичными представляются разного рода либеральные проекты, отличающиеся лишь по степени радикальности (Е. Гайдар, В. Черномырдин, Г. Явлинский и др.). Отсюда — общее поправление левых экономистов, с одной стороны, и дефицит у них концептуальных идей — с другой.

Если прибавить к этому, что, погрузившись в работу экономических комитетов, левые экономисты быстро убеждаются в том, как сложно изменить ситуацию при действующей Конституции и Гражданском кодексе и расстановке политических сил, и вместе со всеми депутатами попадают в сферу действия лоббистов

всевозможных фирм, зачастую представляющих криминально-бюрократический капитал, исчезают последние сомнения в том, что идейный и кадровый дефицит среди левых экономистов закономерен и объясним, хотя в глазах широких слоев населения это вряд ли может служить оправданием для Государственной Думы.

Дефицит стратегической инициативы и политического мужества

Политические противники левых в Государственной Думе второго созыва давно подметили одно уникальное обстоятельство, отличающее российскую политическую систему второй половины 90-х гг., а именно: правительственный политический курс, который левая оппозиция резко критиковала как антинародный и антигосударственный (добавим: критиковала совершенно справедливо), в Парламенте частично одобрялся голосами... все той же оппозиции! Вот лишь несколько фактов.

Государственная Дума конституционным большинством утвердила назначение премьера В. Черномырдина в 1996 г. и премьера С. Степашина в 1999 г. Последнее особенно выразительно, ибо С. Степашин, известный как один из активных организаторов Чеченской войны, был утвержден спустя всего 4 дня после того, как Госдуме не хватило 17 голосов, чтобы выдвинуть против Президента России обвинения в совершении особо тяжкого преступления как раз за развязывание Чеченской войны! Хотя и не сразу, с третьей попытки, но «изнасилованная», как тогда говорили, Государственная Дума в апреле 1998 г. дала согласие на назначение премьер-министром С. Кириенко, подтвердив еще раз, что в России Президенту сходит с рук любая политическая нелепость или прихоть. В памяти остались несколько однотипных коротких диалогов в тот напряженный апрельский день третьего голосования по кандидатуре С. Кириенко, причем все — с депутатами левых фракций.

— Олег Николаевич, как голосуете?

— Разумеется, против, а Вы?

— Это неправильно: нельзя давать им возможность роспуска Государственной Думы — потом выборов не дождемся!

И хотя лидеры фракции «Яблоко» напрасно «надували щеки», утверждая, что никто из членов фракции за Кириенко не голосовал (на самом деле, вопреки фракционному решению, несколько депутатов бюллетени взяли), нельзя сказать, чтобы в критике левых «яблочники» были совсем не правы: во всяком случае, С. Кириенко в тот день не мог быть утвержден без некоторого количества депутатских голосов от левой оппозиции.

Наконец, невозможно отрицать и того, что часть левых депутатов ежегодно отдавали свои голоса за Закон о федеральном бюджете, в котором выражена квинтэссенция экономической политики Правительства, тем самым принимая на себя и часть ответственности за нее. Более того, для обоснования этой позиции был изобретен специальный аргумент, который использовался на пленарных заседаниях Государственной Думы, в том числе даже ее Председателем, главным образом против депутатов фракции «Яблоко», но не только против них. Суть этого аргумента в том, что депутаты, голосующие против бюджета, якобы не имеют права подавать к нему поправки в интересах своих регионов, отраслей или организаций. Таковую норму предлагалось даже внести в регламент, хотя

антиконституционность подобного ограничения права законодательной инициативы совершенно очевидна.

Оставим, однако, в стороне вопрос об отношении к морали позиции депутатов фракции «Яблоко», которые благодаря многолетнему доминированию в бюджетном Комитете, как правило, успешно закладывали в федеральный бюджет интересующие их строки и объекты, но затем голосовали против бюджета в целом. Отметим более важные. Демонстративный отказ большинства «яблочников» от поддержки федеральных бюджетов, их готовность, как в случае с Сергеем Кириенко, идти на досрочные выборы депутатов Госдумы в совокупности с жесткой критикой правительственного курса (даже когда Михаил Задорнов и Оксана Дмитриева уже находились в составе Правительства) — все это, наряду с податливостью части левых, имело два важных политических последствия.

С одной стороны, левые потеряли часть своего потенциального электората, а с другой — «Яблоко» свой электорат расширило, причем отчасти именно за счет электората левых. Последнее объясняется довольно просто: в условиях, когда преобладают «протестные голосования», когда люди плохо различают левых и правых вообще, левую и правую оппозицию — в особенности, — в таких условиях за «своего» принимается каждый, кто резко выступает против существующего режима и экономической политики, вне зависимости от того, за какой режим и за какую экономическую политику он ратует.

На самом деле есть серьезные основания предполагать, что курс «яблочного» правительства, например, по отношению к бюджетным сферам, был бы не менее, а, возможно, и более жестким, чем курс критикуемых ими правительств. Напомню, что именно министр финансов Михаил Задорнов предлагал в 1999 г. сделать то, чего не предлагал сделать даже министр финансов Анатолий Чубайс — сократить расходы на образование на 4,5 миллиарда рублей (с 17,2 до 12,7 миллиарда). От полного финансового краха систему образования спас только приход к власти премьер-министра Евгения Примакова. Напомню, что среди 7 фракций и групп Государственной Думы фракция «Яблоко» имеет только пятый результат голосований по 20 ключевым законам и законопроектам в области образования и стоит ниже не только коммунистов (84,3%), аграрников (73,2%) и «Народовластия» (66,4%), но и фракции Жириновского (64,6%), в среднем отдавая за законы в области образования лишь 56,1% голосов, что примерно на 6,5% ниже среднего по Думе. Хуже фракции «Яблоко» по вопросам образования в Государственной Думе голосовали лишь группа «Российские регионы» (49,6%) и фракция «НДР» (42,3%).

Разумеется, во фракции «Яблоко» есть социальное (социал-демократическое) крыло, однако в тех случаях, когда речь идет не о политических заявлениях, а о реальных действиях, партийную позицию определяют не социал-демократы, но руководящее либеральное ядро. Поэтому вполне вероятно, что часть избирателей, которые проголосуют за «Яблоко», принимая его за реальную альтернативу курсу Б. Ельцина (например, за защитника интересов интеллигенции), в случае прихода этой партии к власти вынуждена будет повторять вслед за В. Черномырдиным: хотели — как лучше...

Вернемся, однако, к Государственной Думе и ее левому крылу. Помимо фракционного состава палаты (где левые, напомню еще раз, получили около 210 голосов), ее нерешительность в критические моменты борьбы объясняется прежде

всего двумя обстоятельствами. Первое из них — опыт Октября 1993 г.; второе — неурегулированность вопроса о политических и социальных гарантиях для депутатского корпуса в случае досрочного роспуска Госдумы.

Хотя сравнительно немногие депутаты Госдумы второго созыва, включая автора этих строк, лично пережили московскую трагедию 21 сентября — 4 октября 1993 г., призрак горящего российского «Белого дома» вставал в депутатской памяти каждый раз, когда возникала угроза роспуска нижней палаты Парламента. Согласно известному афоризму, каждый вопрос имеет три решения: правильное, неправильное и «как в армии». При всей склонности российского Президента решать ключевые проблемы последним способом страх многих парламентариев перед повторением танкового расстрела представляется сильно преувеличенным.

Во-первых, в отличие от предшественницы, нынешняя Конституция России дает Президенту чрезвычайно широкие возможности для роспуска Государственной Думы на законном или полузаконном основании. Законными основаниями могут быть, например:

постановка вопроса о доверии Правительству, проводящему «непопулярные» меры;

отставка популярного премьера и предложение Думе другой, заведомо худшей кандидатуры (причем эту процедуру Президент может повторять хоть каждую неделю, не нарушая Конституции, пока унижение Парламента не превысит все возможные пределы) и др.

Справедливости ради стоит отметить, что разработчики Конституции впопыхах не прописали в ней возможность увязывания вопроса о доверии Правительству с принятием какого-либо ключевого законопроекта (например, бюджета), как это делается, скажем, во Франции. Это дает возможность Думе, хотя опять же унижительную, одновременно выразить Правительству доверие и провалить важный для него законопроект.

Полузаконные возможности возникают при действительных или мнимых коллизиях между конституционными нормами. Такая ситуация как раз и могла возникнуть в мае 1999 г., если бы Госдума, с одной стороны, набрала 300 голосов за выдвижение обвинения против Президента, а с другой — трижды не утвердила кандидатуру нового премьера. Тогда, согласно статье 93 Конституции, Президент не имел права роспуска Госдумы в течение всего срока процедуры отрешения от должности, но не более 3 месяцев. Согласно же статье 111 Конституции, после трехкратного отклонения предложенных кандидатур он должен был распустить Государственную Думу и назначить новые выборы. И хотя совершенно очевидно, что статья 93 не предполагает никаких исключений и коллизия норм является вымышленной, в России конца 90-х гг. прав, наверняка, оказался бы тот, у кого больше прав, т. е. Президент, который, скорее всего, не дожидаясь решения Конституционного Суда, издал бы Указ о роспуске Госдумы, а если бы она не подчинилась Указу, мог в очередной раз попытаться применить силу оружия. Кстати сказать, даже в этом случае у Президента был вполне конституционный и выгодный для него выход. Он состоял в том, чтобы немедленно после третьего отклонения кандидатуры издать Указ о роспуске Государственной Думы, но не со дня подписания Указа, а, например, со дня окончания трехмесячного срока после начала процедуры отрешения Президента от должности.

Во-вторых, как показывает собственный опыт, в обоих случаях, когда депутаты Госдумы второго созыва действительно проявили характер, Президент не пошел на прямое насилие и вынужден был отступить. Первый из таких случаев — принятие в марте 1996 г. в канун пятилетней годовщины референдума о сохранении Советского Союза постановления Госдумы, осуждающего Беловежские соглашения. И хотя всем с самого начала было очевидно, что юридических последствий это решение иметь не будет, что одним постановлением одной палаты российского Парламента невозможно отменить решение полутора десятков законодательных органов и такого же количества президентов, а тем более спустя семь с лишним лет вновь «войти в ту же реку», — несмотря на все это президентская команда решила перед выборами использовать ситуацию в своих интересах и по сути начала репетицию очередного государственного переворота.

Воскресным вечером 18 марта 1996 г. здание Государственной Думы было занято спецподразделениями, которые «искали мину», будто бы заложенную неизвестным злоумышленником. Депутаты и сотрудники аппарата из здания были удалены. «Поиски» продолжались всю ночь и утро следующего дня, пока не был получен приказ оставить здание Парламента. Согласно информации газеты «Завтра», Президент отказался от попытки насильственного разгона Государственной Думы лишь после того, как министр внутренних дел Анатолий Куликов заявил, что не выполнит антиконституционный приказ. Поскольку Анатолий Куликов, в отличие от Александра Коржакова, еще не выпустил в свет своих воспоминаний, с абсолютной достоверностью подтвердить или опровергнуть эту информацию не представляется возможным. Ясно одно: отступить от первоначальных намерений Президента заставила какая-то важная причина, и, скорее всего, этой важной причиной была позиция силовых структур, после октября 1993 г. не желавших нести ответственность за кровь защитников Конституции, на сей раз уже не «хасбулатовской», но «ельцинской».

Второй, и, кажется, последний пример политического мужества Государственной Думы — ее поведение в августе — сентябре 1998 г., когда провал эксперимента с Сергеем Кириенко завершился попыткой Президента произвести знаменитую «рокировку» и вернуть на прежнее место только что отставленного Виктора Черномырдина. После двух провальных голосований, согласно кулуарной информации, Президент подготовил третье письмо с представлением В. Черномырдина на должность премьера. Выступление же последнего на телевидении должно было начать массовую антипарламентскую по существу и антикоммунистическую по лозунгам кампанию. На сей раз Президента заставила отступить уже не мягкость силовых структур, но жесткость позиции Государственной Думы, большинство депутатов которой впервые явно предпочитали унижению досрочный роспуск. С другой стороны, в случае объявления досрочных выборов президентская команда могла получить в новой Государственной Думе уже не мифическое, а реальное оппозиционное большинство.

Что касается политических и социальных гарантий, то, согласно Федеральному Закону «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», в случае досрочного роспуска Государственной Думы депутатские полномочия последних

прекращались немедленно, а связанные с досрочным увольнением с работы выходное пособие и другие социальные блага предусматривались только для депутатов Государственной Думы первого созыва. Разумеется, это также не повышало уровня политического мужества парламентариев. Однако каждый идущий в политику в российских условиях 90-х гг. обязан был знать, что это «производство» не только вредное, но и рискованное, где постоянно приходится делать выбор, в том числе между честью и благополучием.

Повторю еще раз: если бы большинство депутатов Государственной Думы обладали политической решительностью и не отдавали политическую инициативу команде Президента, страна могла бы получить последствия двоякого рода: либо при сохранении прежнего политического статуса роль, а значит и ответственность Государственной Думы *de facto* оказалась бы гораздо выше, что в свою очередь могло положительно сказаться на уровне социальной защищенности широких слоев населения; либо страна избрала бы Государственную Думу третьего созыва, скорее всего, более жестко настроенную по отношению к разрушительному экономическому курсу и способную в большей степени повлиять на ход событий. Совершенно очевидно, что оба варианта развития политического процесса предпочтительнее того, который реализовался в действительности. Однако оба они предполагают то самое сослагательное наклонение, которое истории неизвестно. И часть вины за это несет Государственная Дума второго созыва, в том числе ее левое крыло. Не случайно в кулуарах Государственной Думы от представителей президентской команды неоднократно приходилось слышать: нам повезло с лидерами оппозиции.

Разумеется, рассуждать о возможных политических сценариях гораздо легче, чем принимать ответственные решения, способные обернуться жизненной драмой для сотен людей. Однако если справедлива формула «на войне — как на войне», то не менее справедлива и иная ее интерпретация: «в революции — как в революции!» И хотя Россия переживает уже постреволюционный период, главные революционеры по-прежнему у власти. Строить же отношения с ними исключительно с помощью компромиссов и «круглых столов — значит заранее примириться с поражением.

3. «Импичменты» по-русски

Все, что было сказано выше о «поражении в правах» российской Государственной Думы, о бедах и вине депутатов, включая левое крыло, проявилось в концентрированном виде, когда в нижней палате Парламента началась процедура выдвижения обвинения против Президента Российской Федерации. В день первого пленарного заседания, посвященного этому вопросу, один из депутатов фракции ЛДПР потребовал, чтобы выступающие не употребляли слова «импичмент», и даже сам не знал, насколько был прав. Засорение русского языка «американизмами», против которого боролся депутат,— лишь внешняя сторона дела. Гораздо важнее другое: ни одна из четырех попыток отрешения Президента Ельцина от должности, в которых автору довелось принимать участие, ничем не напоминала аналогичную американскую процедуру. Впрочем, обо всем по порядку.

Первая попытка отрешить от должности Президента Ельцина была предпринята

съездом народных депутатов России 28 марта 1993 г. Неделями раньше Президент совершил первую в том году попытку государственного переворота, издав 20 марта Указ «Об особом порядке управления страной до преодоления кризиса власти», который Руслан Хасбулатов остроумно высмеял как «ОПУС». Указ предусматривал, в частности, что решения высших органов законодательной власти — съезда народных депутатов России и Верховного Совета — действуют в части, не противоречащей указам Президента, т. е. поставил не один десяток конституционных норм с ног на голову. Конституционный Суд решением от 23 марта 1993 г. констатировал: «Обращение Президента Российской Федерации к гражданам России 20 марта 1993 года, в котором он обнародовал свои действия и решения по введению в стране особого порядка управления до преодоления кризиса власти, в ряде своих положений... не соответствует частям первой и второй статьи 1, части первой статьи 3, части второй статьи 4, статье 5, части третьей статьи 81.5, части пятой статьи 104, статьям 132.2, 136.4 Конституции Российской Федерации, а также Федеративному договору (статье VII Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации)».

Для того чтобы «раскачать» съезд, группа народных депутатов России одновременно с вопросом об отрешении Президента Б. Ельцина от должности поставила и другой вопрос — о снятии с должности Председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатова. Отнюдь не бесспорная логика сторонников этой идеи сводилась к тому, что среди депутатского корпуса может обнаружиться некоторое количество людей, желающих избавиться не от одного из участников конфликта (хотя бы и главного его организатора), но от обоих сразу. Дополнительную пикантность ситуации придавало то, что для отрешения от должности Президента требовалось 2/3 голосов съезда, тогда как для снятия Председателя Верховного Совета — всего лишь половина.

Обсуждение обоих вопросов было сравнительно недолгим, а голосование по ним дало следующие результаты: за отрешение от должности Президента России — 617, за снятие с должности Председателя Верховного Совета — 339. Необходимого количества голосов оба решения не набрали. Впрочем, как выяснилось позднее, риску в этот день подвергался один лишь Р. Хасбулатов. Президент России — это вам не какой-нибудь Никсон или Клинтон — с должности уходить не собирался вне зависимости от результатов голосований. Вот как описывает планы президентской команды на случай отрешения от должности Бориса Ельцина его многолетний верный друг Александр Коржаков в нашумевшей книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката»: «Президент получил план спустя сутки. Суть его сводилась к выдворению депутатов сначала из зала заседаний, а затем уже из Кремля. По плану Указ о роспуске съезда в случае импичмента должен был находиться в запечатанном конверте. После окончания работы счетной комиссии (если бы импичмент все-таки состоялся) по громкой связи из кабины переводчиков офицеру с поставленным и решительным голосом предстояло зачитать текст Указа. С кабиной постоянную связь должен был поддерживать Барсуков, которому раньше всех стало бы известно о подсчете голосов.

Если бы депутаты после оглашения текста отказались выполнить волю президента, им бы тут же отключили свет, воду, тепло, канализацию... Словом, все то, что только можно отключить. На случай сидячих забастовок в темноте и холоде было предусмотрено «выкуривание» народных избранников из помещения. На балконах решили расставить канистры с хлорпикрином — химическим веществом раздражающего действия. Это средство обычно применяют для проверки противогозов в камере окуривания. Окажись в противогозе хоть малюсенькая дырочка, испытатель выскакивает из помещения быстрее, чем пробка из бутылки с шампанским. Офицеры, занявшие места на балконах, готовы были по команде разлить раздражающее вещество, и, естественно, ни один избранник ни о какой забастовке уже бы не помышлял.

Президенту «процедура окуривания» после возможной процедуры импичмента показалась вдвойне привлекательной: способ гарантировал стопроцентную надежность, ведь противогозов у парламентариев не было» (Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката.— М.: Издательство «Интербург», 1997. С. 159).

Можете ли Вы, читатель, представить себе, как отрешенный от должности Президент Соединенных Штатов «выкуривает» конгрессменов и сенаторов из здания Парламента с помощью спецсредств? Можете ли Вы представить себе, что тот же Президент, расстреляв Парламент, в конце концов не оказывается пожизненно в хваленых пенитенциарных учреждениях, а то и просто на электрическом стуле? Нет, импичмент — это у них. Это у них, когда в Сенате не хватает голосов для импичмента, Президент приносит свои извинения нации за мелкие грехи. У нас же во искупление своих великих грехов он готов потравить депутатов газом, а то и просто расстрелять Парламент. Какой уж тут «импичмент»!

Вторая попытка отрешить от должности Президента Ельцина приходится на 22 сентября — 4 октября 1993 г. Как известно, накануне, 21 сентября, Президент России издал Указ № 1400, которым фактически отменил Конституцию, распустил Парламент и назначил досрочные выборы нового двухпалатного Парламента на 11—12 декабря.

Заключение Конституционного Суда на президентский Указ № 1400 констатировало: «Указ Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 года не соответствует части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 104, абзацу третьему пункта 11 статьи 121.5, статье 121.6, части второй статьи 121.8, статьям 165.1, 177 Конституции Российской Федерации и служат основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121.10 и 121.6 Конституции Российской Федерации».

До сих пор отчетливо помню ночь с 22 на 23 сентября 1993 г. Полутемный зал заседаний Верховного Совета, до отказа набитый российскими депутатами. Полутемный — поскольку подача электроэнергии была уже ограничена; переполненный — поскольку он был рассчитан лишь на 256 депутатов, избранных в постоянно действующий Верховный Совет, но никак не на всех тех из 1068 народных депутатов России, кто в соответствии с Конституцией и вопреки

президентскому Указу на съезд явились. Хорошо помню и собственные безуспешные попытки добиться принятия Постановления съезда не только об отрешении от должности Б. Н. Ельцина, но и о назначении одновременных досрочных выборов Президента и народных депутатов России. Тогда многие депутаты еще думали, что, сняв Президента, можно сохранить съезд до конца срока полномочий. Прозрение наступило лишь через несколько дней.

Взгляд автора на дальнейшие события и причины кровавого исхода национальной драмы в свое время был изложен в статье «Три трагедии российской демократии». Здесь же стоит лишь в очередной раз заметить, что вторая попытка отрешения Президента Б. Н. Ельцина от должности, еще менее, чем первая, напоминала «импичмент». Вообще, импичмент как особая процедура, проводимая законодательным органом, возможен лишь там и тогда, где и когда уважение к закону и к законодательному органу стало стержнем политической культуры, элементом повседневного быта политической элиты и широких слоев народа. В условиях же страны с авторитарной культурой, где самодержавие веками было ограничено только царубийством, а власть Генерального Секретаря по многим позициям превосходила самодержавную, да еще страны, переживающей очередную революцию,— в таких условиях сила неизменно оказывается выше права, торжество «плебисцитарной демократии», включая прямые выборы Президента народом, оборачивается новым авторитаризмом, а «рациональная бюрократия» — бесстыдной камарильей. Впрочем, для обозначения последней чаще используется термин сицилийско-российской политической науки — «семья».

Третья попытка отрешить от должности Президента Б. Н. Ельцина относится к началу 1995 г. и вызвана военной авантюрой в Чечне. И в этом случае автору довелось быть непосредственным участником событий, на сей раз в качестве депутата Совета Федерации первого созыва. На пленарном заседании 18 января 1995 года решением палаты была создана специальная рабочая группа для подготовки проекта решения по чеченскому вопросу. Среди семи человек, составивших эту группу, преобладали депутаты, в тот период более или менее оппозиционные Президенту: Рамазан Абдулатипов, Елена Мизулина, Николай Кондратенко, Александр Титкин и автор этих строк. Соответственно и подготовленный проект решения оказался достаточно радикальным. Он не только требовал прекращения военных действий в Чечне, но и предлагал Государственной Думе поставить вопрос о доверии Правительству и начать процедуру отрешения Президента Б. Ельцина от должности. Разумеется, авторы проекта понимали, что он не имеет шансов быть принятым даже выборным Советом Федерации первого созыва. Однако при тайном голосовании, на котором настояла комиссия, от 60 до 70 «сенаторов» проголосовали за недоверие Правительству и отрешение Президента от должности — результат в высшей степени примечательный (См.: Совет Федерации. Заседание пятнадцатое: Стенографический отчет.— М.: Издание Совета Федерации.— 1996. С. 354-372). Однако тем все и кончилось, ибо в Государственной Думе первого созыва дальше неудачной попытки сбора подписей процедура отрешения Президента от должности не пошла.

И вот, наконец, 13—15 мая 1999 года. Если до сих пор в российском политическом лексиконе 90-х гг. прилагательное «черный» закреплялось обычно за

каким-нибудь одним днем недели (например, «черный вторник» — день одной из крупнейших финансовых махинаций или «черное воскресенье» — день расстрела российского Парламента), то теперь можно говорить о трех «черных» днях сразу. По аналогии с «импичментом» их можно было на английский манер назвать «черным уик-эндом». Не пытаясь повторить ни материалов Комиссии по выдвижению обвинения против Президента Б. Ельцина, ни многочисленных публикаций в печати, стоит заметить, что последняя попытка отрешения Президента России от должности была более всего похожа на импичмент, хотя по-прежнему оставалась далека от него, как земля от неба. На основных отличиях российской процедуры, тем более очевидных, что совсем незадолго до нее импичменту едва не был подвергнут Президент Соединенных Штатов Б. Клинтон, мы вкратце и остановимся. Главных отличий, по крайней мере, четыре: обилие и характер обвинений; уровень уважения к Парламенту и специальной Комиссии; методы воздействия на парламентариев; ожидаемые последствия и результаты.

Обвинения: de facto u de iure

В канун и в ходе процедуры выдвижения обвинения против Президента как его представитель в Парламенте, так и многие депутаты (например, депутат А.В. Митрофанов от ЛДПР), постоянно пытались доказать, что материалы российской Комиссии по выдвижению обвинения плохо проработаны и не идут ни в какое сравнение с материалами аналогичной Комиссии американского Конгресса. При этом в пример соотечественникам ставились обилие томов по «делу Клинтона» и детальнейшая фактология о его высказываниях и поведении в соответствующие дни жизни, расписанная чуть не по минутам. Представляется, однако, что подобная аргументация — это в лучшем случае хорошая мина при плохой игре, а в случае ЛДПР — попытка оправдания очередного политического кульбита лидера. Ведь надо же как-то объяснить, почему «защитник Советского Союза» и «критик прозападного режима» выступил в роли едва ли не самого яростного апологета Б. Ельцина, превзойдя по преданности и темпераменту не только лидера НДР, но и самого представителя Президента в Государственной Думе.

В действительности сравнение обвинений двух Президентом дает результаты прямо противоположные мнению защитников российского политического режима. Суть вопроса — не в количестве томов (по «делу Ельцина» их тоже вполне достаточно), но в масштабах и тяжести содеянного. Потому-то американский спецпрокурор, а затем и спецкомиссия скрупулезно собирали свои материалы по крохам, иногда действуя по принципу известной песни Александра Галича «а из зала кричат: давай подробности!», что свои обвинения, если не с юридической, то, по крайней мере, с политической и человеческой точки зрения, им приходилось «возводить на песке», едва ли не «высасывать из пальца». Потому-то российской Комиссии не было никакой необходимости подглядывать в замочную скважину президентского кабинета или спальни, что руины возглавляемой Б. Ельциным России у всех перед глазами. Потому-то российское общественное мнение и воспринимало американскую политическую трагедию как фарс, по формуле «с жиру бесятся», что стабильность и достижения США при Клинтоне, а равно и его мелкие прегрешения, не идут ни в какое сравнение с аналогичными параметрами деятельности российского Президента. «Нам бы их проблемы, а им бы — нашего

Президента», — постоянно приходилось слышать автору на встречах с людьми. Весьма остроумно, хотя и «на грани фола», та же мысль была выражена в известной частушке, обошедшей страницы многих газет и начинавшейся строками:

Говорят, что Клинтон Билл
Только Монику любил...

Переходя от фактической стороны дела к юридической, стоит указать на следующий парадокс: действия Президента Б. Ельцина, наиболее жестко осуждаемые массовым сознанием, не всегда столь же очевидно содержат признаки преступления и, наоборот, действия, в которых юридический криминал усматривается легко, не всегда столь же жестко осуждаются массовым сознанием. Это во многом объясняет тот факт, признанный потом ошибкой, что обвинения против Президента России были выдвинуты сразу по 5 пунктам: группа депутатов, выдвигавшая обвинения (в нее входил и автор), не могла игнорировать, с одной стороны, юридическую сторону вопроса, а с другой — общественные настроения. Сказанное относится и к позиции тех депутатов, которые публично демонстрировали свою юридическую беспристрастность. Такой известный юрист из фракции «Яблоко», как С. Попов, голосовал «за» по трем пунктам обвинений против Президента, а именно: в развале СССР в 1991 г.; в расстреле российского Парламента в 1993 г.; в развязывании чеченской войны в 1994—1996 гг., заявляя, что по двум другим пунктам при наличии фактической вины Президента трудно установить юридический криминал. На взгляд же автора, при наличии заключения Конституционного Суда, согласно которому, развязывая чеченскую войну, Президент действовал в пределах своих полномочий, юридическая обоснованность обвинения Президента по этому пункту столь же дискуссионна, как и по пунктам о развале армии и геноциде собственного народа.

Пожалуй, с формально-юридической точки зрения наиболее обоснованными выглядят два первых пункта обвинения Президента: в развале Советского Союза и в расстреле российского Парламента. В первом случае невозможно доказать законность «ропуска» СССР путем денонсации Союзного договора 1922 г. Дело в том, что уже Конституция 1936 г. превратила СССР из договорной федерации в конституционную и, соответственно, автоматически действие этого договора прекратила. Денонсация несуществующего договора в качестве «законного основания» для «ропуска» Советского Союза была блестящей политической манипуляцией, благополучно выполненной в условиях воспаленного революционного сознания. Соблюдая хоть какую-то законность, распустить СССР было невозможно в принципе, хотя каждая республика имела право выйти из его состава на условиях, определенных специальным Законом.

С другой стороны, и Декларация о государственном суверенитете РСФСР (12 июня 1990 г.), которая фактически способствовала разрушению Советского Союза, формально требовала лишь суверенитета России в его составе и, следовательно, ни в малейшей мере не могла служить основанием для Беловежских соглашений. Ссылки на одобрение Беловежских соглашений Верховным Советом имеют лишь моральное, но никак не юридическое значение, ибо, во-первых, Верховный Совет не был высшим органом государственной власти в Российской Федерации — таковым, как известно, был съезд народных депутатов, а во-вторых, согласно Конституции СССР, даже высшие органы власти даже самых крупных республик

не могли принять решения о разделе страны, но лишь о начале процедуры выхода республики из ее состава. Под какую статью «подвести» действия Президента одной из республик по развалу Союзного государства — это уже проблема юристов. Но совершенно очевидно, что подобные преступления относятся к числу особо тяжких.

Если антиконституционному роспуску СССР пытались хотя бы придать некий псевдозаконный флер, то государственный переворот 21 сентября — 4 октября 1993 г. абсолютно лишен даже такого прикрытия. Решение Конституционного Суда по поводу Указа Президента № 1400 уже цитировалось выше. При его наличии Верховный Суд, несмотря на давление президентской администрации, вряд ли смог бы опровергнуть обвинения в адрес Президента, в крайнем случае он согласился бы с наличием в действиях Президента признаков преступления, предусмотренного частью 3 статьи 285 УК РФ — злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее тяжкие последствия.

Вспоминаю свой разговор в сентябре 1998 г. в кулуарах сессии межпарламентской конференции с виднейшим, пожалуй, юристом фракции «Яблоко», к тому же происходивший в присутствии нескольких известных политиков. Тогда профессор права говорила почти дословно следующее: «Я посмотрела документы: 1993 год — это чистая «уголовка». Верховному Суду будет невозможно уклониться от обвинения».

Как уже говорилось, чеченская война была самым кровавым конфликтом на территории Российской Федерации и унесла, по разным оценкам, от 80 до 100 тысяч человеческих жизней, включая примерно 15 тысяч жизней российских парней, направленных Президентом и недалекими политиками из его окружения на умирание мятежной республики. И хотя война велась без объявления чрезвычайного либо военного положения, и хотя в ее начале и Государственная Дума, и Совет Федерации принимали решения с требованием войну остановить, и хотя Парламент не ратифицировал Хосавьютского договора, *de facto* делавшего Чечню независимой, Конституционный Суд признал, что в этом конфликте Президент действовал в пределах своих полномочий. Таким образом, в России 90-х гг. был создан чрезвычайно опасный прецедент оправдания насилия: выяснилось, что можно уничтожить сотню тысяч граждан своей страны и при этом ни за что не отвечать.

Отметим между прочим, мягко говоря, не часто упоминаемую в российских средствах массовой информации связь между Беловежской Пущей и Чеченской войной. Дело в том, что Президент Джохар Дудаев был прямым политическим детищем Президента Бориса Ельцина. Он не просто рассуждал по той же логике: если Россия считает возможным выйти из Советского Союза вопреки Конституции СССР, то точно так же Чечня вправе выйти из состава России вопреки ее Конституции. Он не просто воплотил знаменитый лозунг Бориса Ельцина: берите суверенитета, сколько проглотите! Он к тому же еще и представлял себя патриотом СССР (большой России), регулярно выступая с заявлениями следующего типа: Россия незаконно вышла из состава Советского Союза; Чечня же закону верна и из состава СССР не выходила; поэтому она вынуждена была выйти из состава России; как только Беловежские соглашения будут отменены и Советский Союз восстановлен, Чечня признает себя республикой в составе этого Союза. Разумеется,

за этой логичной конструкцией скрывался сепаратизм. Однако трудно оспорить, что конструкция была логичной, а по отношению к российскому Президенту — логичной убийственно.

С юридической стороны наиболее спорными выглядели два последних обвинения Президента: в развале армии и в геноциде российского народа. При этом сложность заключалась не в том, чтобы привести доказательства депопуляции или подрыва обороноспособности, но в том, чтобы доказать, что злоупотребления должностными полномочиями, повлекшие эти последствия, совершены Президентом из корыстной или иной личной заинтересованности. И все же на примере обвинения в геноциде рискну утверждать, что признаки преступления в обоих случаях были налицо. В пользу такого утверждения свидетельствуют, по крайней мере, три группы фактов.

Во-первых, если в России 90-х гг. можно говорить о какой-либо стабилизации, то прежде всего — о стабилизации кризиса. Одной из стабильных кризисных тенденций этого времени стало сокращение населения, причем столь сильное, что специалисты дружно говорят о крупнейшей демографической катастрофе мирного времени в XX в. Согласно округленным данным официальной статистики, смертность в России превысила рождаемость: в 1992 г. — на 220 тыс. человек, в 1993 г. — на 750 тыс., в 1994 г. — на 920 тыс., в 1995 — на 785 тыс. человек и т. д. При этом даже самые «объективные» (т. е. приверженные президентскому курсу) демографы полагают, что, по крайней мере, на 1/3 это сокращение — результат «политики реформ»! Другие уверены, что «заслуги» этой политики гораздо выше. Если же говорить о будущем, то, согласно все тому же Госкомстату, при продолжении нынешних тенденций население Российской Федерации к середине XXI в. сократится вдвое.

Во-вторых, от имени Правительства, назначенного Президентом, всецело ему подчиненного, ответственного перед Президентом, но «безответственного» перед Парламентом, обществом и Государственной Думе многократно предлагались проекты «реформ», а также законопроекты, которые своим неизбежным следствием должны были иметь дальнейшее сокращение населения страны: повышение пенсионного возраста при снижении средней продолжительности жизни; вытеснение бесплатной медицины платными услугами при нищающем населении; сокращение круга лиц, получающих детские пособия, при падении рождаемости и т. п. (см. первый раздел статьи). Предполагать же, что, разрабатывая и внося в Парламент подобные проекты, Правительство либо администрация Президента были не в состоянии прогнозировать их демографические последствия, — значит усомниться не только в квалификации, но и в дееспособности высшего руководства страны.

В-третьих, на протяжении 90-х гг. Президент многократно, в том числе с грубыми нарушениями Конституции, отклонял принятые Парламентом законы, направленные на поддержание жизни граждан, т. е. те самые законы, принятие которых если не остановило бы демографическую катастрофу, то, по крайней мере, уменьшило бы ее масштабы. Важнейшим среди таких законов, без сомнения, является Федеральный Закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», драматическая история которого описана выше. Многократно отклонялись Президентом также поправки к Федеральному Закону «О ветеранах»,

Федеральный Закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», многочисленные попытки Парламента поднять минимальные размеры заработной платы и пенсий. К близкой автору области законодательства об образовании Президент проявил особую «заботу», на протяжении 7 лет (с 1992 г. по 1999 г.) регулярно отклоняя все принятые Парламентом законы, за исключением одного. Среди других дважды отклонялись: новая редакция Закона РФ «Об образовании», Федеральные Законы «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «О государственной поддержке начального профессионального образования», «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья». Другими словами, студенты, дети из малообеспеченных семей, которые учатся в ПТУ, а также дети-инвалиды пользовались особой «милостью» Президента. Уверен: если когда-нибудь будет выполнено специальное статистическое исследование, оно докажет, что Президентом чаще всего отклонялись законы, направленные на поддержку социально-демографических групп, где смертность значительно превышает среднестатистические показатели, т. е. групп, как раз и нуждающихся в особой заботе государства.

С точки зрения интерпретации фактов подобного рода, самого серьезного внимания заслуживает книга бывшего министра российского «демократического» Правительства С. Ю. Глазьева, которая так и называется — «Геноцид». В частности, прослеживая историю российской приватизации 90-х гг., автор на большом материале убедительно показывает, что президентско-правительственная «команда» в большинстве случаев выбирала варианты решения, наиболее вредные для страны и ее народа, но наиболее полезные для криминального и иностранного капитала, в том числе лиц и компаний, к этой «команде» наиболее приближенных (Глазьев С. Геноцид. Россия и новый мировой порядок.— М., 1997).

Таким образом, если задаться вопросом, который с римских времен ставят перед собою все, кто пытается раскрыть преступления, а именно вопросом: «Кому выгодно?», становится очевидным, что утверждение о наличии в действиях Президента признаков преступления имело не только политические, но и известные юридические основания.

Неуважение к Парламенту

Это неуважение стало вторым отличием процедуры отрешения по-российски от импичмента по-американски, причем проявлялось оно сразу с трех сторон: администрации Президента; лиц, приглашенных в качестве свидетелей, и средств массовой информации.

Хотя на рассмотрение вопроса о своем отрешении от должности в Парламент не явились оба Президента (Б. Клинтон и Б. Ельцин), в США президентская администрация всячески подчеркивала свою готовность сотрудничать со спецпрокурором, со спецкомиссией и, наконец, с обеими палатами Федерального Парламента. Адвокаты Президента США бывали на всех заседаниях, а сам он давал показания Большому Жюри. Напротив, несмотря на несопоставимую тяжесть обвинений, из администрации российского Президента постоянно раздавались пренебрежительные высказывания в адрес специальной думской комиссии, да и самой «прокоммунистической» Государственной Думы. По какой-то противоестественной логике депутатов более всего обвиняли в политизации

вопроса, хотя по самой своей природе отрешение от должности Президента (будь то США или Россия) — это акт политический, причем ключевой. Не случайно не только в условиях криминально-олигархического режима в России, но и в относительно благополучных Соединенных Штатах при голосовании по этому вопросу депутаты разделились не по юридической квалификации и не по степени «гуманизма» в отношении к обвиняемому, но главным образом по партийно-политической принадлежности.

Соответственно Президентам вели себя и лица, приглашенные в качестве свидетелей. В Соединенных Штатах показания дали все без исключения, кто был приглашен. В России на пленарное заседание Государственной Думы не явился ни один из тех, кого можно считать ключевыми фигурами событий. В числе приглашенных, но не явившихся: Михаил Горбачев, Руслан Хасбулатов, Александр Руцкой, Павел Грачев и многие другие. Показания же давали либо политики второго ряда, либо юристы, приглашенные левыми фракциями и группами. Разумеется само собой, что никакой ответственности за отказ от сотрудничества со спецкомиссией Парламента никто не понес.

Еще более различалось отношение к процедуре средств массовой информации. Общим было, пожалуй, лишь то, что в обоих случаях они, хотя и по-разному, не отражали общественного мнения. Как известно, в Соединенных Штатах около 2/3 всех граждан выступали против импичмента Президента Б. Клинтона. Однако газеты, теле- и радиоканалы стремились более или менее равноценно представить точки зрения как сторонников, так и противников американского Президента. Сначала конгрессмены, а затем и сенаторы выстраивались в очередь перед телекамерами для того, чтобы заявить о своей позиции, причем слово предоставлялось всем, а не сторонникам только одной партии. В России, где, согласно опросам, за отрешение от должности Б. Ельцина выступали 3/4 всего населения, средства массовой информации в большинстве своем в объективность не играли, но обрушили всю мощь «четвертой власти» на законодательную власть, которая в любой цивилизованной стране признается первой, в данном случае на Государственную Думу. Соответственно и эфир был заполнен лояльными к Президенту или откровенно правыми политиками, которые на все лады доказывали неправоту или, в лучшем случае, бессмысленность процедуры отрешения. Собственно говоря, ничего удивительного в этом нет: ведь уже вскоре после избрания Б. Ельцина Председателем Верховного Совета России в июне 1990 г. «ностальгия по демократии» у многих ведущих российских политиков и журналистов сменилась «ностальгией по Пиночету». Казалось бы, «откуда у хлопца чилийская грусть»? Но, видимо, такова судьба России, что и революция, и контрреволюция мыслятся в ней в мировых категориях. Вот только как собираются новые господа построить в России демократию, методично по делу и без дела дискредитируя представительную власть, без которой демократия невозможна,— так и останется загадкой либо политическим уравнением, решение которого лежит в области мнимых чисел.

Политическое давление и подкуп парламентариев

В любом современном государстве, даже самом что ни на есть демократическом, Президент (или Премьер) и его «команда» ведут работу с

депутатами Парламента. Практически в любом государстве эта работа не ограничивается рамками цивилизованного лоббизма, о чем свидетельствуют периодические скандалы. Однако в условиях российского «бандитского капитализма» «обработка» депутатов приобретает самые грязные и примитивные формы. Методы такой обработки стары, как само государство. Отличие эпохи «полной и окончательной победы демократии» заключается лишь в том, что подкуп по значимости приближается к насилию, а иногда его превосходит. Так, уже во время утверждения премьером С. В. Кириенко депутатов не только пугали роспуском, но по Государственной Думе ходили упорные слухи о том, что некоторым депутатам в обмен на голос «за» предлагалось по несколько тысяч долларов.

В канун и во время процедуры выдвижения обвинения против Президента России оба метода применялись с размахом, а «ставки» возросли. Согласно все той же кулуарной информации, теперь уже только за неучастие в голосовании можно было получить до 35 тыс. долларов. Лидер фракции В. Рыжков, сделавший рефреном пламенных обвинений в адрес левых фракций слово «выгода», был абсолютно прав. Вот только... совершенно перепутал адрес! Что же касается политического давления, то автору пришлось наблюдать душевные муки одного из депутатов левой фракции, которому лично позвонил Президент Поволжской республики и угрожал компроматом в случае, если он проголосует за отрешение. В конце концов совесть и советы товарищей взяли верх. Однако вряд ли кто-то, кроме координаторов в администрации Президента, может точно ответить на вопрос, сколько было случаев, когда верх взяли угрозы и подкуп.

Самое поразительное в этой истории заключается в том, что едва ли не все средства массовой информации сообщали о давлении на депутатов и предполагаемом подкупе некоторой их части. Многие каналы на депутатов за это обрушились, и вполне справедливо. Однако, кажется, ни один канал и ни одна «респектабельная» газета не догадались одновременно поставить вопрос о морали и ответственности администрации Президента — организаторов предполагаемого подкупа. Между тем стоит в очередной раз напомнить, что Президент Р. Никсон в 1972 г. вынужден был уйти в отставку, совершив грех гораздо меньший — установив подслушивающие устройства в штаб-квартире демократической партии. Совершенно очевидно: если бы в ходе расследования хотя бы один факт дачи или предложения взятки депутату Государственной Думы удалось доказать, это вполне могло послужить основанием для начала новой процедуры выдвижения обвинения против Президента России. Однако, по-видимому, после расстрела Парламента, коробки из-под ксерокса с полумиллионом долларов, грязного компромата против Генерального Прокурора, сомнительных развлечений во время волжского «круиза» и описания всего этого и многого другого в книге А. Коржакова все уже настолько свыклись с тем, что окружение Президента давным-давно находится вне всякой морали и права, что никому даже в голову не пришло где-либо специально поставить вопрос об ответственности организаторов «мелкооптового рынка» по покупке депутатских голосов. Уверен: в любой стране с минимально развитыми демократическими традициями это стало бы скандалом, на порядок превосходящим Уотергейт.

Действительные результаты и ожидаемые последствия

На протяжении года, предшествовавшего неудачной процедуре отрешения, автору не раз приходилось давать политические прогнозы насчет того, наберет ли нижняя палата необходимые для выдвижения обвинения 300 голосов. Каждый раз на основе анализа расклада голосов во фракциях и группах ответ был таким: скорее, нет. И все же надежда, как ей и положено, не умирала до последнего. Уже вполне предчувствуя исход, депутаты левых фракций до самого конца хотели верить, что чувства и логика их обманывают. Незадолго до объявления результатов голосования в зале распространилась весть, что обвинение по Чечне набрало 283 голоса. Через несколько минут кто-то из вновь прибывших пустил слух, что таких голосов 302. Угасшая, было, надежда на минуту воскресла. Но тут же официальное сообщение комиссии в очередной раз подтвердило, что в политике чудес не бывает. Впрочем, даже эти результаты, которые большинство левых переживали, как поражение, примечательны во многих отношениях и, более того, содержат в себе нескольких маленьких побед.

Во-первых, для данного состава Государственной Думы, который регулярно утверждал бюджеты, кандидатов в премьеры, но не смог принять ни одной поправки к Конституции, такой результат представляется достаточно высоким. Более 70 депутатов, не принадлежащих к левым фракциям, но высказывающихся за отрешение от должности Президента-«реформатора» — результат достаточно симптоматичный. Прибавим к этому, что, не будь давления и подкупа, результат мог быть и иным: за отрешение Президента от должности не проголосовали 17 депутатов, в свое время подписавших документ о выдвижении обвинения, т. е. ровно столько, сколько не хватило до 300 голосов! Чем объясняется разительная перемена точки зрения, догадаться не трудно.

Во-вторых, примечательны результаты голосования некоторых бывших активных сторонников Президента. Так, за отрешение Б. Ельцина проголосовали бывшие члены межрегиональной депутатской группы Тельман Гдлян и Элла Памфилова, бывший лидер демократической платформы в КПСС Владимир Лысенко и бывший личный друг Президента, начальник его охраны Александр Коржаков. Сужение политической базы режима проявляется здесь вполне наглядно.

В-третьих, результаты голосования фракции «Яблоко» заслуживают упоминания по двум причинам. С одной стороны, эта самая дисциплинированная в Думе фракция, объявившая о солидарном голосовании, дала весьма высокий процент «брака». За солидарное решение не проголосовали 9 депутатов — почти 20% фракции. Очевидно президентские «администраторы» поработали с депутатами фракции очень плотно. С другой стороны, 25 депутатов фракции (более 54%) проголосовали за отрешение Президента Б. Ельцина от должности по пункту о расстреле российского Парламента, в свое время поддержанному их лидером Г. Явлинским. А 5 из 46 осудили Президента за незаконный роспуск Советского Союза. И это тоже свидетельство постреволюционной «переоценки ценностей».

В-четвертых, накануне парламентских выборов результаты голосований позволяют четко разделить политиков, относящих себя к оппозиции, на действительных и мнимых противников режима. Так, С. С. Сулакшин — в свое время член межрегиональной депутатской группы, затем автор книги «Измена», посвященной российским реформам, — голосовал точно так, как советовала

президентская администрация — за отрешение Президента по всем пунктам, кроме Чечни! Теперь доказывать свою принадлежность к оппозиции ему будет достаточно трудно, какими бы соображениями он на самом деле ни руководствовался. «Раскрутка» результатов голосования перед выборами в Государственную Думу может существенно сказаться на их (выборов) результатах по одномандатным округам.

Что касается ожидаемых последствий выдвижения обвинения против Президента России, то по этому поводу средства массовой информации и массовое сознание были почти единодушны (именно потому, что первые формировали последнее): процедура в России кончится ничем. Во время многочисленных встреч автору постоянно задавали два несовместимых вопроса: 1) Почему вы его до сих пор не сняли? и 2) Зачем вы затеяли это бесполезное дело? Такое явно не диалектическое «единство противоположностей» — один из феноменов кризисного сознания. Попросту говоря, в голове современного российского гражданина все смешалось еще больше, чем в толстовском доме Облонских. С одной стороны, жизненный опыт подсказывает ему, что терпеть дальше невозможно. С другой стороны, телевизионные передачи типа «Зеркало» или «Итогов» внушают, что ничего сделать нельзя. Вот и сидит он «на двух стульях» сразу, обвиняя тех, кого еще недавно избирал, одновременно и за мнимое бездействие, и за действия, единственно возможные при данных условиях.

Действительно, на основе действующей Конституции снять с должности Президента России едва ли не труднее, чем встретиться с живым инопланетянином. Для этого требуются: 2/3 голосов в Государственной Думе; решение Верховного Суда о совершении Президентом не какого-нибудь, а тяжкого преступления; решение Конституционного Суда о точном соблюдении процедуры; 2/3 голосов в Совете Федерации, большинство членов которого, как уже говорилось, экономически зависимы от дотаций из Центра. Наконец, все должно быть уложено в трехмесячный срок. В противном случае даже если будет доказано, что Президент является иностранным шпионом, вся процедура автоматически прекращается. Прибавим к этому, что, например, Верховный Суд теоретически мог вернуть дело в Государственную Думу, сославшись на то, что не имеет достаточной законодательной базы для его рассмотрения. И тогда процедура отречения Президента от должности прекратилась бы в самом начале. Наконец, после выдвижения обвинения Государственной Думой Президент мог решиться на очередную попытку государственного переворота, каких на протяжении срока полномочий он совершил немало.

И тем не менее развитие событий по одному из сценариев данной группы было отнюдь не предопределено, поскольку, в отличие от 1993 г., российская политическая элита давно уже устала от своего лидера, а военные, наученные опытом парламентского расстрела и чеченской трагедии, отнюдь не рвутся за него в бой. Другой сценарий, который и готовили руководители левых политических движений, заключался в том, чтобы сразу после выдвижения обвинения Государственной Думой собрать Совет Федерации и добиться принятия большинством «сенаторов» постановления с требованием о добровольной отставке Президента. В отличие от формального отрешения, для такого постановления достаточно простого большинства голосов. В этом случае президентская

«команда» оказалась бы перед весьма сложным выбором: либо продолжать борьбу в условиях нарастающего недовольства народа и политической элиты, либо уйти, получив от Парламента все возможные гарантии будущей жизни для бывшего Президента и «Семьи». Не берусь предсказать результата, но второй вариант не представляется абсолютно фантастическим.

Отсюда следует, что попытки обвинить Госдуму в пустой трате времени и отказе от работы над законами — ее прямой обязанности — не выдерживают никакой критики. Во-первых, попытка выдвижения обвинения против Президента России заняла три дня, из которых днем планового пленарного заседания был только один. В тех же Соединенных Штатах при несопоставимых основаниях для обвинения было затрачено на порядок больше времени. Во-вторых, и главное: в случае успеха отрешение Президента Б. Ельцина от должности могло стать главным практическим делом Государственной Думы. Именно практическим — ибо необходимость смены экономического и политического курса давным-давно назрела и перезрела и остро ощущается обществом. Только такая смена позволит стране начать медленно и упорно выбираться из «кювета», куда она свалилась на крутом повороте истории. При нынешнем Президенте страна будет продолжать катиться вниз по склону под восторженные крики мародеров о «единственно верном курсе реформ». В революционные и постреволюционные эпохи политический год — срок немалый. Вот почему, сознавая, что для отрешения Президента Б. Ельцина от должности левые в Государственной Думе сделали почти все, что могли, не могу тем не менее унять чувства горького разочарования. И поскольку история не прощает политикам упущенных шансов, в памяти моей всплывают нехстаты со школьных времен знакомые строки из лермонтовского стихотворения, по странному созвучию названного «Дума»:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЛЕВЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНЕЗИС И КРУШЕНИЕ ПРОЕКТА

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖЕН «ТРЕТИЙ ПУТЬ» *

* Опубликовано: Вечерний Омск.— 1990.— 23 октября. С. 2

1. Азбука политологии: испорченный компас

Публикуемый сегодня документ (платформа левой социал-демократии) нуждается в некоторых пояснениях. Первое из них связано с тем, что, несмотря на всю нашу гласность на грани свободы слова, а может быть, благодаря ей, общественное сознание не только приоткрывает истину, но и меняет прежние ложные стереотипы на новые. В таких условиях приходится вновь разяснять азбучные истины научной политологии, известные всему цивилизованному миру, но забытые в нашей стране, в очередной раз пытающейся изобрести велосипед.

Так случилось, например, с исходными политическими ориентирами, когда наша нарождающаяся демократия, подобно малому ребенку, не смогла различить, где у нее какая рука. В СССР, как известно, политиков делят обычно на «демократов» («левых») и недемократов («правых»), тогда как на Западе сторонниками политической демократии являются практически все сколько-нибудь значимые течения: от неоконсерваторов до коммунистов, за исключением крайне правых и крайне левых. В таких условиях совершенно очевидно, что сами демократы бывают как левыми, так и правыми, причем различие между теми и другими определяется, конечно, уже не отношением к демократии, а их социально-экономической программой, т. е. позицией по вопросу о социальном равенстве или неравенстве, а значит, и о собственности. Чем больше та или иная партия стремится к равенству, тем она левее, и наоборот. При этом характеристика «левее» совсем необязательно несет в себе положительную оценку, «правее» — отрицательную.

До недавнего времени и мы не сомневались, что «военный коммунизм» — это ультралевая политика, поскольку идея социального равенства была доведена до логического конца, до абсурда и внедрялась с помощью насилия, и поэтому это плохо; НЭП — гораздо более правая политика, но более реалистическая, и это хорошо; сталинский перелом — вновь зигзаг в сторону левого радикализма, перестройка же — вновь вправо и т. д. Именно такой подход находим еще в известной статье Андрея Нуйкина «Идеалы или интересы» (1988 г.). В интервью западным средствам массовой информации наши «левые радикалы» и сейчас правильно определяют свои позиции.

Однако внутри страны абсолютное большинство политических лидеров, включая таких, как М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, А. Н. Яковлев, закрывают глаза на то, что общество попало в «королевство кривых зеркал» и, похоже, склонны,

скорее, издать декрет о признании левой руки в качестве правой, нежели вернуть народу нормальную политическую ориентацию.

Почему же возникла подобная aberrация политического зрения? Думаю, тому есть три причины. Во-первых, крайне левые и крайне правые имеют немало общего. Например, те и другие готовы применять насилие для достижения поставленных целей. Не зря говорят, что, если очень далеко идти налево, обязательно выйдешь справа. Отечественные консерваторы, следовательно, не потому, дипломатично выражаясь, не являются почитателями демократии, что они правые, а, напротив, потому, что они чрезмерно левые. Во-вторых, в политике советского руководства очень долго сочетались слишком левые (уравниловка) и откровенно правые (привилегии для правящей элиты) тенденции, а среди правых лозунгов радикалов (неограниченная частная собственность и социальное неравенство) встречаются и левые (ликвидация все тех же привилегий), вплоть до необольшевистских, близких к «грабь награбленное»! В-третьих, очевидно, мы имеем дело также с низким уровнем политической культуры и сознательным желанием использовать десятилетиями насаждавшиеся стереотипы: левые — те, кто за народ, хорошие, правые — против.

К чему приводит подобная путаница, легко проиллюстрировать на примерах. Так, в массовом сознании не только В. И. Ленин — левый радикал, но и ненавидящие его Ю. Афанасьев и В. Новодворская — тоже левые радикалы. Спрашивается, чего же они не поделили? Для англичан М. Тетчер, безусловно, правый политик, у нас ее сторонники считаются левыми. Так куда же мы все-таки движемся?

На одной из встреч избирательница, спрашивая меня о здоровье уважаемого в Омске народного депутата, просила передать ему привет и прибавила: «Мы любим таких...» (далее шла похвала, которая может быть понята двояко, поэтому я ее не воспроизвожу). Однако, разбирая вопрос о рынке, мы вскоре выяснили, что политические позиции избирательницы и депутата противоположны. Он — сторонник неограниченного развития частной собственности, она — противник любых ее форм. Поистине такую любовь можно было назвать метафизической тайной, если бы она не объяснялась элементарной политической необразованностью. Уверен: пора перестать чудить и возвращаться к принятым во всем мире представлениям, иначе можно уподобиться героям известного анекдота, которые после дружеской пирушки вместо Ближнего Востока попали на Дальний и удивились, почему у израильтян совсем не тот разрез глаз? Если стрелка компаса вместо севера показывает на юг, подобных ситуаций не миновать.

Анализ расстановки политических сил в стране — особая большая тема. Пока лишь замечу, что, согласно принятому во всем мире пониманию, левыми радикалами в СССР являются, например, Нина Андреева, желающая вернуться к несколько улучшенной сталинской модели, или партия диктатуры пролетариата. Напротив, партия «Демократический союз» праворадикальна не только потому, что требует сделать частную собственность преобладающей перед всеми другими ее видами, но и потому, что с противоположных политических позиций нередко заимствует большевистские лозунги и методы (не случайно ее называют «зеркальной партией»). Либералы же, т. е. сторонники равноправия всех форм собственности, включая частную с наемным трудом, занимают позиции несколько правее центра.

В опубликованном нами документе приведены и некоторые другие критерии, позволяющие различать существующие у нас политические течения.

Здесь я расстаюсь с позицией беспристрастного политического комментатора и перехожу к изложению собственного взгляда на происходящие у нас процессы.

2. Борьба элит

Читатели, знакомые с романом Джорджа Оруэлла «1984», помнят, наверное, рассуждения автора о механизмах исторического развития. Любое общество, согласно Оруэллу, подразделяется на три класса: элиту, средний и низший, взаимоотношения которых и определяют ход событий. На определенном этапе внутри среднего класса вызревает новая элита, которая привлекает на свою сторону низший класс, сбрасывает прежнюю элиту и становится на ее место и т. д.

Схема не лишена недостатков, но заслуживает внимания, а самое главное, кое-что объясняет и в нашей действительности.

В самом деле, стержнем политической жизни в настоящее время является борьба двух основных направлений или блоков. Первый — консервативный (если угодно, блок леворадикальных консерваторов), требует возвращения к блаженным сталинским (либо послесталинским) временам, вольно или невольно защищая тем самым интересы одряхлевшей бюрократической элиты. Второй — правый, устами Валерии Новодворской и, увы, многих талантливых интеллигентов предлагает возвращаться еще дальше назад, к 1916 г., хотя бы и ценою 100-летнего отставания. За позицией этого блока легко увидеть интересы тех, кто рассчитывает, сбросив старую элиту, стать у кормила власти, прежде всего крупных дельцов «теневой» экономики. Именно они под лозунгом «равных возможностей» стремятся получить полную свободу умножения накопленных капиталов. Поскольку оба блока зовут в прошлое, их междоусобная борьба подобна борьбе мамонтов с динозаврами. О том, что каждый из этих путей угрожает стране национальной катастрофой, а, возможно, и гражданской войной, мне уже приходилось писать. (Вечерний Омск.— 1990.— 3). марта Сейчас добавлю лишь одно: любимые мною деятели культуры, призывающие страну назад в 1916-й, надеюсь, невольно уподобляются Ивану Карамазову, который провоцирует Смердякова на преступление: в истории смена общественных формаций никогда не происходила в условиях гражданского мира, а переход от административно-бюрократической системы к первоначальному капитализму наверняка не обойдется малой кровью. Не случайно в последнее время именно либеральные публицисты так сильно затосковали по «твердой руке», по генералу Пиночету и его южнокорейским коллегам.

Однако пора внести в схему Джорджа Оруэлла и коррективы: думаю, формирование новой элиты в советских условиях будет идти не столько путем вытеснения (европейский вариант), сколько путем сращивания ее с прежней (вариант афро-азиатский). В самом деле, спросим себя: кто в условиях административно-бюрократической системы имел больше возможности обогатиться незаконным путем? Ответ, думаю, очевиден: там, где «несун» - рабочий пользовался карманом или рюкзаком, вор-начальник — машиной. Так что среди новых господ, уверен, будет немало старых знакомых. Венгерские специалисты ожидают, что в процессе приватизации большинство мелких магазинов и предприятий скупят их бывшие директора. Поэтому когда либералы и

более правые партии представляют себя противниками бюрократии, это в лучшем случае самообман.

Итак, при всей междоусобной борьбе сторонники обоих путей защищают элитарные интересы. За оба пути народу придется заплатить непомерной ценой. Но есть третий путь — путь наименьших потерь, контуры которого обрисованы в предложенном проекте. Очень важно, чтобы сторонники этого пути, которые хотят действительной свободы для всех, для которых новая элита ничем не лучше старой, нашли друг друга и попытались, пока не поздно, предотвратить ожидающие страну социальные потрясения.

ОСНОВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ К ПЛАТФОРМЕ ЛЕВОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ *

* Публикуется с сокращениями. Опубликовано: Вечерний Омск.—1990.— 23 октября; Идеиные ориентиры обновленной партии. Материалы для участников семинара.— М.: ИОН при ЦК КПСС.— 1990. С. 14—19

ыКПСС вступила в решающую стадию кризиса, который среди прочего выражается в том, что:

1) в партии существует «сверхплюрализм», объединены несовместимые политические течения — от леворадикальных до либеральных;

2) руководство и Генеральный Секретарь ЦК не имеют ясных ориентиров, пропагандируя причудливый конгломерат идей, включающих:

формальное признание классически коммунистических принципов (коммунистическая перспектива);

остатки консервативно-бюрократической идеологии (опора на аппарат, стремление удержать власть ценою сдачи принципиальных позиций);

преобладающие элементы идеологии социал-демократии, причем не только левой, но и правой.

В таких условиях формальное единство уже не может обеспечить социалистическую перспективу развития страны: настал час размежевания. Однако прежде чем и для того чтобы цивилизованно размежеваться, необходимо объединиться на принципиальных платформах.

Платформа левой социал-демократии — возврат не к большевизму, крайний радикализм которого обернулся человеческой трагедией и неэффективной экономической моделью, а к истокам движения, обогащенным опытом социал-демократических и реформистских коммунистических партий Запада.

Цель

Большинство политических течений — от консерваторов до либералов и правых радикалов — провозглашают своей целью конкретное человека. Левая социал-демократия уточняет: достойная, социально-гарантированная, свободная жизнь человека в свободной от господства старой бюрократии и новых буржуа демократической России.

Одно из фундаментальных противоречий современной цивилизации — противоречие свободы и равенства (справедливости). Либерализм жертвует

справедливостью во имя свободы, тем самым ограничивая реальную свободу низших классов. Ортодоксальный коммунизм жертвовал свободой во имя равенства, которое становилось равенством в бедности. Левая социал-демократия намерена отстаивать обе эти ценности, полагая, что свобода без справедливости и справедливость без свободы превращаются в химеры.

Ближайшая непосредственная цель левой социал-демократии — защита интересов всех, живущих своим трудом (от рабочих и интеллигентов — до крестьян, фермеров и мелких предпринимателей) в условиях перехода к рынку, социальная помощь малообеспеченным.

Третий путь

В современных условиях революционной ситуации перед страной открываются три возможных пути развития.

1. Консерваторы требуют восстановления прежней модели административно-бюрократического социализма, фактически призывают назад в 70-е или даже в 30-е, хотя этот путь убедительно доказал, что ведет в тупик.

2. Правые радикалы добиваются «нормального капитализма», возврата к дооктябрьским временам. По сути на той же позиции стоят либералы, хотя и под лозунгом: «Долой «измы»!» Однако «нормальный» капитализм в Советском Союзе и России возможен не как современный, цивилизованный, а лишь как первоначальный, азиатско-бюрократический. Не исключено, что этот путь и принесет когда-нибудь свои плоды, но не для нынешнего поколения и ценою крайней социальной напряженности и человеческих потерь. Доминирующая в политической жизни страны борьба консерваторов с либералами и правыми радикалами — это борьба реакции с контрреволюцией. В конечном итоге за ней стоит борьба одряхлевшей бюрократической и нарождающейся буржуазной элиты, структуры которых нередко сращиваются, образуя бюрократический капитал.

3. Левые социал-демократы — сторонники третьего пути, который, основываясь на достижениях современного «социализированного» капитализма, призван обеспечить реальную власть и свободу для народа. Мы предлагаем не возвращаться назад, не повторять пройденных путей, а напротив, двигаться в том направлении, куда идет современная цивилизация.

Собственность

Принцип либерализма — равноправие всех форм собственности, включая частную, основанную на наемном труде. Правые радикалы предпочитают частную собственность всем другим ее видам. Правые социал-демократы, соглашаясь с либералами, обращают внимание на социальную защиту неимущих.

Левые социал-демократы полагают:

1) что полного юридического равенства всех форм собственности на практике нигде нет (в развитых странах льготные условия создаются «народным», т. е. коллективным предприятиям);

2) что собственность в конечном итоге определяет характер власти, а потому неограниченная частная собственность — путь не к свободе, а к замене прежней властвующей элиты на новую.

Наш лозунг: «Фабрики — рабочим!» В смешанной экономике, включающей все

формы собственности, ведущую роль должны занять не государственные предприятия в их нынешнем виде (что выгодно бюрократии) и не частные или частно-акционерные (что выгодно нуворишам и худшей части той же бюрократии), а «народные» предприятия двух типов:

а) находящиеся в полномочном владении (без права отчуждения) трудовых коллективов;

б) находящиеся в коллективной собственности западного образца, когда акционерами являются только работники, при более или менее равномерном распределении капитала и отсутствии (либо минимуме) наемного труда. Именно такие экономические формы при достаточной эффективности оптимальны для преодоления отчуждения работника.

Законом защищается лишь честная частная собственность, преимущественно мелкое предпринимательство.

Левая социал-демократия разделяет принцип всех великих революций: «Земля — тем, кто ее обрабатывает». Собственник земли — народ, на ней проживающий; распорядитель — Советы. Формы хозяйствования (включая пожизненную наследственную аренду) свободно выбираются крестьянами. Приватизация земли возможна лишь в ограниченных пределах и при таком механизме, который гарантировал бы ее получение крестьянами. В СССР при нынешнем уровне благосостояния села и при наличии громадного бюрократического аппарата такой механизм вряд ли удастся создать. Введение рыночных отношений возможно и без частной собственности на землю.

Проблема эксплуатации

Сторонники ортодоксального коммунизма выдвигают утопическое в данное время требование исключить ее из жизни общества. Либералы сеют иллюзии, будто такой проблемы вообще нет, либо усматривают возможность эксплуатации только со стороны государства.

Левая социал-демократия исходит из того, что:

а) в условиях рыночной (как и безрыночной) экономики избежать эксплуатации пока невозможно;

б) эксплуатация — одна из форм отчуждения человека, а потому надо стремиться к ее ограничению в интересах экономической эффективности и социальной справедливости. Этому могут служить следующие меры, применяемые в большинстве цивилизованных стран:

система прогрессивных налогов на «верхнюю» часть предпринимательской прибыли, на недвижимость крупных размеров, на наследство, позволяющее жить не работая, и т. д.;

налоговые льготы предприятиям, продающим акции главным образом собственным работникам;

система «участия в прибылях», ставящая распределение под контроль трудящихся в лице профсоюзов или других организаций. Помимо всего прочего это ослабит социальную напряженность при переходе к рынку.

Рынок

Консерваторы — противники рынка, а если и признают его, не готовы

поступиться интересами государственной бюрократии для облегчения положения «простых» граждан, ущемить ведомственные интересы. Либералы и правые социал-демократы требуют рынка, но уверяют, что он может быть только одного типа (подразумеваемая — капиталистического), на практике же защищают интересы тех, кто уже накопил богатство, нередко предлагают опереться на «теневую экономику».

Левые социал-демократы, будучи сторонниками рынка, ставят два вопроса: а) какой рынок? б) в чьих интересах и за чей счет?

Сторонники платформы исходят из того, что на современном Западе есть два типа рынка, различающихся экономическими субъектами:

- а) основанный на частной и частно-акционерной собственности — капиталистический;
- б) основанный главным образом на коллективной собственности — «посткапиталистический». На него и следует ориентироваться Союзу и России.

Наш лозунг: «Рынок — для народа, а не для бюрократов и нуворишей за счет народа».

Справедливость и социальная защита

Консерваторы — сторонники уравниловки, лишаящей человека стимулов к труду; либералы — неограниченного социального неравенства, создающего высокую социальную напряженность и превращающего в фикцию лозунг «равных возможностей». Вопросы социальной защиты слабо разработаны в существующих программах перехода к рынку.

Позиция левой социалдемократии — преимущественно трудовое, контролируемое обществом неравенство. Помимо системы прогрессивного налогообложения и «участия в прибылях», этому могут служить:

ликвидация ограничений на заработки трудящихся, связанные с ростом эффективности труда;

право всех работающих пенсионеров на полную пенсию;

система общественного контроля над экономической деятельностью: полная гласность в отношении продажи мелких предприятий, налоговые декларации и т. п.;

общегосударственная программа борьбы с «теневой экономикой» и организованной преступностью.

Милосердие в понимании левых социал-демократов — не бесплатный суп и ночлежки (хотя и это бывает полезно), а создание условий для полноценной жизни и развития, т. е. системы социальных гарантий, включая:

приближение минимальной заработной платы и трудовых пенсий к прожиточному минимуму, определяемому по регионам;

ускоренную разработку и внедрение государственной и местных программ обеспечения занятости;

формирование системы социальной помощи и льгот для бедных («малообеспеченных»), многодетных семей и т. п. категорий граждан.

Таким образом, вместо бюрократической защиты должностных привилегий и либерально-демократического требования отказа от всяких привилегий левая социал-демократия выдвигает лозунг: «Привилегии — только во имя равенства!»

Демократия

В настоящее время сторонниками «твердой руки» выступают не только консерваторы, намеренные таким путем восстановить улучшенный вариант прежней системы, но и все больше либералов, желающих административными методами ввести «рынок» (т. е. капитализм), преодолевая сопротивление неимущих.

Левые социал-демократы не просто противники авторитаризма, но и сторонники развернуто-демократического режима, который позволяет трудящимся защищать собственные интересы. Такой режим предполагает:

завершение передачи власти Советам, государственный, но не партийный контроль над армией, правоохранительными органами, государственными средствами массовой информации;

действительный политический плюрализм, принятие Закона о партиях;

принятие пакета законов, гарантирующих права человека в соответствии с международными нормами;

формирование преимущественно «снизу» структур управления экономикой, культурой, общественными организациями;

широкое местное самоуправление, включая микрорайоны, жилмассивы в городах.

Левые социал-демократы — сторонники не президентской, но парламентской республики; сильная власть Президента, даже избранного всенародным голосованием, при российских и советских традициях может легко превратиться в новую диктатуру.

Демократии не добиться путем запретов. Запрет партийной деятельности на предприятиях и в государственных учреждениях — новая форма отчуждения от политики. Однако, считаясь с общественными настроениями, левые социал-демократы готовы передать этот вопрос на усмотрение трудовых коллективов.

Армия и правоохранительные органы подлежат департизации. Однако в переходный период в них лишь упраздняются партийные организации с сохранением для желающих права на членство в политических партиях.

Национальный вопрос

Сохранение Союза в новой форме — как Союза суверенных государств — было бы объективно лучшим для всех вариантов, однако это маловероятно. В таких условиях левые социал-демократы считают необходимым:

признать право наций на самоопределение вплоть до отделения, на определение формы своей государственности в Союзе и Российской Федерации, на широкую административно-территориальную и культурную автономию (все это относится и к правам национальных меньшинств в отделяющихся республиках);

защищать человеческие права и интересы национальных групп — представителей народов России, живущих в других республиках, в том числе и прежде всего — в отделившихся от Союза;

сохранять льготы в экономическом отношении только для республик, входящих в Союз, в отношениях же с остальными немедленно переходить на мировые цены.

Образование и культура

В этой области левая социал-демократия поддерживает следующие общедемократические принципы:

приоритетное финансирование образования и культуры, повышение уровня заработной платы работников, обращенных к человеку, как минимум, до уровня работающих в материальном производстве;

плюрализм культурных направлений гуманистической ориентации;

экология культуры, поддержка культурных направлений, пропагандирующих действительно общечеловеческие ценности: коммерческому искусству — коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; классическому и народному искусству — лимитированные цены, низкие налоги, государственные дотации и общественное меценатство. Полный хозрасчет — гибель подлинной культуры;

широкая автономия и самоуправление учебных заведений.

Тактика

Левая социал-демократия придерживается тактики двух блоков: «демократического» — с либералами — в том, что касается демонтажа остатков административно-бюрократической системы; левого — с другими социалистическими течениями — в вопросах собственности и социальной справедливости. В просветительной работе следует исходить из того, что консервативно-бюрократические стереотипы уже разрушены либеральной прессой, а потому необходимо сосредоточиться на критике новых либеральных стереотипов.

Наиболее вероятная ближайшая перспектива левой социал-демократии — деятельность в оппозиции к побеждающим либералам и правым радикалам, возможно, при правом авторитарном режиме и запрете на деятельность коммунистических и социалистических партий...

Платформа левой социал-демократии обращается с предложением о совместных действиях ко всем сторонникам «третьего пути» в КПСС, к тем, кто вышел из ее рядов, другим социал-демократическим организациям, «зеленым», анархо-синдикалистам, беспартийным: только объединив усилия, можно уберечь страну от возврата как к «казарменному» коммунизму, так и к примитивному, антигуманному капитализму, возможно, к гражданской войне и национальной катастрофе.

ТРЕБУЮТСЯ НОВЫЕ ЛЕВЫЕ *

* Опубликовано: Позиция.— 1991.— № 43. С. 1

Газеты полны сообщениями о том, как быстро организуются предприниматели России и других республик бывшего Союза: то создается Клуб молодых российских миллионеров; то на российском съезде видный «радикальный демократ» возглашает: «Артем Тарасов — наша надежда, наш столп»; то Гавриил Попов, попытавшийся ограничить цены на московских рынках, подвергается массовой атаке за «антинародную» деятельность; то с предпринимателями встречается и делает им реверансы бывший российский премьер Иван Силаев; то, наконец, Совет предпринимателей создается при Президенте Михаиле Горбачеве.

Замечу мимоходом, что структуры, обеспечивающие воздействие «большого бизнеса» на систему власти, есть, конечно, во всех цивилизованных странах, однако там они не афишируются. Власть стремится представить себя защитником интересов всего народа, а не отдельной социальной группы, простого человека, а не промышленно-финансовой элиты. У нас, как видим, иначе: Президент создает при себе не Советы работников, пенсионеров, безработных и т. п., но лишь Совет предпринимателей. О защите интересов этой социальной группы открыто заявило и большинство новых партий, относящих себя к демократическим.

А что же работники? Неужели они всерьез поверили, что чем богаче богатые, тем быстрее мы станем развиваться, что чем больше денег у миллионеров, тем больше станет и наша заработная плата? Если так, должен разочаровать: в этом новом мифе правды ничуть не больше, чем в старых, какими нас кормили до недавнего времени. Скажем, в Японии в середине 80-х уровень социального неравенства был немногим выше, чем в СССР, а уровень общественного богатства приближался к американскому. Относительно невысок уровень социального неравенства в таких богатых странах, как ФРГ, Швеция и некоторых других. И, напротив, именно бедные страны демонстрируют кричащую роскошь на фоне нищеты большинства.

Наивно думать, что отечественные предприниматели станут заботиться о работниках, как о самих себе или еще больше. Спасение утопающих во все времена было делом рук самих утопающих. Предприниматели организуются — это естественно, но надо организовываться и работникам. Надо тем более, что мы стоим на пороге беспрецедентной в мировой практике приватизации. Провозглашая равенство всех форм собственности, руководители страны фактически отдают приоритет частному бизнесу. А в этом случае, как мне уже не раз приходилось писать, приватизация неизбежно приобретет криминально-бюрократический характер. Увы, за примерами далеко ходить не надо: полюбуйтесь хотя бы на то, как омский Торговый дом скупает за бесценок книжные магазины в центре города, не спрашивая при этом работников! Такой произвол идет вразрез даже с плохим, по моему убеждению, российским Законом о приватизации, который дает все же известные права трудовым коллективам и требует, чтобы их мнение спрашивали, принимая подобные решения.

Защита интересов работников — прежде всего профсоюзов. Однако этого мало. Нужны еще и политические партии. Во всем цивилизованном мире, в отличие от нашего отечественного «королевства кривых зеркал», партии, ориентирующиеся на интересы работников, на большее социальное равенство, называются левыми; партии же, ориентирующиеся на интересы предпринимателей, на социальное неравенство — правыми. После разрушения КПСС, верхушка которой срослась с бюрократией, а «низы» в большинстве своем разделяли более или менее левые настроения, на нашей политической арене остались, по преимуществу, партии правого толка, которые вступили в борьбу за власть между собой. Есть, правда, некоторые признаки смещения влево Демократической партии России (партии Травкина) и социал-демократов. Думаю, эта тенденция будет нарастать, но пока она очень слаба. В таких условиях место на пустующем левом фланге намерена занять Партия Труда. С инициативой создания этой партии выступили: московские профсоюзы, социалисты, анархо-синдикалисты, часть бывших коммунистов

недогматического толка.

Нравится это кому-то или нет, но надо понять: без левой оппозиции общество не может нормально развиваться, как не может человек ходить на одной правой ноге. Если на политической арене не представлены левые, не только некому защищать права работников, но к тому же трудно сохранить демократию. Ведь сильная оппозиция — гордость любого демократического общества, а без нее и демократии приходит конец: бесконтрольная власть способна развратить любых лидеров, будь они хоть ангелы по своим задаткам.

Поэтому я и говорю: требуются новые левые. Новые не только по названию и идеям, но также по организации и методам деятельности и, что очень важно, не связанные с бюрократизированными и дискредитировавшими себя партийными структурами. Мне лично позиция Партии Труда симпатична, а некоторых ее лидеров я знаю как хороших специалистов и порядочных людей.

Итак, если мы, работники, не хотим, чтобы нас в очередной раз оставили «с носом» и при этом уговаривали, что так надо для нашего же блага, следует объединяться и учиться отстаивать свои интересы в новых условиях.

Думаю, пришло время «собирать камни».

* * *

К сожалению, проект создания Партии или Союза Труда, т. е. политического движения, лейбористского по форме, но значительно более левого по содержанию, реализовать по-настоящему так и не удалось. Причин тому было три:

- 1) отсутствие реальной организационной работы со стороны лидеров ФНПР, без чего лейбористское движение, разумеется, невозможно;
- 2) резкий поворот руководства ФНПР вправо после замены ее лидера Игоря Ключкова Михаилом Шмаковым;
- 3) организационная слабость и разобщенность левых активистов вне коммунистического движения.

Именно отсутствие в России массового нового левого политического движения, на мой взгляд, стало главной из субъективных причин, обеспечивших «успех» политики «шоковой терапии», т. е. разрушения национальной экономики и резкого падения уровня жизни основной массы населения. Ныне, в условиях социальной и политической поляризации страны, идея создания демократического левого движения представляется менее осуществимой, чем в 1991 г.

БУДЕТ ЛИ ЕЩЕ ОДНА ЛЕВАЯ? *

* Опубликовано: Позиция.— 1994.— № 47.— С. 3; Омское время.— 1994.— № 50.— С. 2

30 октября в Москве проходил Учредительный съезд Российского социал-демократического союза (РСДС). Как участник съезда, хотел бы проинформировать читателей о нем и о своей позиции. Тем более, что по этому поводу придется слышать немало вопросов.

В работе съезда принимали участие представители Российской социал-

демократической народной партии (партии Руцкого), социал-демократической партии России, в которой недавно к власти пришло левое крыло во главе с Александром Оболенским и Павлом Кудюкиным, Российского социал-демократического центра, Федерации независимых профсоюзов России, «зеленые» и, наконец, нескольких организаций Партии Труда (партия в целом решение о вхождении в РСДС не принимала).

На съезде явно обнаружилось два крыла будущей (если будущей) организации: левое и центристское. Сторонниками «левого уклона» на съезде проявили себя в выступлениях Александр Оболенский, Павел Кудякин, Олег Румянцев и автор этих строк. Заметно ближе к центру был один из лидеров РСДНП Василий Липицкий. Еще более тяготели к центру представители Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП) Игорь Юргенс и депутат Совета Федерации от Москвы Николай Гончар, не говоря уже о присутствующем на съезде в качестве гостя лидере ФНПР Михаиле Шмакове. В целом левые настроения преобладали как на самом съезде, так и в принятых документах. Однако это еще не является гарантом того, что у руководства РСДС хватит принципиальности последовательно противодействовать нынешней политике экономического разрушения и социального обездоливания, а равным образом — гарантией того, что новая структура сможет играть заметную политическую роль в современной России.

В работе съезда в качестве гостя принимал участие Михаил Горбачев и был весьма тепло встречен. Слушая подзабытые уже плавно текущие и в общем-то правильные рассуждения Михаила Сергеевича, я не мог не отметить очередной парадокс нашей общей и своей личной политической жизни: несмотря на согласие на 80% с тем, что сейчас говорит бывший Президент СССР, мне придется немедленно покончить с участием во вновь создаваемой структуре, если в нее войдет Михаил Горбачев, а тем более если он попытается ее возглавить. Политическая реанимация — не моя специальность. Находиться в одной команде с человеком, который имел все возможности, чтобы предотвратить разрушение собственной страны, но остался его пассивным наблюдателем, я, естественно, не могу.

Оценивая ситуацию с российским политическим спектром, хочу заметить, что Россия явно нуждается еще в одной левой партии, которая опиралась бы по преимуществу на городских рабочих и интеллигенцию, подобно тому, как Аграрная партия опирается на сельский электорат. Отсутствие такой партии — одна из причин, заставляющих левонастроенных избирателей, имеющих вместе с тем предубеждение против вывески «КПРФ», отдавать свои голоса Владимиру Жириновскому. Напротив, ее появление и последующее блокирование с другими левыми силами позволило бы усилить противодействие нынешнему режиму и поднять шансы на изменение курса экономической политики. Именно по этим причинам мы уже более трех лет пытаемся реализовать в России нечто вроде лейбористского проекта — проекта создания Союза Труда как силы защиты социальных интересов работников, тесно взаимодействующей с профсоюзами. Станет ли создаваемый РСДС такой политической силой, пока уверенности нет. Что касается моего личного отношения к новой организации и возможности участия в ней, то достаточное представление об этом дает выступление на съезде. Привожу его полный текст.

* * *

Уважаемые товарищи! Я не могу говорить «за всю Одессу», представлять официальную точку зрения Партии Труда, ибо совет ПТ не обсуждал вопрос о вступлении в РСДС. То, что я скажу дальше, отражает позицию, обсужденную в омской организации ПТ, а также мою личную. Кстати сказать, профсоюзная акция, проведенная в Омске 27 октября, была третьей по численности, причем на ней доминировали лозунги отставки Правительства и досрочных выборов Президента. Наша организация разделяет эти лозунги, а я поддерживаю их в Парламенте. Говорю об этом специально для присутствующих представителей руководства ФНПР.

Возвращаясь к теме, хотел бы заметить, что любая социал-демократическая организация, а в особенности такая, какой задуман РСДС, не может быть однородной в идейном отношении. Однако считаю нужным обозначить несколько принципиальных позиций, которые, как мне кажется, должны объединять большинство политических активистов социал-демократической ориентации. Формулирую их специально остро, чтобы придать определенность дальнейшей дискуссии. Кстати, часть этих позиций отражена в проектах учредительных документов, однако в такой размытой и наукообразной форме, что требуется перевод на русский язык. Откроем, например, страницу 6 и прочитаем: «Предотвращение дальнейшего потенциала наукоемкости национального продукта России...». Спрашивается: что это за организация трудящихся, если для понимания ее основных документов требуется высшее гуманитарное образование или ученая степень?

Итак, позиция первая: оппозиционный характер организации — так сказать позиция об оппозиции. Я разделяю точку зрения Василия Липицкого, согласно которой нельзя быть в наше время социал-демократом и не находиться в оппозиции к нынешнему режиму. Причем я уверен, что настоящая социал-демократия должна быть не «оппозицией его Величества», а «оппозицией его Величеству». Хотя называть величествами руководителей нынешнего режима язык не поворачивается. Аргументация такой позиции кажется мне очевидной. Россия переживает крупнейшую в мирное время в истории XX века экономическую катастрофу. По официальной статистике, падение производства составило: в 1991 г. — 10—12%, в 1992 — 20%, в 1993 — 18%, за 10 месяцев 1994 г. еще 21%, как недавно заявил господин Черномырдин. Согласно официальной статистике, средний уровень жизни населения упал не менее чем в 2 раза. По уровню же социального неравенства, согласно выступлениям господина Шохина, Россия превзошла развитые страны в 3—4 раза. Если когда-то консерватор Черчилль заявлял, что капитализм — это неравное распределение блаженства, а социализм — это равное распределение убожества, то наш современный капитализм оказался неравным распределением убожества.

Ни в одной стране ни одна нормальная социал-демократия, представляющая интересы трудящихся, ни с чем подобным не мирилась. Вообще, когда на Западе производство падает на 5%, это называется экономическим кризисом. Когда же, по официальным прогнозам Правительства, в России валовой внутренний продукт в 1994 г. упадет на 16—18%, промышленное производство — на 25—27%, а машиностроение — на 45%, это называется стабилизацией! С исключительным

цинизмом Егор Гайдар, представляющий радикально либеральное направление, так скажем, новейших революционеров наизнанку, утверждает, что если народ не умирает с голоду, и в стране нет голодных бунтов, значит реформы идут успешно.

Но просто заявить об оппозиции режиму в настоящее время мало. Сейчас от него отмежевываются все, кому не лень, даже бывший министр финансов Борис Федоров. Действительная социал-демократия должна определить, в оппозиции к чему именно она выступает и что именно предлагает взамен.

Отсюда позиция вторая: социал-демократы не могут не быть в оппозиции к «шоковой терапии» по Гайдару и приватизации по Чубайсу. Остановлюсь на последнем чуть подробнее.

Еще в 1992 г. на VII съезде депутатов России мне приходилось говорить в лицо господину Чубайсу, что он отличается от известного булгаковского героя Шарикова только одним: Шариков хотел все отнять, чтобы потом поделить, а господин Чубайс — все поделить, чтобы потом отнять. Практика вполне подтвердила эту точку зрения. Ваучеризация по Чубайсу не дала ни эффективности производства, ни настоящего собственника, ни инвестиций. Я стараюсь избегать официальных штампов, но ваучеризация создала так называемый феномен «красных директоров», когда производство падает, а доходы управленческого аппарата растут.

Мне представляется, что документы социал-демократического Союза должны закрепить, как минимум, позицию «Декларации принципов» Социалистического Интернационала, а именно: смешанная экономика с сильным общественным сектором. В наших условиях это предполагает признание частичной ренационализации производства.

Позиция третья: защита социальной сферы, социальных интересов населения. И не только из соображений гуманности, но и по экономическим принципам. Дело в том, что падение уровня жизни населения — это мощный фактор экономического спада, деиндустриализации страны, которая, естественно, ведет к дальнейшему падению уровня жизни и так далее по замкнутому кругу.

Не менее важна четкая позиция по отношению к разрабатываемым сейчас проектам приватизации образования. Совершенно очевидно, что в условиях России приватизация образования, во-первых, приведет к сокращению государственного финансирования; во-вторых, породит коммерциализацию образования, при которой знания и культура станут делом десятым; в-третьих, вызовет скачкообразный рост неравенства в образовании, превратит его в привилегию для избранных; наконец, в-четвертых, следствие этих причин будет означать сокращение числа образованных (поскольку платить за образование почти некому) и ухудшение качества образования. Все это положит конец близким сердцу любого социал-демократа идеям общедоступности образования и культуры, по крайней мере, на десятилетия.

Позиция четвертая: оппозиция к Конституции. Вопреки навязываемому режимом мнению, Конституция стала шагом не к демократии, а в прямо противоположную сторону, приблизила нас не к правовому государству, а к суперпрезидентскому полуавторитарному режиму. Еще накануне выборов 12 декабря мне не раз приходилось заявлять, что всю Конституцию можно было бы изложить двумя статьями: статья первая — Президент всегда прав; статья вторая —

если Президент не прав, смотри статью первую. Десятимесячная работа в Совете Федерации убедила в правильности этой позиции. Однако легальность (законность) самой Конституции сомнительна, как минимум, по 4—5 пунктам. Во-первых, Президент не имел права отменять Указом прежнюю Конституцию, но отменил. Во-вторых, по прежней Конституции Президент не имел права назначить референдум, но назначил. В-третьих, согласно действовавшему Закону о референдуме, для принятия новой Конституции требовалось большинство от общего списка избирателей. Президент же установил другие правила. Наконец, в-четвертых, отменяя своими Указами целый ряд законов, Президент забыл отменить Закон о референдуме, и Закон этот даже формально действовал одновременно с Указом. Следовательно, именно в соответствии с Законом необходимо было считать голоса. Если к тому же справедливы расчеты группы Сабянина, и в референдуме по Конституции приняли участие менее половины всех граждан, имеющих право голоса, то даже по установленным Президентом правилам Конституция не принята!

Уверен: требование пересмотра нынешней Конституции должно быть одним из основных не только для социал-демократов и не только для левых движений, но и для всех, кто продолжает разделять хотя бы точку зрения на демократию как плохую форму управления, лучше которой, однако, человечество еще ничего не придумало.

Я согласен с прозвучавшим здесь, и в частности от Олега Румянцева, предложением и готов проголосовать за созыв Конституционного Собрания.

Позиция пятая: тесное сотрудничество с профсоюзами. Я всегда был сторонником лейбористского проекта создания массовой партии трудящихся и до сих пор считаю, что без профсоюзов объединение даже множества левых партий и групп не решит проблем. Образно говоря, из соединения оленя с десятком кроликов политического тигра не получится.

Полагаю, что левые политические течения должны работать со всеми профсоюзами, однако официально блокироваться лишь с теми профсоюзными лидерами, которые последовательно защищают интересы работников, а не целуют руки руководителям нынешнего режима при каждом удобном случае.

Позиция шестая: название Союза. С 1990 г. я определял свои взгляды как взгляды левой социал-демократии. Однако сейчас, когда социал-демократия входит в моду и когда этим именем не клянется только ленивый (чуть ли не господин Бурбулис заявляет о симпатиях социал-демократии), приходится думать о возможной смене вывески.

Если сторонники нынешнего режима или его перекрашивания создадут собственную социал-демократическую организацию, нормальным социал-демократам придется либо бороться за название истинных, либо искать новое наименование. Возможный вариант — Союз Труда.

И, наконец, последнее. В порядке полемики я хотел бы заметить, что мы, конечно, должны использовать опыт западной социал-демократии, однако не можем это делать механически. Может быть, через 50 лет российская социал-демократия сможет стать такой же респектабельной, спокойной, как наши зарубежные коллеги. Но сейчас российская ситуация напоминает, скорее, Европу 30-х гг. И мы должны быть не менее энергичной и боевой — в политическом

смысле — организацией, чем европейские социал-демократы того времени. Кстати, они и до сих пор не стесняются называть свою официальную идеологию демократическим социализмом, тогда как на нашем съезде звучат предложения отказаться от «измов».

Таковы лишь некоторые позиции, которые я хотел вынести на обсуждение съезда. В зависимости от того, разделит ли их Союз, мы будем определять форму сотрудничества с РСДС омской организации и Партии Труда в целом. Спасибо.

НЕСТАЛИНИСТСКИЕ ЛЕВЫЕ В РОССИИ: ОБОЗРИМОЕ БУДУЩЕЕ — РАБОТА В ОППОЗИЦИИ *

*Выступление на конференции социалистов-обществоведов
Нью-Йорк, 8 апреля 1995 г.*

* Опубликовано: Альтернативы, 1995. — № 3. С. 2—6

Уважаемые участники конференции! Совершенно очевидно, что условия для развития демократического левого движения в России иные, чем на Западе: в чем-то лучше, но в основном, пожалуй, хуже.

Существуют, по крайней мере, две группы факторов, которые по логике вещей должны усиливать левые настроения в России: очевидный провал политики «шоковой терапии» и особенности национального менталитета.

Что касается «шоковой терапии», то как специалист я мог бы быть доволен тем, что выступал «против» в то время, когда почти все мои коллеги — народные депутаты России — были «за». На фоне восторженного хора голосов, кричащих: «Ура, реформы наконец-то начались!» — немногочисленные противники «шоковой терапии» предупреждали тогда, что вместе с этим медицинским термином стране скоро потребуются и другие: «реанимация», а возможно и «клиническая смерть». Суть политики «шоковой терапии» в России была предельно проста:

- 1) освобождение цен («Ни плана, ни рынка, а экономику распустить»);
- 2) всеобщая обвальная приватизация («Все поделить»);
- 3) замена бесплатных или практически бесплатных социальных услуг платными («Каждый должен платить за все, а зарплату ему или не доплачивают, или не платят»).

С тех пор динамика экономического кризиса в России, согласно официальным данным, была такова: спад промышленного производства в 1991 г. составил 10—12%, в 1992 — 20%, в 1993 — 18%, в 1994 — 21 процент. Таким образом мы легко догнали и значительно перегнали Соединенные Штаты периода «Великой депрессии». Впрочем, известный хрущевский лозунг был реализован и в другой области: согласно оценкам бывшего Министра экономики Александра Шохина, уровень социального неравенства в России в 3—4 раза выше, чем в развитых странах Запада. По официальным оценкам, в Москве децильный коэффициент составляет 50.

Среднесрочная правительственная программа на 1995—1997 гг. содержит одновременно две противоположные оценки экономической ситуации:

- а) в стране произошла экономическая стабилизация;

б) кризис в России переходит в структурную фазу, которая будет самой тяжелой.

По каким учебникам и в каком университете изучали логику авторы этой программы, видимо, известно только им самим.

Впрочем, точность прогноза в случае, если этот прогноз катастрофический, является слабым утешением. Перефразируя Бисмарка, можно сказать, что неучастие в плохой политике не освобождает от ее последствий. Понятно, что углубляющийся экономический кризис является фактором роста оппозиционных настроений в стране, в том числе левых.

Другой фактор левых ориентаций массового сознания — это национальный менталитет, в котором прочно укоренились представления о социальной справедливости коллективистского и во многом уравнилельного характера. Специалисты в области контент-анализа давно обратили внимание на то, что «архетипы» классической российской культуры XIX в. ориентированы не на материальный интерес и личное обогащение, а скорее, на нестяжательскую самореализацию, а иногда самоотречение в интересах других людей. Пропаганда примитивной рыночной психологии с ее призывами типа «Обогащайтесь!», «Деньги не пахнут» и т. п. плохо совместима с таким культурным контекстом. Не случайно бывшие демократы в России все чаще призывают «железной рукой», административным насилием защищать интересы новых собственников и подавлять уравнилельные настроения.

Однако роль названных выше факторов «левого поворота» весьма и весьма неоднозначна. Так, развал экономики, обнищание широких слоев вызывают, скорее, не левые демократические, а крайне левые (неосталинистские) и крайне правые настроения, либо апатию и равнодушие к любой политике («все они там одинаковы»). Что же касается представлений о равенстве, то они, во-первых, нередко имеют весьма своеобразный характер: мне лично приходилось неоднократно наблюдать людей, которые спокойно воспринимают факты невиданного разворовывания страны, вывоза за рубеж многих миллионов долларов капитала, но вместе с тем не могут жить спокойно, когда у соседа заработная плата выше на 100 тысяч рублей (20 долларов). Во-вторых, уравнилельные стереотипы массового сознания, как это ни парадоксально, были использованы существующим режимом.

На последнем стоит остановиться особо. Как известно, ваучерная приватизация по Чубайсу мотивировалась именно тем, что каждый гражданин должен получить равную долю общественного богатства. При этом автор проекта многократно публично заявлял, что на ваучер каждый сможет купить «Волгу» (престижная марка автомобиля в СССР и России). Еще до начала проекта было совершенно очевидно, что данная модель приватизации экономики вредна, социально бесполезна, но политически почти гениальна, поскольку привлекает всех и якобы в равных долях к растаскиванию общественного богатства. Выступая на съезде депутатов России в присутствии Чубайса, я говорил о том, что сторонники обвальнющей ваучеризации, как две половинки яблока, похожи на героя повести Михаила Булгакова «Собачье сердце». Только тот предлагал сначала все отнять, а затем поделить, эти же требуют все поделить, чтобы потом отнять! И тем не менее парадокс истории состоялся: механизм «дикого капитализма» в России был

запущен с помощью стереотипов «казарменного коммунизма»!

На мой взгляд, факторы, которые вызывают смещение российского политического курса вправо, значительно сильнее тех, о которых речь шла выше. Отведенное время не позволяет мне анализировать эти факторы, но позволяет назвать четыре наиболее важных.

Во-первых, это «неоконсервативная волна» — общий сдвиг вектора общественного развития вправо с конца 70-х гг., который вызвал на Западе полураспад коммунистических и ослабление социалистических партий, а на Востоке — крах большинства режимов «административного социализма».

Во-вторых, это принцип «маятника», «качелей» в развитии революции и контрреволюции, наиболее ярко проявившийся в истории Франции конца XVIII—XIX в. и России XX в. Как известно, Великая Французская революция шла сначала влево до якобинской диктатуры, затем — до отказа вправо, включая реставрацию династии Бурбонов, затем вновь влево через революцию 1830 г. и 1848 г. до Парижской коммуны. Аналогичным образом Российская революция пережила военный коммунизм, НЭП, сталинский перелом, наконец, перестройку, превратившуюся, по меткому выражению Александра Зиновьева, в «катастрофку». Представляется, что начавшееся после 1985 г. движение «маятника» российской истории вправо в настоящее время еще не завершено.

В-третьих, это бюрократический характер новейшей российской революции (или контрреволюции): устранение прежней власти было осуществлено не контрэлитой, а вторым эшеленом существовавшей политической элиты, при этом бюрократия в целом обменяла власть на собственность, а еще чаще умножила собственность при сохранении власти. В результате левые течения испытывают серьезные проблемы в формировании собственной политической контрэлиты.

Наконец, в-четвертых, это дискредитация в общественном сознании большинства известных моделей общественного развития, в том числе, увы, и социалистической идеи. Среди многочисленных парадоксов современной России есть и такой: масса людей с левыми или даже леворадикальными настроениями, испытывающих аллергию при слове «коммунизм» или «социализм». Этот феномен еще ждет своего изучения социологическими методами.

Думаю, объективную тенденцию развития субъективными усилиями, несомненно, нужно пытаться изменять, но вряд ли можно изменить. Поэтому условия деятельности демократических левых в обозримой перспективе скорее всего будут неблагоприятными. В этих условиях возможна одна из двух линий поведения:

1) на полную самостоятельность и чистоту рядов, так сказать, «идеология гордого одиночества»;

2) на блокирование с теми или иными политическими силами.

Первую линию мы пытались проводить с 1991 г., однако она успехом не увенчалась. Лейбористский по форме, но гораздо более левый по содержанию проект не удалось реализовать, по крайней мере, по трем причинам:

1) боязнь профсоюзов втягиваться в политику;

2) смещение современного профсоюзного руководства вправо (парадоксально, но факт: лидер нынешней ФНПР Михаил Шмаков заметно правее лидера «Красных директоров» Юрия Скокова!);

3) немногочисленность и организационная слабость левых активистов.

Вторая линия могла бы быть связана с участием в широком блоке политических сил, представляющих интересы как наемных работников, так и производительного, социально ориентированного капитала. Участие демократических левых позволило бы их союзникам, с одной стороны, несколько улучшить политический имидж, а с другой — сделало бы оппозицию более цивилизованной, помогло бы избежать крайностей, которыми чревата революционная или контрреволюционная эпоха. Вместе с тем при организационной слабости демократических левых подобная тактика чревата их растворением в других течениях. В любом случае выбрать линию поведения придется по обычному в политике принципу — по принципу меньшего зла. Действовать же в обозримой перспективе скорее всего предстоит в оппозиции. И здесь мне вспоминается известная идея Альберта Камю о том, что подлинным героем всех времен и народов является Сизиф: он точно знает, что камень сорвется с вершины, но продолжает катить его в гору.

Хочу надеяться, что у демократических левых в России хватит характера не опускать рук.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ XXI ВЕКА: НАДЕЖДЫ И ПРЕГРАДЫ

Обсуждаемая проблема имеет, как минимум, две стороны: анализ прошлого и настоящего (что стало с миром в последние 50 лет) и прогноз будущего (что в результате этого нас ожидает). Причем вторая сторона проблемы представляет собой еще большие теоретические трудности, чем первая. Трудности эти, помимо общих особенностей социального прогнозирования, связанных с его объектом, осложняются двумя обстоятельствами.

Во-первых, современное человечество явно переживает переход к новому типу общественной системы, причем как в цивилизационном, так и в формационном плане. Все пророки соглашаются, что мы живем в век перемен, — а в Китае даже есть пожелание недругу: чтоб тебе жить в век перемен, — но между пророками мало единства насчет того, что нас ждет впереди: одни обещают постиндустриальный рай, другие — глобальную катастрофу; одни уверены в полной и недалекой победе коммунизма, другие полагают, что концом истории станет западная либеральная цивилизация.

Во-вторых, общество в странах Восточной Европы и бывшего СССР находится в состоянии глубочайшего кризиса. Образно говоря, мы оказались в глубокой яме, из которой в лучшем случае видны ближайшие кучи выброшенной земли, но совсем не видна отдаленная перспектива.

Следует заметить, что понимание термина «демократический социализм» в данном случае принципиально отличается от того его понимания, которое обычно используется «правой» (модернистской) социал-демократией. Большинство современных социал-демократов понимают «демократический социализм» как общественный идеал, как процесс, т. е. как общественный идеал, к которому можно стремиться, но невозможно достичь. Мне же представляется, что «демократический социализм» — это модель общественной системы, характеризующаяся определенным набором признаков: производство, основанное на

высоких и экологически ориентированных технологиях; смешанная экономика с преобладанием общественных и коллективных форм собственности; приоритетное развитие образования, науки и культуры; ограниченное, по преимуществу основанное на результатах труда социальное неравенство и т. п. Иначе говоря, большинство социал-демократов так или иначе ориентируются на сохранение существующей модели, тогда как большинство демократических левых — на ее изменение. С другой стороны, и в современной России классический вариант социал-демократии представляется неприемлемым, поскольку, прежде чем накладывать ограничения на частную собственность, ее сначала приходится вводить в полном объеме, а это вызывает движение не вперед в XXI век, но, скорее, назад в XIX век.

Сделав эти оговорки, начну с парадокса, который наверняка вызовет огонь критики как слева, так и справа: шансы на реализацию модели демократического социализма невысоки, но если цивилизация их упустит, резко поднимутся ее шансы на самоубийство.

В пользу возможности реализации модели демократического социализма можно предложить, как минимум, три основных аргумента, причем все они являются доказательствами не прямыми, а косвенными.

Аргумент № 1 основан на исторических аналогиях. До сих пор история не знала случаев, чтобы новая общественная формация, раз возникнув, затем безвозвратно уходила в прошлое и сменялась формацией предыдущей. Возвратные движения всегда были временными и восстанавливали прежнюю систему лишь отчасти (рабство в Америке, «второе издание крепостного права» в Европе, периоды реставрации в Англии и Франции). При этом чем больше та или иная революция выходила за пределы исторически возможных задач, тем больше («по принципу маятника») было возвратное движение к прежней системе. Представление о социализме как о тупиковой ветви цивилизации в этом смысле расходится со всем предшествующим историческим опытом.

Аргумент № 2 исходит из исторической тенденции глобального масштаба. Сколько-нибудь объективный макроисторический анализ показывает, что вектор социального движения заметно смещается влево к более справедливому обществу. Так, феодальное общество (средневековая цивилизация) справедливее рабовладельческого; современный «социальный капитализм» — справедливее капитализма первоначального и т. п. Другими словами, по большому счету, более эффективное общество в конце концов оказывается и более справедливым, и наоборот. Предположение, будто в конце XX в. эта тенденция сменилась противоположной, вряд ли справедливо и во всяком случае нуждается в проверке опытом многих десятилетий.

Наконец, аргументом № 3 могут служить тенденции общественного развития в индустриально развитых странах Запада, связанные частью с современным этапом технологической революции, частью с влиянием «реального социализма», в основном уже ликвидированного, частью же с отношениями между странами «золотого миллиарда» и так называемым «третьим миром».

Речь идет о формировании экономического уклада, основанного на групповой собственности работников, об относительно высоком среднем уровне жизни, о развитой системе социальных гарантий, об активном экономическом

регулировании, об ограничении социального неравенства и т. п. Многие специалисты — от социал-демократов до правых консерваторов типа Хайека — считают все это проявлением социализации, и не без некоторых оснований.

Другими словами, мы не ошибемся, сказав, что рост цивилизации в развитых странах Запада во многом тождественен росткам посткапиталистических или социалистических отношений в них. И наоборот: разрушение даже бюрократического социализма в бывшем СССР и Восточной Европе сопровождается явным понижением уровня цивилизации и нарастанием варварства (в обыденном, а не строго научном смысле этого слова).

Так, если исходить из того, что главной социальной ценностью является человеческая жизнь, а главными социальными показателями, соответственно, показатели ее обеспеченности, то нельзя не видеть, что уровень жизни в России за последние 4 года снизился в среднем в 2—3 раза, продолжительность жизни у мужчин — на 6 лет, у женщин — на 1,5 года, а смертность превысила рождаемость в 1992 г. — на 220 тыс., в 1993 г. — на 750 тыс., в 1994 г. — на 920 тыс. человек. Совершенно очевидно, что после «шоковой терапии», как после войны средней интенсивности, потребуется восстановительный период.

Однако мы не можем не видеть, что трудности общества на пути к демократическому социализму едва ли не больше трудностей гомеровского Одиссея, который должен был проплыть между Сциллой и Харибдой у Геркулесовых столбов. Говоря точнее, подвиг Одиссея на этом пути человечеству придется повторить несколько раз в режиме некоего гигантского исторического слалома, через огонь, воду и медные трубы. Вот лишь некоторые преграды из тех, что предстоит преодолеть.

1. Совершенно очевидно, что для перехода к новому обществу необходимы, как минимум, два условия: зрелость его предпосылок и нестабильность общества старого. Иными словами, необходимы предпосылки революции социальной и революции (или реформы) политической. Точно так же совершенно очевидно, что условия эти формируются не одновременно, как полагали авторы Коммунистического Манифеста, а разновременно. Я не разделяю «теории отсталости» Н. Бухарина, но простой статистический анализ показывает, что число революционных ситуаций в развитых странах в первой и во второй трети XX в. было на несколько порядков выше, чем в последней его трети. По-видимому, период наибольшей нестабильности капитализма миновал, но зато предпосылки нового общества сформировались в настоящее время как никогда прежде.

2. До сих пор на практике никому не удалось разрешить противоречие между демократической природой социальной революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Когда Фридрих Энгельс говорил, что революция — самый авторитарный акт в истории; когда Макс Вебер разрабатывал идею плебисцитарной демократии и харизматического лидерства; когда современные политологи доказывают, что революционные режимы в большинстве случаев становятся авторитарными, — все это свидетельствует об одном: коренная ломка или «радикальная трансформация» одной социетальной системы в другую, как правило, невозможна без сильной власти. Однако, с другой стороны, мы знаем, что диктатура пролетариата легко превращается в диктатуру бюрократии, а харизматические лидеры — в гитлеров или муссолини. Диктатура

же бюрократии ведет к бюрократической революции и реставрации капитализма, как это произошло во многих странах, включая Россию.

Теоретически ключи к решению этой проблемы хорошо известны. Главный из них — развитие самоуправления трудящихся. Однако с помощью этих «ключей» дверь в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

3. Наконец, даже в теоретическом плане остается открытым вопрос о том, как разрешить противоречие между необходимостью большей социализации общества во имя его выживания и частными интересами крупных собственников, высших классов или отдельных государств.

Как известно, 25 лет назад Римский клуб выступил с критикой безудержного потребительства и неконтролируемого технического прогресса, предложив взамен идеи более регулируемого и справедливого общества, в котором социальное неравенство было бы поставлено под контроль. Удивляюсь, как в современной России левого либерала Аурелио Печчеи до сих пор не объявили «красно-коричневым»! В более мягкой форме «концепции устойчивого развития» эти идеи были поддержаны Конференцией по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Интересно, что в России первой из серьезных политических сил эти идеи включила в свою программу Коммунистическая партия Российской Федерации.

Работы авторов Римского клуба, как и документы ООН, убедительно показывают, что нынешняя модель потребительского общества себя исчерпала. Попытка распространения этой модели на все человечество равнозначна его гибели в результате энергетического и экологического кризиса. Лозунг «Развитие вместо роста» предполагает замену этой модели иной, более регулируемой и справедливой. Не могу не заметить также, что выводы Римского клуба в художественной форме предвосхитил известный советский фантаст и палеонтолог Иван Ефремов, роман которого «Час быка» описал возможную катастрофу современной цивилизации несколькими годами раньше, чем «Пределы роста» Д. Медоуза.

Однако неочевидно, что аргументы Римского клуба или ООН, весьма убедительные в научном отношении, окажутся убедительными вместе с тем и для высших классов развитых стран, которым предстоит жертвовать частью богатства во имя общего выживания. Неочевидно, что альтернатива: «новая общественная модель или гибель» будет вовремя осознана широкой общественностью и населением. Имеющиеся социологические опросы показывают: население способно поступиться своими материальными интересами лишь в том случае, если катастрофа угрожает немедленно.

Косвенным подтверждением этому может служить ситуация в России 90-х гг.: современная политика губительна для высоких технологий, социальной сферы, нормального образа жизни большинства населения, но отвечает интересам узких групп, так называемых «новых русских»; однако в целом народ воспринимает катастрофу, скорее, равнодушно или стоически, в том числе и потому, что многих убедили, будто выворачивание карманов необходимо для их же собственного блага. Реальная ситуация во многом напоминает мазохистский анекдот о русских, над которыми проводили эксперимент и в конце концов объявили, что завтра будут

вешать. В ответ герои анекдота лишь спросили: «Веревку там дадут или с собой приносить?»»

Нет гарантий, что человечество в целом, как и отдельный человек, в альтернативе между сиюминутными удовольствиями и продлением жизни не выберет сиюминутных удовольствий по принципу «После нас хоть потоп!»

Теперь, конкретизируя исходный парадокс, можно утверждать, что реализация идеала демократического социализма равна произведению вероятностей разрешения человечеством противоречий, обозначенных выше. Если учесть, что число этих противоречий может быть расширено, а вероятность разрешения каждого из них невысока, то первое суждение парадокса о проблематичности реализации демократического социализма становится очевидным. Однако это отнюдь не снимает убедительности второго суждения, ибо в силе остаются все аргументы в пользу демократического социализма, и главный из них — большая социализация является условием выживания человечества.

В итоге всего сказанного позволю себе следующий вывод. Вопрос о демократическом социализме XXI века остается открытым. Однако для левых это означает не индульгенцию на бездействие, а стимул к действиям. Популярная в России формула «За успех нашего безнадежного дела!» — в данном случае вполне осмысленна, ибо, работая во имя своих социальных идеалов, демократические левые тем самым работают и во имя выживания человечества.

* * *

Внимательный читатель, должно быть, уже догадался, что, называя книгу «Три трагедии российской демократии», автор имел в виду более глубокий смысл, нежели тот, что отражен в одноименной статье, посвященной разгрому парламентской власти в России. В более общем смысле три трагедии российской демократии — это, во-первых, использование новой политической элитой механизма плебисцитарной (т. е., казалось бы, непосредственно народной) демократии против интереса самого народа, манипулирование народом посредством самого народа; это, во-вторых, полное подавление представительной власти властью президентской, а следовательно, замена представительной демократии полуавторитарным режимом; это, в-третьих, крушение всех попыток создания новых массовых демократических движений левой ориентации, что резко ограничило политическую базу левого движения в целом, способствовало доминированию правых в политике, а тем самым и выбору разрушительного экономического курса.